

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

17 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (516) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Ардем Патапутян* (1967), американский молекулярный биолог и нейробиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, член Американского философского общества.

Ардем Патапутян родился в Бейруте в армянской семье. Его мать была учительницей начальных классов и директором начальной школы, а отец — писателем и бухгалтером. Ардем был самым младшим из троих детей. Ему было восемь лет, когда в Ливане разразилась гражданская война. К армянам обычно относились нейтрально с точки зрения христианско-мусульманского конфликта, и Ардем посещал маленькие армянские школы, в которых количество учеников уменьшалось с каждым днем, поскольку люди бежали от войны.

После окончания школы Ардем Патапутян обучался в Американском университете Бейрута в течение года, прежде чем эмигрировать в США в 1986 году. Окончил он Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, в 1990 году получил степень бакалавра в области цитологии и биологии развития, а в 1996-м — степень доктора философии в Калифорнийском технологическом институте.

Будучи аспирантом, Патапутян работал с Луи Райхардтом в Калифорнийском университете в Сан-Франциско. В 2000 году он стал доцентом в Научно-исследовательском институте Скриппса. В период с 2000 по 2014 год он дополнительно работал в Исследовательском фонде Novartis. С 2014 года Ардем Патапутян работает исследователем в Медицинском институте Говарда Хьюза (ННМИ).

Ардем Патапутян, используя чувствительные к давлению клетки, открыл новый класс рецепторов в коже и внутренних органах, реагирующих на механические раздражители. Параллельно с ним американский физиолог Дэвид Джулиус с помощью капсаицина — алкалоида из очень острого перца чили, вызывающего чувство жжения, сумел обнаружить в пронизывающих кожу нервных окончаниях рецептор, реагирующий на тепло (TRPV1). В дальнейших исследованиях Дэвид Джулиус и Ардем Патапутян независимо друг от друга обнаружили ионный канал TRPM8. Он был открыт благодаря еще одному веществу, вызывающему «температурные» ощущения — приятно охлаждающему ментолу. Канал TRPM8 активируется при переохлаждении клетки, и нейрон посылает нам сигнал,

что лучше бы надеть перчатки или есть мороженое помедленнее.

Работая в исследовательском центре Scripps Research, Ардем Патапутян занимался и другим важным вопросом: что позволяет нам чувствовать прикосновение и давление на кожу? Затратив немало усилий, Патапутян и его коллеги идентифицировали ген Piezo1. Оказалось, что он кодирует ранее совершенно неизвестный ионный канал, который активируется давлением. Вскоре исследователи обратили внимание на ген Piezo2, очень похожий на ген Piezo1.

Эти прорывные работы положили начало интенсивной исследовательской деятельности, которая быстро углубила наше понимание механизмов тепловой, холодовой, тактильной и проприорецепции.

Это открытие вызвало к жизни целую волну научных работ. Группа Патапутяна и другие исследователи выяснили, что ионный канал Piezo2 необходим для осязания, а также для восприятия положения и движения тела.

Затем ученые выяснили, что гены Piezo1 и Piezo2 регулируют и другие важные процессы: дыхание, артериальное давление и деятельность мочевого пузыря.

Биологи продолжают тщательно исследовать роль TRPV1, TRPM8, Piezo1 и Piezo2 в работе нервной системы. Есть надежда, что эти знания пригодятся в лечении многих заболеваний. Кроме того, их пытаются использовать и создатели биороботов и бионических протезов.

В 2017 году Ардем Патапутян получил премию У. Олдена Спенсера, в 2019 году — премию Розенстила, в 2020 году — премию Кавли в области нейробиологии и премию BBVA Foundation Frontiers of Knowledge Award в области биомедицины.

В 2021 году Патапутян стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине вместе с Дэвидом Джулиусом. Свою Нобелевскую медаль Артем Патапутян подарил музею истории Армении.

В 2022 году он был награжден орденом Святого Месропа Маштоца за выдающиеся достижения в области биологии и значительный вклад в развитие медицины.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Авакова Д. А.**
Некоторые проблемы процессуальной реализации прокурором исковой защиты 223
- Амбарян Д. С.**
Проблема правовой природы субсидиарных обязательств 225
- Антипова К. М.**
Коррупция в системе здравоохранения Российской Федерации 227
- Аргучинская А. О.**
К вопросу о квалифицирующих признаках преступления в виде неправомерного доступа к компьютерной информации..... 229
- Бабина К. Д.**
Принцип гласности судебного разбирательства по гражданским делам в российском процессуальном законодательстве..... 230
- Баймакишева Р. Б.**
Подходы к пониманию правовой природы цифрового права и его соотношение с другими правовыми категориями 233
- Барышева А. П.**
Исследование налоговых преступлений: основные тенденции и перспективы 235
- Белкин Е. Д.**
Проблема недостаточного регулирования вопроса о передаче по наследству интеллектуальных прав 238
- Белкин Е. Д.**
Проблема наследования рационализаторских предложений 240
- Бондарев Р. М.**
Некоторые особенности наследования результатов интеллектуальной деятельности ... 241
- Буздalова М. В.**
Анализ некоторых изменений законодательства в сфере административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок 243
- Буздalова М. В.**
Доставление как мера административного принуждения в борьбе с правонарушениями, посягающими на общественный порядок..... 245
- Булохов И. И., Мовсесян А. А.**
Особенности уголовно-правовой политики в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов 246
- Весленёв Я. О.**
Проблемные аспекты, связанные с увольнением дистанционного работника 247
- Вишневский В. М.**
Некоторые аспекты взаимоотношения адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и суда: теория и практика 249
- Геворкян Б. А., Семёнов А. Х.**
Правовые особенности заключения, изменения и расторжения договора купли-продажи 251
- Головко М. В.**
Реформирование системы местных бюджетов на основе принципа самостоятельности: опыт стран и перспективы для России..... 253
- Грибова А. А.**
Особенности тактики допроса несовершеннолетних пострадавших 254
- Громова М. Ю.**
Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений: вопросы теории и практики..... 256

Деньгин К. М. Ходатайство как элемент уголовно- процессуальной формы 258	Зарубин А. И. Защита прав дольщиков при несостоятельности (банкротстве) застройщика 279
Дорожкин Т. Т. Преступления террористической направленности: проблемы установления уголовной ответственности и квалификации... 259	Захарченко Д. А. Понятия «беспризорность» и «безнадзорность», их соотношение. Психологические особенности несовершеннолетних, состоящих на учете в органах и организациях по защите прав детей..... 281
Ермакова Е. С., Кокарев Д. В. Новеллы законодательства, регулирующего прокурорский надзор в сфере исполнительного производства..... 262	Казаченок Н. В. Некоторые особенности оперативно- розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности 284
Ермакова Е. С. Поддержание государственного обвинения как вид процессуальной деятельности, осуществляемой прокурором в уголовном судопроизводстве 266	Каргина Н. О., Серякова Л. Д. О необходимости использования звукозаписи в ходе допроса с участием переводчика..... 287
Ершов А. В. Культурологическая экспертиза как средство доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии..... 271	Качанова О. В. Добровольный отказ от совершения преступления 289
Журавлев Р. А. О некоторых вопросах эффективности противодействия экстремизму в современной России 273	Кириченко О. А. Рецидив преступлений: проблемные вопросы..... 291
Журавлев Р. А. Противодействие распространению экстремистских материалов в сети «Интернет» в современной России 274	Кокарев Д. В. Вопросы материально-технического обеспечения безопасности работников прокуратуры..... 293
Журавлев Р. А. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей..... 276	Колесникова Е. А. Медиация и ее роль в защите прав наследников..... 295
Заболотских В. А. Представление как акт прокурорского надзора 277	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Некоторые проблемы процессуальной реализации прокурором исковой защиты

Авакова Дарина Аркадьевна, ведущий специалист
Минераловодская межрайонная прокуратура (Ставропольский край)

Ключевые слова: суд, гражданское судопроизводство, исковое заявление, социальная защита, законный интерес граждан, участие прокурора, гражданский процесс, самостоятельное обращение гражданина, мнение прокурора, обращение прокурора, прокурор.

В данной статье рассматриваются основные проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Цель научного исследования направлена на выявление конкретных проблемных вопросов, которые касаются непосредственного участия прокурора в гражданском процессе.

Автор предоставляет анализ процессуальных норм, которые регулируют участие прокурора в гражданском судопроизводстве. Изложены конкретные предложения по совершенствованию действующего гражданского процессуального законодательства в указанной сфере исследования, так как анализ российского процессуального законодательства, который регламентирует участие прокурора в гражданском судопроизводстве, позволяет сделать вывод, что обозначенный вопрос остается актуальным и, на сегодняшний день, представляющим интерес для современного исследования.

Одними из главных задач при участии прокурора в гражданском процессе является максимально эффективная реализация своих закрепленных полномочий для неукоснительного обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и государства в целом.

Указанная возможность может быть реализована путем обращения в суд. Однако не все граждане могут самостоятельно воспользоваться данным правом по объективным причинам.

В связи с этим, предусмотрен способ защиты прав и законных интересов граждан, закрепленный в статье 45 ГПК РФ^[1], что прокурор обращается в суд в защиту прав и законных интересов других лиц по причине того, что подача искового заявления самим гражданином по состоянию здоровья, в силу возраста, недееспособности и других уважительных причин невозможна. Таким образом, безусловно, данная процессуальная позиция не нарушает принцип диспозитивности, и как бы служит препятствием вмешательству прокурора в частноправовые отношения граждан.

Но, изучение данной нормы права выявило существенные минусы ее правоприменения.

Так, согласно статье 134 ГПК РФ, по причине недоказанности прокурором уважительности причин, которые препятствуют предъявлению искового заявления конкретно лицом от своего имени, суды, зачастую, отказывают в возбуждении гражданского судопроизводства.

Причинами сложившейся тенденции стало отсутствие в законодательстве четких критериев невозможности самостоятельного обращения гражданина в суд, что привело к снижению гарантий соблюдения социальных прав.

Такие понятия как «состояние здоровья», «возраст», «другие уважительные причины», указанные в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ толкуются прокурором и судом по-разному и, в связи с этим, возникают вышеуказанные проблемы, так как оценка уважительности данных причин принадлежит суду, и в отдельных случаях мнение прокурора игнорируется.

Как отмечает Фирсова О. ни один нормативный и даже медицинский акт не содержит понятий «состояние здоровья», «тяжелая болезнь», «стойкое расстройство здоровья».^[2]

Также необходимо отметить, что сама правоприменительная практика очень неточна и показывает, что судьи считают, что, к примеру, инвалидность еще не является однозначным основанием для того, чтобы прокурор мог заявить иск в суде в интересах данного инвалида.

Вместе с тем, инвалид, несмотря на группы инвалидности, это все же лицо, с нарушенным здоровьем, сопровождающимся стойким расстройством функций организма, по причине заболеваний, последствий травм или дефектами, которые приводят к ограничению жизнедеятельности и вызывают необходимость его социальной защиты.^[3]

Анализ ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, показывает, что состояние здоровья и возраст четко определены в ней и не требует дополни-

тельного представления доказательств, которые их подтверждают.

Но на практике часто суды отказывают прокурорам в принятии заявлений в защиту прав и свобод граждан, обосновывая это тем, что недостаточно доказательств того, что гражданин сам не в состоянии обратиться в суд по каким-либо уважительным причинам.

Таким образом, анализируя изучаемые пробелы в законодательстве, предлагаем дополнить перечень конкретных оснований для обращения прокурора в суд с заявлением в защиту прав граждан.

Считаем целесообразным обратиться к медицинской оценке, а также определению такого понятия как «состояние здоровья», для решения вышеуказанного вопроса.

На данный момент, понятие «здоровье» раскрывается в ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»^[4] и определяется как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма».

При изучении данного определения, касаемо правоприменения ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, необходимо конкретно уточнить, какие из расстройств относятся к уважительным причинам, которые могут препятствовать самостоятельному обращению гражданина с иском в суд.

В приказе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 585н [5] изложены основные виды нарушений функций организма человека.

Таким образом, мы считаем, что указанную классификацию, в полном объеме, надлежит использовать для аргументирования невозможности личного обращения гражданина в суд за защитой своих прав, так как это объясняет неспособность лица участвовать в соответствующем процессе.

Так, установление инвалидности человеку, уже говорит о нарушении состояния его здоровья. Но, к сожалению, не все суды расценивают инвалидность в качестве уважительной причины, при которой невозможно самостоятельно обратиться в суд с иском, объясняя отказ при принятии заявления проку-

рора, тем, что гражданин способен самостоятельно подать иск по почте, что не требует физической нагрузки.

Соответственно, данный подход мы считаем необоснованным, так как полагаясь на ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», инвалидом является лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Таким образом, из норм данного закона, следует, что прокурор имеет право обратиться в суд для защиты вышеуказанной категории социально незащищенных граждан при наличии справки об инвалидности, так как лица, у которых присвоена группа инвалидности, остро нуждаются в защите со стороны государства.

Также еще требует решения, возможность при обращении прокурора в суд с иском заявлением при защите прав и законных интересов граждан, которые находятся в таком физическом состоянии, при котором обращение в суд самостоятельно может угрожать жизни и здоровью при причинении лицу определенных эмоциональных страданий. В данном случае, указанное обстоятельство необходимо подтвердить прокурору медицинскими документами, заключением лечащего врача, которые обосновывают наличие того состояния у гражданина, когда присутствует риск ухудшения его здоровья при участии в судебном процессе.

Вышесказанное говорит об острой необходимости в принятии нормативного акта, который будет раскрывать право прокурора на обращение в суд в интересах гражданина, который не способен по состоянию своего здоровья самостоятельно обратиться за защитой своих прав в суд.

Касаемо «иных уважительных причин», то единоличное право в даче им оценки принадлежит именно суду, по этой причине, в отдельных взятых случаях мнение прокурора не берется во внимание, и в принятии заявлений суд зачастую отказывает.

Таким образом, возникает необходимость разъяснения положений ст. 45 ГПК РФ, в части, касающейся «иных уважительных причин, препятствующих обращению в суд самим гражданином» на законодательном уровне.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.— Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Фирсова О. Состояние здоровья как обоснование предъявления иска прокурором / О. С. Фирсова // Законность.— 2007.— № 2.— С. 9–11.
3. О социальной защите инвалидов Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ.— Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.— Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 585н, [Электронный ресурс]: — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проблема правовой природы субсидиарных обязательств

Амбарян Диана Саятовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Анализируется правовая природа субсидиарных обязательств, его место в институте множественности лиц в обязательстве.

Ключевые слова: основной должник, субсидиарная ответственность, субсидиарный должник, дополнительный должник.

В отечественном законодательстве не приводится понятие субсидиарных обязательств, вместе с тем, в Гражданском кодексе Российской Федерации используются термины «субсидиарная ответственность» и «субсидиарный».

Стоит отметить, что в научной литературе не так много работ, которые были бы посвящены исключительно рассмотрению вопроса субсидиарных обязательств. Тем не менее, нередко в научном сообществе субсидиарные обязательства толкуют как форму субсидиарной ответственности.

В науке гражданского права договорные субсидиарные обязательства изначально ассоциировались с ответственностью, направленной на обеспечение обязательств основного должника со стороны дополнительного [1].

Возможность кредитора привлечь к удовлетворению своих требований двух и более должников и обуславливает отнесение субсидиарных обязательств к одному из видов осложнения обязательств. Вместе с тем, ряд авторов (Иванова Г. Н., Шевченко А. С.) не признают множественность лиц ни в субсидиарных договорных, ни во внедоговорных субсидиарных обязательствах. Связана такая позиция с тем, что в обязательствах с множественностью лиц изначально предполагается участие двух или более лиц на одной из сторон правоотношений, а в субсидиарных правоотношениях кредитор первоначально вступает в правоотношения с одним (основным) должником, который как подразумевается и исполнит обязательство. И в случае неисполнения требований кредитора основным должником, только после этого появляется дополнительный или субсидиарный должник. Базисом же таких правоотношений выступают не столько обязательства между основным должником и кредитором, сколько правоотношения между основным и дополнительным должниками. Именно по этой причине субсидиарные обязательства рассматривают отдельно от множественности лиц и говорят о них, как об обязательствах, обеспечивающих исполнение основного обязательства.

Можно выделить два вида субсидиарных обязательств исходя из оснований их возникновения.

1) Субсидиарные обязательства, вытекающие из договора. Например, в силу п. 3 ст. 391 ГК РФ соглашением о переводе долга может быть предусмотрена субсидиарная ответственность первоначального должника, вместо солидаритета первоначального и нового должников перед кредитором, устанавливаемой по умолчанию в предпринимательских отношениях.

2) Субсидиарные обязательства внедоговорного типа. Обычно такой вид субсидиарной ответственности используется в процессе банкротства или если ущерб нанесен несовершеннолетним [2].

Действительно, основной и дополнительный должники — это должники единого кредитора, но можно ли в таком случае назвать их содолжниками? Ведь исполняют они обязательство по отдельности: сначала основной, потом субсидиарный (и то только в случае неисполнения/ неполного исполнения основным должником). В традиционных видах множественности — долевой и солидарной, должники выступают субъектами в одном и том же едином правоотношении.

Еще одним фактором, не позволяющим отнести субсидиарные обязательства к одному из виду множественности является закрепление норм о долевых, солидарных и субсидиарных обязательствах в гражданском законодательстве. Так, нормы о долевых обязательствах и солидаритете содержатся в главе 22 «Исполнение обязательств», в то время как нормы о субсидиарности располагаются в главе 25 «Ответственность за нарушение обязательств». Исходя из позиции законодателя, которая отслеживается по расположению институтов множественности в ГК РФ, можно сделать вывод о том, что и сам законодатель не выделяет субсидиарные обязательства в качестве отдельного вида множественности лиц в обязательстве, а рассматривает их в качестве обособленного правового явления.

В связи с выделением в законодательстве субсидиарной ответственности в форме солидаритете, возникает вопрос как можно ставить в один ряд солидарные и субсидиарные обязательства, если солидаритет может выступать формой субсидиарной ответственности? Ведь, если мы берем в качестве родового понятия множественность лиц в обязательстве, а в качестве видового — долевую, солидарную и субсидиарную множественность, то получается, что если субсидиарность может выступать в форме солидаритета, тогда происходит нарушение родовых и видовых понятий, ведь в данном случае субсидиарность встает в один ряд с родовым понятием множественности лиц, в связи с чем ставится под сомнение целесообразность отнесения субсидиарных обязательств к одному из виду множественности.

Самостоятельность субсидиарных обязательств, наряду с солидарными выражается, помимо всего прочего, в несвойственной обязательствам с множественностью лиц невозможности для кредитора предъявить требование об исполнении обязательства непосредственно субсидиарному должнику, минуя основного, а также возможное несовпадение предметов главного и субсидиарного обязательств.

В определенных ситуациях закон также вводит иные правила привлечения к субсидиарной ответственности, отличные от тех, которые закреплены в п.п. 1–3 ст. 399 ГК РФ. Так, Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Феде-

рации» [3] дополнил ст. 399 ГК пунктом 4: «правила настоящей статьи применяются, если настоящим Кодексом или иными законами не установлен другой порядок привлечения к субсидиарной ответственности». Таким образом, можно предположить, что цель положений ст. 399 ГК РФ состоит в том, чтобы установить правовой режим субсидиарной ответственности на случай отсутствия специальных правил, о чем говорит пункт 4 ст. 399 ГК РФ.

В связи с тем, что нормы о субсидиарной ответственности охватывают как саму ответственность, так и основное обязательство (от неисполнении которой и наступает ответственность), то целесообразнее было бы закрепить указанную норму в главе 22 «Исполнение обязательств» и правильнее было бы говорить о субсидиарном обязательстве, а не о субсидиарной ответственности.

Существует точка зрения, согласно которой субсидиарное обязательство — это два взаимодополняющих друг друга обязательства: первое — между кредитором и основным должником; второе — между основным и дополнительным должником.

В договоре может быть установлено, что лица, совместно давшие поручительство, несут субсидиарную ответственность. Может предусматриваться субсидиарная ответственность кого-либо из этих лиц и в то же время солидарная с должником ответственность других субъектов, участвующих в договоре на стороне поручителя. Как указывал Б. М. Гонгало, не исключено выделение среди лиц, совместно давших поручительство, субъекта, к которому в первую очередь должны быть обращены требования кредитора в случае неисправности должника (другие лица, участвующие в договоре на стороне поручителя, несут ответственность дополнительно к ответственности названного лица (субсидиарную ответственность). При отсутствии в договоре таких указаний действует упомянутое общее правило: лица, совместно давшие поручительство, в соответствующих случаях будут нести перед кредитором солидарную ответственность [4].

Обязанность субсидиарного должника является вторичной от долга основного должника. Таким образом, у дополнительного должника есть право на отказ от исполнения требования кредитора, если у кредитора отсутствует требование к главному должнику (например, если долг был прощен или исполнен).

Субсидиарная или как ее еще называют дополнительная ответственность возникает у субсидиарного должника при невозможности исполнения своего обязательства основным или главным должником. Суть субсидиарных обязательств сводится к тому, что кредитор сначала должен обратиться с требованием к главному должнику, а уже в случае наступления одного из следующих последствий обратиться к дополнительному:

а) при отказе главного должника от удовлетворения требования (п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]), кредитору вовсе необязательно обращаться в суд за получением исполнения, достаточно лишь обратиться с письменным требованием об этом);

б) отсутствие ответа на предъявленное требования от основного должника в разумный срок или отказ в удовлетворении.

Вместе с тем, даже при наличии одного из вышеназванных условий, для кредитора установлены ограничения возможного обращения с требованием к дополнительному должнику. Кредитор не сможет воспользоваться правом требования к субсидиарному должнику, если его обязательство может быть прекращено путем зачета встречного требования или путем бесспорного взыскания средств с первоначального должника [6].

Прежде всего следует указать на неточность обсуждаемой формулировки п. 2 ст. 399 ГК. Требование к основному должнику никак не может быть «удовлетворено путем зачета встречного однородного требования к основному должнику», так как такое требование не является встречным. Как основное требование принадлежит кредитору и адресуется основному должнику, точно так же и «встречным» ГК называет требование, принадлежащее кредитору и обращенное к основному должнику. Какое же оно, в таком случае, «встречное»?

Ясно, что это недоразумение. Очевидно, ГК рассчитывал сказать о возможности прекращения требования к основному должнику зачетом встречного требования.

В научном сообществе ученые высказывались о неточности формулировки законодательного положения, предусмотренного п. 2 ст. 399 ГК РФ, в котором говорится о невозможности обращения к дополнительному должнику кредитором, чье требование может быть удовлетворено путем зачета встречного требования к основному должнику. Так, такое требование не будет являться встречным, поскольку здесь речь идет о возможности прекращения требования к основному должнику зачетом встречного требования, принадлежащего должнику и обращенного к кредитору, то есть требование должника к кредитору, но никак не наоборот [7]. Что касается бесспорного взыскания средств должника, то и здесь есть ряд особенностей, в частности, если у должника недостаточно средств на счете, то соответственно обратит взыскание представляется невозможным, а значит право требования к субсидиарному должнику может быть реализовано [8].

Таким образом, природа субсидиарных правоотношений была и остается двойственной. Субсидиарная ответственность хоть и имеет внешнее сходство с остальными видами множественности лиц в обязательстве, однако сама по себе таковой не является. Связано это с тем, что изначально обязательство складывается между одним кредитором и одним должником, а появление дополнительного должника вовсе необязательно, и в случае его наличия, тем не менее, эти отношения не превращаются в множественность.

Литература:

1. Гражданское право. Учебник. Часть I. Издание третье /Под ред. Ф.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 537.

2. Щербина Н. В. Некоторые особенности наследственного правопреемства по российскому праву // Законодательство. 2019. № 12. С. 20–22.
3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/
4. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. с. 222
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11279/
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / под ред. Гришаева С. П. 2019. С. 429.
7. Бабаев А. Б., Бевзенко Р. С., Белов В. А. и др. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой (книга) 2008. Москва С. 653.
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.01.1998 № 28 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17649/

Коррупция в системе здравоохранения Российской Федерации

Антипова Ксения Максимовна, студент

Научный руководитель: Кудряшов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Проведённое исследование раскрывает основные коррупционные проявления в российской системе здравоохранения, указывает на их негативные последствия, а также позволяет выделить наиболее правильные пути решения проблемы коррумпированности в сфере медицины. Авторы статьи выдвигают свои предложения по противодействию коррупционным проявлениям в системе здравоохранения.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, здравоохранение, медицина, борьба с коррупцией, взяточничество.

Corruption in the healthcare system Russian Federation

The study reveals the main manifestations of corruption in the Russian healthcare system, points out their negative consequences, and also allows us to highlight the most correct ways to solve the problem of corruption in the medical field. The authors of the article put forward their proposals to combat corruption in the healthcare system.

Keywords: corruption, anti-corruption, healthcare, medicine, anti-corruption, bribery.

Система здравоохранения — важнейшая составляющая жизни общества, без которой становится невозможной нормальная жизнедеятельность населения, ведь она играет ключевую роль в обеспечении доступного медицинского обслуживания, сохранении и повышении уровня здоровья россиян. Здравоохранение представляется как система экономических и медицинских мероприятий, цель которых — сохранить и повысить уровень здоровья каждого отдельного человека и населения в целом [6]. Так, это одна из ведущих отраслей сферы производства услуг, следовательно, её не может не коснуться коррупция, которая пронизывает все сферы жизни общества, в том числе и здравоохранение, существуя ещё с древних времен. Проблема коррупции в данной системе является одной из наиболее актуальных проблем в современной России, поскольку здоровье — это главная ценность для отдельного человека. Также здоровье населения в целом — одно из главных условий

эффективной реализации национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития России. Так, Конституция Российской Федерации гласит о том, что человек является высшей ценностью государства. А для самого общества наибольшее значение имеет человек, проявляющий социальную и трудовую активность, благодаря чему общество постоянно развивается. В чем же заключается негативное влияние коррупции на систему здравоохранения? В том, что она ставит под угрозу жизнь человека, его здоровье, тем самым посягает на ценности, провозглашаемые Конституцией Российской Федерации. Кроме того, коррупция подрывает доверие к представителям медицины, ухудшает качество оказания медицинских услуг.

Коррупция в системе здравоохранения Российской Федерации проявляется, в первую очередь, в даче взяток медицинскому персоналу. Можно привести различные примеры взяточничества в медицинской сфере:

- 1) Выписка рецепта лекарственного препарата;
- 2) Получение листа нетрудоспособности и других справок: о непригодности к военной службе, разрешение на управление транспортными средствами, об инвалидности;
- 3) Досрочная выписка или более длительный период госпитализации;
- 4) Личный подход к больному, гарантированный качественный уход за пациентом, использование лучших медицинских препаратов и материалов;
- 5) Неверное установление причины смерти, а также подтверждение или сокрытие каких-либо медицинских фактов.

Нередко обычными гражданами получение незаконного вознаграждения медиками за выполнение сугубо профессиональных обязанностей рассматривается как норма и в целом не осуждается, что, в свою очередь, этически неправильно [5]. Действительно, получение различных подарков за обязанности, которые должностное лицо должно выполнять неукоснительно, не вызывает общественного порицания, а лишь одобряется.

Нельзя не отметить коррупцию в сфере государственных закупок, ведь в обороте находятся крупные денежные средства, следовательно, факты коррупции имеют частый характер. Коррупционные проявления наносят существенный вред национальной безопасности страны, ее экономическому развитию, к тому же, их достаточно трудно выявить. В пример можно привести приобретение дорогостоящего медицинского оборудования и значительные расходы на капитальный ремонт, где и существует высокая вероятность коррупционных проявлений.

Один из источников коррупции — исполнение бюджета и распределение бюджетных средств. Это благодатнейшая нива для коррупционеров [2]. В результате финансирования со стороны государства определенных сегментов здравоохранения происходит расхищение и растрата средств, выделенных на здравоохранение. Непрозрачность отношений между поставщиками лекарственных препаратов и медицинских товаров также является детерминирующим фактором развития коррупции.

Коррупция в платежных системах тоже имеет место быть, когда происходит учет фиктивных пациентов, подделка счетов, квитанций и расходных документов, использование средств медицинских организаций в интересах привилегированных пациентов, неправомерное направление пациентов государственных медицинских учреждений на обслуживание в собственных частных структурах, проведение неоправданного медицинского вмешательства в целях увеличения собственных доходов и так далее.

Чаще всего должностные лица, занимающие руководящие должности в органах здравоохранения, совершают хищения

с использованием своего служебного положения. Примером подтверждения данного факта может служить судебное разбирательство в отношении бывшего министра здравоохранения Саратовской области Натальи Мазиной, обвинявшейся в злоупотреблении должностными полномочиями, которая, как утверждало следствие, перечислила за несертифицированные в России аппараты УЗИ более 53 млн руб., причинив ущерб не только бюджету, но и с риском для жизни пациентов, которые могли пострадать от подобных аппаратов [3].

Одна из самых эффективных мер в борьбе с коррупцией в медицине — увеличение заработной платы медицинского персонала. До тех пор, пока зарплата врачей и младшего медицинского персонала будет низкой, она будет являться одним из детерминирующих факторов коррупции [6].

Кроме того, данная тема должна подробно освещаться в СМИ, поскольку оно может помочь сформировать общественное мнение. Оно также может помочь повысить осведомленность о насущных проблемах и событиях. Необходима работа непосредственно с населением, которое должно понимать общественную опасность коррупции в сфере медицины. Коррупцию невозможно искоренить до тех пор, пока население одобряет её проявления, а не порицает. Подчеркнуть следует и нужду информирования пациентов об их правах и обязанностях.

Само государство обязано контролировать финансирование здравоохранения, все финансовые потоки должны быть прозрачными, а деятельность медицинских учреждений должна быть открытой.

Должным образом необходимо реализовать постоянное совершенствование методики проведения антикоррупционной экспертизы законодательных актов, а также требуют устранения все правовые пробелы, дублирование и двусмысленность права.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что коррупция в сфере здравоохранения является негативно-правовым явлением, которое выражается в корыстном использовании медицинским персоналом своего служебного положения с целью получения каких-либо благ. Данное явление способно причинить существенный вред интересам человека, общества и государства в области охраны здоровья, а также разрушить нормальные общественные отношения в сфере реализации прав граждан на охрану здоровья и получения медицинской помощи. Разработка антикоррупционных мер в системе здравоохранения является актуальным направлением, а само явление коррупции в здравоохранении требует дальнейшего подробного изучения.

Литература:

1. Бурмистров, И. А., Никодимов, И. Ю. Международная коррупция как она есть. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». — 2022. — 116 с.
2. Годунов, И. В. Противодействие коррупции. — М.: Институт автоматизации проектирования РАН. — 2020. — 729 с.
3. Нафикова, Г. А. Должностные преступления в сфере здравоохранения // Закон и право. — 2024. — № 3. С. 282–286.
4. Румянцева, Е. Е. Противодействие коррупции. — М.: Юрайт. — 2022. — 267 с.
5. Черных Е. Е. Коррупционные риски в сфере здравоохранения // Законность и правопорядок. — 2022. № 3 (35). С. 67–70.
6. Чернышева, Ю. А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России // Закон и право. — 2021. — № 12. С. 222–224.

7. Щелакова В. А. Управление экономической безопасностью в сфере здравоохранения России // Экономика и экологический менеджмент. — 2023. № 2. С. 129–138.
8. Ярилина, К. П. Взятки в здравоохранении // Universum: экономика и юриспруденция. — 2021. — № 10 (85). С. 25–27.

К вопросу о квалифицирующих признаках преступления в виде неправомерного доступа к компьютерной информации

Аргучинская Алёна Олеговна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В настоящее время во многих статьях Особенной части УК РФ отражены признаки не только одного состава преступления, а нескольких и в основе их дифференциации лежит признак общественной опасности таких деяний, то есть речь идет про основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений.

Рассматривая положения ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» то можно выявить, что основной состав преступления отражается в первой части статьи, в то время как в ч. 2–4 отражаются квалифицированные составы преступлений.

Крайне важно разграничивать основной состав преступления и квалифицирующий. Основной представляет из себя типовой состав преступлений, то есть в нем содержатся основные элементы такого преступления, которые на практике встречаются в большинстве случаев. Данные элементы являются обязательными для всех составов такого преступления, данный состав является базовой моделью для всех составов преступлений того же ряда, которые в данном случае производные [2, с. 45].

Квалифицированные составы преступлений содержат в себе такие признаки, которые существенно повышают степень общественной опасности деяния по сравнению с основным составом, то есть помимо основных признаков они содержат также и дополнительные, именно в этой связи и обусловлен повышенный размер уголовной ответственности за совершение таких деяний.

Стоит также отметить, что некоторые авторы, помимо квалифицированных составов преступлений, выделяют также и особо квалифицированные. По их мнению, особо квалифицированные составы — это наличие таких признаков, в которых степень общественной опасности выше, чем в квалифицированных составах, однако, представляется, такое выделение лишним, и мы не будем придерживаться такого подхода в ходе настоящего исследования [1, с. 7].

Также существует необходимость проводить линию разграничения между обстоятельствами, которые являются квалифицирующими признаками в том или ином составе преступления, а также теми обстоятельствами, которые не признаются таковыми, однако со ссылкой на ст. 63 УК РФ являютсяотягчающими обстоятельствами применительно ко всем преступлениям. Общий признак между ними выражается в том, что они существенно повышают степень общественной опасности, следовательно, они ведут к повышенной уголовно-правовой ответ-

ственности, другое дело, что при квалифицирующем признаке данные пределы уголовной ответственности четко установлены.

Так, рассматривая квалифицирующие признаки преступления по ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», то непосредственно стоит начать с ч. 2, где содержатся: последствие в виде крупного ущерба и корыстный мотив.

Категория «ущерб» не раскрывается в науке уголовного права, так как это больше категория гражданско-правовой науки. Здесь стоит отметить, что убытки представляют из себя совокупность реального ущерба и упущенной выгоды, следовательно, экстраполируя данное положение применительно к ст. 272 УК РФ можно сделать вывод, что для ч. 2 данной статьи важен именно реальный ущерб, а не упущенная выгода.

Крупный ущерб определен в п. 2 примечаний к ст. 272 УК РФ и применяется для всех составов преступлений гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Следовательно, такое деяние признается оконченным с момента причинения ущерба, так как состав преступления материальный.

Недостатком данного квалифицирующего признака является то, что термин «крупный ущерб» раскрывается в примечании к ст. 272 УК РФ и в него долгое время не вносились никакие изменения, следовательно, такой подход законодателя не учитывает, что за годы уже успела поменяться экономическая ситуация в стране, изменился процент инфляции и т.д. [4, с. 154]. Как нам кажется, выход из такой ситуации видится в следующем: крупный ущерб должен определяться не путем отсылки к примечанию в статье, а путем отсылки на определенное Постановление Правительство РФ, которое каждый год будет обновляться и с учетом экономической обстановки, темпа инфляции и других характеристик определять, какой ущерб относится к числу «крупных».

Другим квалифицирующим признаком по ч. 2 ст. 272 УК РФ является «корыстная заинтересованность» — данный термин не раскрывается в тексте УК РФ, однако раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», так, под корыстной заинтересованностью понимают

«стремление путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера либо избавиться от материальных затрат».

Как нам кажется, выделение корыстного мотива в качестве квалифицирующего признака рассматриваемого преступления не совсем оправдано ввиду того, что доказать наличие данного мотива на практике достаточно трудно.

В ч. 3 ст. 252 УК РФ содержатся следующие квалифицирующие признаки:

- совершенные группой лиц по предварительному сговору;
- совершение преступления организованной группой;
- совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

Стоит отметить, что любая форма соучастия заметно повышает степень общественной опасности преступного деяния, так как наличие группы увеличивает шансы на то, что преступный результат будет достигнут, а также существует вероятность того, что группа и дальше может продолжить совершать подобные деяния.

Как справедливо указывает Л. А. Коврижных: «большинство преступлений в сфере компьютерной информации совершаются именно в соучастии». Характерными особенностями организованных групп в информационном пространстве являются то, что их объединение происходит на специализированных форумах, участники группы могут быть лично не знакомы друг с другом и находиться территориально в разных местах и даже в разных странах [3, с. 24].

Существенным недостатком ч. 3 ст. 252 УК РФ является то, что такие формы соучастия как «группа лиц по предваритель-

ному сговору» и «организованная группа» содержатся в рамках одной части, однако степень общественной опасности у них разная, а потому законодатель должен придерживаться дифференцированного подхода. В этой связи для устранения существующего недочета предлагается признак «совершение преступления организованной группой» вынести в ч. 4 ст. 252 УК РФ.

Другой квалифицирующий признак в ч. 3 ст. 252 УК РФ — это совершение преступления «лицом с использованием своего служебного положения». В отечественном уголовном законодательстве данный признак не раскрывается, а научная литература и судебная практика пестрят различными и противоречивыми подходами на этот счет. Как нам представляется верным, использование лицом своего служебного положения — это признаки должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в организации.

В ч. 4 ст. 272 УК РФ устанавливается, что квалифицирующие признаки преступления выражены в том, что лицо совершает деяние, предусмотренное ч. 1, 2 или 3 ст. 272 УК РФ и такое деяние влечет наступление тяжких последствий или же создает угрозу их наступления.

«Тяжкие последствия» — это оценочная категория, примерный перечень таких последствий приводится в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37: длительная приостановка или же нарушение работы предприятия, причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого вреда здоровью и т.д.

Для констатации угрозы наступления тяжких последствий правоприменитель должен установить, что угроза была реальной.

Литература:

1. Антонов А. Г. Крюков Д. В. К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2022. — № . 44. — С. 5–16.
2. Бражник С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации как угроза экономической безопасности: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2017. — № 3. — С. 44–47.
3. Коврижных Л. А. Особенности субъективных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ // Право и общество. — 2021. — № 1(2). — С. 20–26.
4. Рафиков И. Н. Алышев Ю. В. Преступления в сфере компьютерной информации // E-Scio. — 2020. — № . 2 (41). — С. 154–159.

Принцип гласности судебного разбирательства по гражданским делам в российском процессуальном законодательстве

Бабина Карина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Воронов Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

В соответствии с Конституцией России и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — ГПК РФ) принцип гласности гласит, что орган правосудия рассматривает дело в открытом судебном заседании.

Принцип гласности имеет особое значение при разбирательстве дела: принуждает судей соблюдать законы, качественно составлять документы, положительно влияет на развитие общественного доверия к судебной власти. Но важнейшие проблемы его реализации остаются до сих пор нерешенными.

К способам реализации принципа гласности относятся: право человека, организаций, добровольных формирований, органов власти принимать участие в открытом судебном заседании, вести трансляцию, опубликовывать акты судов в газетах, журналах и Интернете. Статья посвящена проблеме содержания принципа гласности судебного разбирательства по гражданским делам в российском процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: гражданский процесс, принципы гражданского судопроизводства, гласность судебного разбирательства, публичность, открытые судебные заседания, ограничения принципа гласности, закрытые судебные заседания.

Актуальность обозначенной темы исследования заключается в том, что изучение концептуальных основ права, раскрывающих принцип гласности в гражданском судопроизводстве, устойчиво демонстрирует, что именно данный принцип обеспечивает реализацию демократических основ гражданского судопроизводства.

Принцип гласности имеет конституционное значение, ведь согласно ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации разбирательство дел, открытое во всех судах. Слушание дела в закрытом заседании допускается лишь в случаях, которые предусмотрены федеральным законом [1, с. 249].

Согласно ч.ч. 1, 2 ст. 10 ГПК РФ, разбирательство дел во всех судах открытое. В закрытых судебных заседаниях осуществляется разбирательство дел только в случаях, если такие дела содержат сведения о тайне государственной важности, усыновления (удочерения) ребенка и по другим основаниям, предусмотренным федеральным законом.

В контексте гражданского судопроизводства важность гласности обусловлена ее основными задачами. «Правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан» [2, с. 440] и другие задачи, закрепленные в гражданском процессуальном законодательстве, невозможно претворить в жизнь без гласного характера судебного разбирательства. Подавляющее большинство теоретиков и практиков, занимающихся вопросами гражданского процесса, признают ценность гласности как эффективного инструмента общественного контроля судов и судей, средства предупреждения злоупотреблений и правонарушений со стороны судов и других участников процесса, а также повышения качества правосудия и судебных решений [3, с. 357].

Социальное значение гласности состоит в том, что она ставит работу суда под контроль общества, создавая связь между судом и обществом. Публичный судебный процесс положительно влияет на участвующих в нем судей или их представителей с точки зрения общественного контроля за их деятельностью и влияет на соблюдение норм гражданского судопроизводства. Этот принцип является одной из предпосылок вынесения обоснованных и законных судебных решений и последующей общественной оценки работы судов и функционирования судебной системы [4, с. 29].

Современное содержание принципа гласности судебного разбирательства включает в себя следующие элементы.

Во-первых, это открытое разбирательство всех дел во всех судах. Здесь подразумевается возможность любого лица, в том числе никак не связанного с рассматриваемым делом, присутствовать в зале судебного заседания. Суд не может решать,

каким гражданам можно посещать судебное заседание, а каким нет, отдавая предпочтение определенным лицам.

Во-вторых, это право публики наблюдать за ходом судебного разбирательства. Данное право имеет взаимосвязь с устностью и непосредственностью судебного разбирательства — двумя важными принципами гражданского процесса.

В-третьих, возможность фиксировать ход судебного заседания. Закон допускает фиксацию судебного процесса в письменной форме, путем аудиозаписи, фотографирования, видеосъемки, трансляции судебного заседания через радио, телевидение или через Интернет.

В-четвертых, это публичное объявление судебных постановлений. Сюда включается не только устное оглашение судьей в судебном заседании содержания судебного акта, но и предоставление возможности участникам процесса и неопределенному кругу лиц ознакомиться с содержанием судебных постановлений путем получения копии судебного акта в канцелярии суда, опубликования текстов процессуальных документов суда в СМИ и на официальных сайтах судов [5, с. 100].

С одной стороны, открытые судебные процессы, оглашение решений и другие механизмы гласности представляют собой предупредительные меры, направленные на недопущение принятия незаконных судебных решений. С другой стороны, принцип гласности в судебных процессах, а также доступ к информации о работе судов, не должны создавать предпосылок для вмешательства в судебную деятельность. Это подтверждается тем, что в процессе осуществления правосудия суды являются независимыми и подчиняются исключительно Конституции Российской Федерации и закону [6, с. 99].

Однако принцип гласности судебной системы противоречит институту неприкосновенности личной жизни лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве [7, с. 332].

Неприкосновенность частной жизни представляет собой неотъемлемое право личности определять свой собственный образ жизни, свободный от произвольного вмешательства со стороны государства, общества или отдельных лиц. Для защиты конфиденциальности личной переписки и личных телефонных сообщений граждан такие документы могут быть обнародованы только с согласия сторон, между которыми данная переписка и сообщения имели место. В противном случае они могут быть раскрыты лишь в рамках закрытого судебного заседания [8, с. 53].

Итак, на сегодняшний день существуют три проблемы реализации принципа гласности гражданского судопроизводства:

1. Проблема недопуска лиц, не участвующих в деле, в судебное разбирательство судебными приставами. Предложено введение процедуры, которая бы регламентировала процедуру пропуска лиц на судебное заседание.

2. Проблема отсутствия беспрепятственного осуществления кино- и фотосъемки, видеозаписи, трансляции судебного заседания по радио, телевидению и в Интернете, а именно с разрешения суда. Предложено регламентировать в ч. 7 ст. 10 ГПК РФ легальные причины, по которым суд может запретить осуществление указанных действий.

3. Проблема неопубликования в источниках всех документов по гражданскому делу, а лишь итогового акта — судебного решения. Предложено публиковать все документы по гражданскому делу, если это не нарушает права и законные интересы участвующих в деле лиц.

Таким образом, для эффективной реализации принципа гласности судебного разбирательства необходимо решение вышеуказанных проблем. Для этого необходимо дальнейшее совершенствование исследуемого института и рассмотрение возможности внедрения указанных выше предложений и рекомендаций. Одним из перспективных направлений развития норм гражданского процессуального законодательства о транспарентности судопроизводства является перспектива трансляции всех открытых судебных заседаний на сайте суда. Однако к данному, безусловно, прогрессивному нововведению пока суды не готовы ни технически, ни организационно.

Со стороны участников судебного процесса также будет встречаться сопротивление, вызванное нежеланием разглашать сведения о себе и о своих персональных данных. Однако данные сложности являются преодолимыми, ведь сам факт обращения

в суд не является тайным, а персональные данные участников процесса (кроме фамилии имени и отчества, которые, итак, в настоящее время отображаются на сайте суда) в ходе судебного заседания обычно не произносятся.

Таким образом, принцип гласности в гражданском судопроизводстве представляет собой важный стержень правовой системы, обеспечивая открытость, обозримость и общественный контроль над судебными процессами. Этот принцип служит гарантом справедливости и независимости судей. На сегодняшний день механизм реализации принципа гласности в гражданском судопроизводстве нуждается в совершенствовании. Этот процесс может включать в себя дальнейшее разъяснение и уточнение законов, чтобы гарантировать эффективное соблюдение принципа гласности, сохраняя при этом необходимый баланс с другими конституционными ценностями и правами граждан.

Принцип гласности имеет большое значение для обеспечения воспитательно-профилактической функции судебной власти и средства наблюдения за деятельностью суда, рассматривающего дело.

Принцип правовой гласности с одной стороны и принцип свободы мнений и средств массовой информации с другой, требуют свободного доступа всех заинтересованных лиц и прежде всего представителей СМИ к судебной информации. Однако доступ к такой информации представителей средств массовой информации должен иметь свои ограничения

Литература:

1. Панова А. А. Принцип гласности в гражданском процессе: современные аспекты // Современная юриспруденция: правовая мысль и правоприменительная практика: материалы Всероссийской студенческой научной конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации. Иркутск, 2023. С. 247–250.
2. Конорезов Н. А. Некоторые проблемы реализации принципа гласности и открытости в гражданском судопроизводстве // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XXV Международной научно-практической конференции молодых ученых. Пермь, 2023. С. 437–441.
3. Шокур М. И. Принцип гласности в гражданском процессе // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы XVIII всероссийской студенческой научно-практической конференции. Новосибирск, 2023. С. 356–358.
4. Алиев Р. Т. Реализация принципа гласности в гражданском судопроизводстве // Современное право России: проблемы и перспективы: материалы VII международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 28–31.
5. Паверников Р. А. Принцип гласности в доктрине и законодательстве о гражданском судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 2. С. 96–102.
6. Алиев Р. Т. Ограничение принципа гласности в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 96–101.
7. Муравлева В. А. Проблемы реализации принципа гласности гражданского процесса в Российской Федерации // Российская наука в современном мире: сборник статей LI международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 331–332.
8. Воронов Е. Н., Труфанова А. Ю., Кораблёва А. А. Право на обжалование как право на защиту от незаконных судебных решений // Современное общество и право. 2023. № 2 (63). С. 47–59.

Подходы к пониманию правовой природы цифрового права и его соотношение с другими правовыми категориями

Баймакишева Регина Берекановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Фролов Игорь Валентинович, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются особенности правового регулирования цифровых прав в России, изучаются их характерные признаки, а также проводится анализ сущности цифровых прав и их соотношение со смежными институтами права.

Ключевые слова: цифровые права, правовой калейдоскоп, интеллектуальные права, право цифровых технологий, кибер-право.

Approaches to understanding the legal nature of digital law and its relationship with other legal categories

Baymakisheva Regina Berekanovna, student master's degree

Scientific advisor: Frolov Igor Valentinovich, doctor of law sciences, professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines the features of the legal regulation of digital rights in Russia, studies their characteristic features, and also analyzes the essence of digital rights and their relationship with related legal institutions.

Keywords: digital rights, legal kaleidoscope, intellectual rights, digital technology law, cyber law.

Одной из ключевых «национальных целей и стратегических задач развития на период до 2024 г.» согласно Указу Президента РФ от 07 мая 2018 г. явилась разработка системы правового регулирования цифровой экономики. Реализуя данную задачу, был издан Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ), дополнивший Гражданский Кодекс РФ таким правовым феноменом, как «цифровое право».

Настоящий Закон закрепил легальную дефиницию «цифрового права», а бесчисленное множество работ ученых-цивилистов рассмотрели его под разным углом, наделяя различными смыслами, определяя его сущность и место в российской правовой системе. Тем не менее, на сегодняшний день не существует единой точки зрения на правопонимание данного правового явления, ровно как и отсутствуют ответы на вопросы о соотношении цифрового права со смежными правовыми категориями, такими как, например, интеллектуальное право. Настоящая статья рассматривает основные направления исследования правовой природы цифрового права.

Подход, которого придерживаются преимущественная часть исследователей, является цивилистическим, нареченным так, поскольку учитывает закрепление цифрового права в Гражданском Кодексе в качестве объекта гражданских прав в п. 1 ст. 141.1. Согласно данному подходу цифровое право определяется его субъективным характером — это имущественное право отдельного лица, наделенное экономической ценностью. Подобная точка зрения позволяет полагать, что цифровые права, являясь имуществом, могут выступать объектом правоотношений в различных сферах, в т.ч. инвестиционной, пред-

принимательской и т.д. Таким образом, глядя с позиции действующего законодательства, представляется вполне научно обоснованным, что цифровые права равно рассматриваются наряду с имущественными правами, к которым относятся безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги.

В настоящее время в юридической науке также встречаются мнения о том, что цифровое право является самостоятельной областью права, которые при этом отличаются друг от друга степенью «глубины» такой самостоятельности. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет собой теория «правового калейдоскопа», согласно которой право представляет собой не просто совокупность различных его отраслей разного уровня, а лишь разрозненные общеобязательные правила поведения, которые формируют многочисленные отрасли права в зависимости от того, на какой группе отношений они сфокусированы. Следовательно, одни и те же нормы права могут в одно время быть частью различных отраслей норм.

Наиболее любопытным в рамках данного подхода является вопрос о соотношении цифрового и интеллектуального права. Интерес данной темы определен тем, что интеллектуальные права наравне с цифровыми признаны одним из видов субъективных гражданских прав, и на многие объекты, созданные в цифровом пространстве, распространяются интеллектуальные права.

На наш взгляд, очевидные отличия можно вывести из сущности интеллектуальных прав: интеллектуальные права составляет исключительное право, личные неимущественные и иные права, в то время как цифровые права не могут выступать в качестве личных неимущественных прав в силу своей правовой природы. Напротив, в качестве составляющего цифровых прав

выступают обязательственные права, не включаемые в состав интеллектуального права. Кроме того, нельзя игнорировать и процедуру распоряжения каждым из упомянутых объектов права. Так, распоряжение правом на результат интеллектуальной деятельности всегда сопровождается обращением в регистрирующий орган, чего, конечно, нельзя сказать об отчуждении цифровых прав.

Продолжая рассмотрение подходов на правовую природу цифровых прав, следует обратиться к подходу, условно называемому информационно-правовым. Согласно данному подходу возникающие и осуществляемые с помощью информационных технологий права относятся к новой отрасли информационного права. В контексте данного подхода цифровое право рассматривается в качестве права на доступ к электронным устройствам и коммуникационным сетям, права на доступ, передачу, использование и распространение информации. Данный подход представляется недостаточно проработанным, поскольку не учитывает, что цифровое право затрагивает в том числе и финансовые, семейные, трудовые отношения, которые осуществляются в цифровой среде и не сводятся к получению, использованию или распоряжению информацией посредством информационной платформы. Иначе говоря, цифровое и информационное право хоть и являются коррелирующими, но не равнозначными.

Среди работ ученых-цивилистов можно также встретить подходы, согласно которым цифровое право рассматривается с точки зрения тех или иных отраслей права. Так, например, цифровое право рассматривается даже в системе конституционных прав и свобод. Авторы данного подхода предлагают употребление термина «цифровые права» в качестве вида конституционных прав человека с параллельным существованием аналогичного термина в гражданско-правовом смысле. Несомненно, основополагающие права человека, закрепленные в Конституции, на сегодняшний день могут быть реализованы в цифровой среде. Однако, не стоит игнорировать легальное определение цифровых прав, согласно которому таковые являются в первую очередь имущественными правами, которым корреспондируют и обязательства, чего нельзя сказать о конституционных правах физических лиц.

Нельзя не обратить внимание также на правовое регулирование цифровой экономики с точки зрения административного права. В сущности данная отрасль права направлена на регулирование имущественных отношений, проявляющихся в исполнительно-распорядительной деятельности субъектов, представляющих государственное управление с применением системы власти и распоряжения. Однако, исключительно в том случае, когда государственный субъект осуществляет вышеупомянутую функцию в цифровой среде, например, в случае мелкого хищения, можно говорить о формировании общественных отношений, подпадающих под административно-правовое регулирование. В иной ситуации, где орган исполнительной власти выступает субъектом имущественного права, такую координацию можно определить как квазинаучную.

В рамках настоящей статьи также требует внимания вопрос соотношения правовой категории цифровых прав и смежных

ей — «интернет-право», «киберправо», «право цифровых технологий».

Некоторые авторы отождествляют цифровое право с «интернет-правом», что представляется в корне ошибочным, поскольку последнее является составной частью первого. Цифровое право по своему содержанию является более широким понятием, охватывающим отношения, обусловленные информационными, коммуникационными технологиями, в т.ч. информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет». Цифровое право затрагивает кроме всего прочего и компьютерные, мобильные устройства, электронные банки данных, смарт-контракты, блокчейны, мобильные деньги и т.д. Таким образом, настоящие категории никак нельзя признать равнозначными, в то время как одно является лишь составной частью другого.

Что касается киберправа, то ситуация представляется аналогичной. Киберправо регулирует отношения, возникающие в киберпространстве — искусственная, вымышленная реальность, которая может быть создана и обеспечиваться только компьютерами. Повторяясь, отметим, что сфера действия цифрового права не ограничивается рамками интернет-пространств или компьютеризации, а потому приравнение данных правовых феноменов также антинаучно, поскольку цифровое право гораздо шире объема функционирования киберправа.

Наконец, последняя лингвистическая конструкция, на которой следовало бы остановиться, является «правом цифровых технологий». Само понятие содержит указание на сферу регулируемых им отношений — цифровые технологии, к коим относится, в частности, интернет-пространство, искусственный интеллект, технология распределительного пространства, виртуальная реальность, облачные вычисления. Таким образом, содержание вышеупомянутого понятия полностью соответствует перечню регулируемых цифровым правом отношений, из чего можно сделать вывод о равнозначности настоящих правовых феноменов, где «право цифровых технологий» используется в качестве синонимичного понятия и фигурирует в доктринальных источниках.

В то же время, нельзя не отметить, что существует также значительная часть ученых-цивилистов, которые полагают, что цифровое право как отрасли права вовсе не существует. Исследователи подчеркивают, что, в сущности, цифровое право — это лишь комплексная область в системе права, охватывающая цифровую форму частных и публичных цифровых отношений.

Анализ подходов к пониманию правовой природы цифровых прав позволяет сделать вывод о том, что в субъективном смысле цифровое право относится к имущественным правам, регулируемым нормами гражданского законодательства, при этом имеющим свою специфику в виду формирования их на базе цифровой платформы. При этом цифровое право содержит в себе также и правовые нормы из иных отраслей права, а не только гражданского, возникающие в связи с применением цифровых технологий. Потому цифровое право носит межотраслевой характер, коррелируя с конституционным, административным, информационным, и иными отраслями права.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Архипов В. В. Интернет-право: Учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 249 с.
3. Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. N1. С. 5–14.
4. Вайпман В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика, 2024. № 1. С. 5–27.
5. Головкин Р. Б., Амосова О. С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. N2 (51). С. 163–166.
6. Коровкин В. В. Международное регулирование киберпространства: возможно ли эффективное взаимопонимание? // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2020. N1. С. 60–76.
7. Овчинников А. И., Фахти В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. N3 (90). С. 104–112.
8. Пагава Т. Л. Понятие и содержание имущественных прав граждан // Legal incept. 2019. N1 (18). С. 131–136.
9. Просвирнин Ю. Г. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном Российском государстве: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2002. 46 с.
10. Рожкова М. А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики. 2021. N17. 476 с.
11. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. N4 (519). С. 3–12.
12. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica. 2019. N9 (159). С. 9–18.
13. Тедеев А. А., Федотов М. А. [и др.] Информационное право: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Под ред. М. А. Федотова. М.: Юрайт, 2019. 497 с.

Исследование налоговых преступлений: основные тенденции и перспективы

Барышева Анастасия Павловна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье автор раскрывает понятие налоговых преступлений, их виды, основные тенденции и меры, направленные на их предотвращение.

Ключевые слова: налоговый контроль, преступление, минимизация налоговых обязательств, методы контроля, информационные технологии

В современном мире вопросы налогообложения и налоговой политики играют ключевую роль в экономическом развитии государства. Однако, наряду с ростом значимости налоговой системы, возрастает и уровень налоговых преступлений, представляющих серьезную угрозу для финансовой устойчивости и социальной справедливости общества. В данной статье мы рассматриваем определение налоговых преступлений, их проблематику, вызовы, тренды и перспективы борьбы с ними.

Налоговые преступления представляют собой нарушения налогового законодательства, совершаемые с целью уклонения от уплаты налогов, выражающиеся в виде сокрытия или искажения информации, необходимой для осуществления налогового контроля, легализации незаконно полученных доходов или иного незаконного обогащения за счет бюджета государства.

Налоговые преступления могут быть совершены как физическими лицами, так и юридическими лицами. Они могут быть обнаружены и пресечены налоговыми органами, обладающими полномочиями на осуществление контрольной деятельности за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Определение налоговых преступлений имеет важное значение для понимания их сущности и последствий. Как правило, налоговые преступления рассматриваются в контексте противозаконной деятельности, нарушающей нормы налогового законодательства и приводящей к ущербу для бюджета государства и общества в целом.

Проблема налоговых преступлений имеет огромное значение для стабильности финансовой системы государства, эффективности налоговой политики и общественной справедливости. Увеличение объемов налоговых преступлений ведет к серьезным негативным последствиям, таким как сокращение доходов бюджета, нарушение конкуренции на рынке, искажение экономических данных и утрата доверия граждан к налоговой системе.

Актуальность проблемы налоговых преступлений подчеркивается их распространенностью и сложностью выявления. Сложность статистической оценки и регистрации налоговых преступлений обусловлена их скрытым характером, использованием различных способов уклонения от уплаты налогов,

в том числе распространением осуществления трансграничных операций. В этой связи эффективная борьба с этим явлением требует комплексного подхода, включающего в себя не только оптимизацию контрольных систем налоговых органов, но и совершенствование законодательства, повышение прозрачности налоговой системы и использование современных технологий в анализе и мониторинге налоговых потоков.

В соответствии со статистическими данными, представленными партнером ZE Lawgic Русланом Зафесовым на конференции «Уголовная и субсидиарная ответственность менеджмента и собственников бизнеса» за первые 3 квартала 2023 года число дел о налоговых правонарушениях, передаваемых в следственные органы, выросло на 34% по сравнению с аналогичным периодом 2022 года [4].

Цель настоящего исследования заключается в анализе текущего состояния проблемы налоговых преступлений, выявлении основных трендов, а также определении перспективных направлений для их предотвращения и пресечения.

Имеются различные виды налоговых преступлений. Это, к примеру, недекларирование доходов, что выражается в сокрытии (занижении) доходов от налоговых органов. Также это фальсификация документов, таких как налоговые декларации, квартальные отчеты, документы о сделках с контрагентами и прочие документы финансового учета. Также налоговые преступления могут выражать собой создание фиктивных схем, в ходе которых налогоплательщики используют недействительные фиктивные транзакции для создания искусственных налоговых вычетов в целях минимизации налоговых обязательств. Сокрытие доходов осуществляется также и в использовании офшорных счетов.

Виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение установлены главой 16 Налогового кодекса Российской Федерации [5]. Это такие правонарушения, как непредставление налоговой декларации в установленный срок, нарушение способа представления декларации, нарушение правил учета доходов и расходов, неуплата или неполная уплата сумм налога, сообщение налоговому органу недостоверных данных, приводящих к неуплате или неполной уплате налога и другие.

Уголовная ответственность за налоговые правонарушения установлена статьями 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Дела о налоговых правонарушениях передаются в следственные органы при достижении крупного размера суммы неуплаченного в бюджет налога. Размеры неуплаченных налогов в данном случае установлены соответствующими статьями УК РФ. К примеру, в соответствии с пунктом 2 примечания к статье 198 УК РФ [6] крупным размером признается сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет 2 700 000 рублей, а особо крупным — сумма, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 13 500 000 рублей.

Мотивами совершения налоговых преступлений являются желание снизить налоговые обязательства и сохранить большую часть дохода для себя или своей организации. Это может быть вызвано высокими ставками налогов, сложной системой налогообложения или желанием максимизировать прибыль. Вместе с тем к налоговым правонарушениям может

привести неоднозначность и сложность налогового законодательства: физические лица и организации допускают ошибки или пользуются неоднозначными интерпретациями законодательных норм в целях извлечения выгоды. Также налогоплательщики могут сталкиваться с экономическими трудностями, что влечет за собой возникновение соблазна сокрыть доходы и минимизировать налоговые обязательства, чтобы сохранить свою деятельность. Вместе с тем мотивами к уклонению от уплаты налогов могут являться отсутствие прозрачности системы распределения бюджета и низкое информирование граждан о таком распределении.

С развитием цифровых технологий и интернет-бизнеса появляются новые вызовы для налоговых органов в сфере контроля за налоговой отчетностью и сбора налогов.

Налоговые органы все чаще используют передовые технологии и аналитические методы для выявления и расследования налоговых преступлений, что повышает эффективность контроля и предотвращает потенциальные нарушения.

Работа налоговых органов в области борьбы с налоговыми преступлениями становится все более необходимой, так как схемы уклонения от налогообложения развиваются и расширяются ежедневно.

Нами выявлены основные тенденции налоговых преступлений:

- 1) сокрытие доходов в офшорных зонах или иных странах;
- 2) создание многоуровневых финансовых схем для минимизации налоговых обязательств с использованием фиктивного документооборота и подставных фирм;
- 3) сокрытие доходов с использованием новой сферы цифровых технологий и интернет-бизнеса;
- 4) налоговые убежища.

Появление таких тенденций свидетельствует о постоянной эволюции сферы налоговых преступлений, а также о необходимости постоянного совершенствования налогового законодательства и методов контроля со стороны государственных органов.

Имеющиеся инструменты налогового контроля позволяют выявить массу нарушений и предотвратить их, однако при выявлении налоговых правонарушений налоговые органы могут сталкиваться с такими проблемами, как недостаточная эффективность налогового законодательства в сфере раскрываемости налоговых правонарушений.

Эта проблема вызвана, в первую очередь, сложностью самого законодательства, что затрудняет его применение и интерпретацию на практике, что приводит к различным толкованиям законов и увеличению числа неоднозначных ситуаций, в которых трудно установить факт налогового преступления. Вместе с тем наблюдается проблема недостаточной адаптации налогового законодательства к новым технологиям и схемам, что затрудняет раскрытие налоговых преступлений. Развитие технологий и новых видов бизнеса создает новые возможности для налоговых преступлений, в этой связи соответствие налогового законодательства современным тенденциям минимизирует риски возможных нарушений со стороны налогоплательщиков.

Сложности в раскрываемости налоговых преступлений заключаются также и в недостаточности ресурсов (в частности,

информационных) и компетенций у правоохранительных органов, необходимых для проведения расследований налоговых преступлений. Это может привести к недостаточному количеству проверок и расследований, а также к снижению их качества, что отрицательно влияет на эффективность раскрытия налоговых преступлений.

К проблемам может привести также и недостаточная координация между государственными органами, ответственными за борьбу с налоговыми преступлениями. Отсутствие обмена информацией и сотрудничества между органами может привести к упущению важных деталей и фактов.

Барьеры к эффективному раскрытию налоговых преступлений создают многоуровневые схемы и механизмы для сокрытия доходов или переноса активов за границу, что усложняет выявление и требует глубокого анализа финансовой деятельности, а также создает препятствия при осуществлении контроля. Трудность в данном случае составляет недостаток доступа к релевантным данным, особенно в случае использования офшорных схем или скрытых счетов за границей, что ограничивает возможности расследования.

Кроме того, использование современных технологий, таких как цифровые платежные системы и криптовалюта, может усложнять выявление налоговых преступлений, что требует специальных навыков и инструментов для анализа.

Недостаток ресурсов и компетенций у некоторых правоохранительных органов также является барьером для эффективного расследования налоговых преступлений, особенно при недостаточном количестве квалифицированных сотрудников и специализированных отделов.

Преодоление перечисленных проблем требует комплексного подхода, включающего усовершенствование законодательства, повышение компетенции сотрудников и расширение информационных ресурсов государственных контрольных органов в соответствии с современными тенденциями.

Технологии играют ключевую роль в предотвращении и выявлении налоговых преступлений, предоставляя инструменты для более эффективного контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах и выявления потенциальных нарушений.

В целях повышения эффективности раскрываемости налоговых преступлений могут использоваться такие технологии, как автоматизированные системы анализа данных. Современные системы анализа данных (например, программы с технологией big data) могут помочь выявить аномалии в налоговой

отчетности, обнаружить несоответствия между данными различных отчетов и выявить потенциальные случаи нарушений.

При формировании новых инструментов налогового контроля могут использоваться также технологии искусственного интеллекта и машинного обучения. С их помощью возможно создание алгоритмов, которые автоматически анализируют совокупность информационных ресурсов и выявляют аномалии, свидетельствующие о налоговых преступлениях, а также формируют рекомендации и алгоритмы для проведения конкретных мероприятий налогового контроля применительно к каждому случаю (схеме уклонения от уплаты налогов).

Вместе с тем при формировании новых инструментов налогового контроля возможно также применение блокчейн технологий, которые позволят обеспечить прозрачность и надежность ведения учетных финансовых записей налогоплательщиками.

Полезным в целях развития налоговой системы будет также использование цифровых платежных систем и электронной отчетности, оно позволит налоговым органам получать более точную и актуальную информацию о доходах и расходах налогоплательщиков.

Создание сетевых систем и интеграция данных из различных источников (например, банковские счета, налоговые декларации, финансовые отчеты) в единую сетевую систему может обеспечить более полное представление о финансовой деятельности налогоплательщиков.

Использование облачных технологий для хранения и обработки данных в свою очередь может улучшить доступность и безопасность информации, передаваемой между государственными органами, осуществляющими раскрытие налоговых преступлений.

Развитие электронных систем мониторинга и отчетности позволит налоговым органам оперативно получать информацию о финансовых операциях и принимать меры по предотвращению налоговых преступлений.

Таким образом, для повышения эффективности налогового контроля в сфере раскрываемости налоговых преступлений использование информационных технологий способствует выходу налогового контроля на новый, современный уровень, соответствующий настоящим реалиям в условиях развития цифровых инноваций, и позволит усовершенствовать налоговый контроль и контроль правоохранительных органов при раскрываемости налоговых преступлений, что снизит их количество.

Литература:

1. Авжиев Г. К. Понятие и система налоговых преступлений в законодательстве России // Журнал «Вопросы науки и образования». 2018.
2. Воробьева Ю. Г. Понятие и эволюция налоговых преступлений в России // Журнал «Политика, экономика и инновации». 2017.
3. Иванов П. И., Шитов А. С. Раскрытие и расследование налоговых преступлений в аспекте криминалистического обеспечения // Журнал «Юрист-Правоведь». 2020.
4. Видеозапись конференции «Уголовная и субсидиарная ответственность менеджмента и собственников бизнеса». ИД «Коммерсантъ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://events.kommersant.ru/events/ugolovnaya-i-subsidiarnaya-otvetstvennost-menedzhmenta-i-sobstvennikov-biznesa-2/>

5. Гл. 16 НК РФ. Справочно-информационная система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/47729c44dabaae4b11f8382d5a03958d1a11f710/
6. Ст. 198 УК РФ. Справочно-информационная система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e270bffc924c8d102ca5740e5b8c405a451734a8/

Проблема недостаточного регулирования вопроса о передаче по наследству интеллектуальных прав

Белкин Егор Данилович, студент магистратуры
Научный руководитель: Донец Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье рассматривается проблема недостаточного регулирования вопросов по передаче интеллектуальных прав по наследству, исследуется развитие данной сферы, исследуются различные точки зрения о некоторых проблемах, возникающих при развитии этой сферы, а также пути разрешения возникающих проблем, описываются современные виды интеллектуальных прав, с которыми у российского законодательства возникают трудности в отношении регулирования данных объектов. При этом обращается внимание на мнения ученых юристов, которые исследовали данные правоотношения, и учитываются при выводе исследования.

Ключевые слова: интеллектуальных прав, недостаточное регулирование наследования, неимущественные права, патента на изобретение, конфликты между наследниками.

The problem of insufficient regulation of the inheritance of intellectual rights

На данный момент, вопрос наследования интеллектуальных прав мало освещается и исследуется, по нему не так много работ, которые анализируют развитие данной сферы и её предпосылки к развитию в будущем, а в современном мире, где интеллектуальная собственность играет ключевую роль в развитии экономики и культуры, вопрос её наследования становится всё более актуальным. Однако, несмотря на важность этой темы, регулирование процесса наследования интеллектуальных прав остаётся недостаточным во многих странах. Это приводит к возникновению ряда проблем и сложностей, которые могут негативно сказаться на интересах наследников и общества в целом. [1] В данной статье мы рассмотрим основные проблемы, связанные с недостаточным регулированием вопроса наследования интеллектуальных прав, и предложим возможные пути их решения. Мы проанализируем существующие законодательные пробелы.

Целью данной статьи является привлечение внимания к проблеме недостаточного регулирования наследования интеллектуальных прав и стимулирование дискуссии о необходимости внесения изменений в действующее законодательство. Сам институт наследования интеллектуальных прав начал формироваться и развиваться параллельно с возникновением потребности в защите прав авторов и изобретателей, что повлекло за собой появление соответствующего законодательства. В России в XIX веке первые юридические нормы, касающиеся интеллектуальных прав, которые приравнивали результаты творческой деятельности к обычному имуществу, затрагивали и вопросы

их наследования, поскольку, как и любое другое имущество, они подлежали передаче в порядке универсального правопреемства от умершего автора или изобретателя к его наследникам. Сейчас из-за развития самой сферы интеллектуальных прав, в которую могут входить различные объекты, от каких-либо литературных произведений, до компьютерного кода, а также криптовалюты, которая сейчас только начала свой путь развития и постоянно находится в определенном движении и регулярно изменяется. [2]

Также сейчас в юридической практике существуют определённые особенности наследования личных неимущественных прав. С.П. Гришаев указывает, что такие личные неимущественные права, как право авторства, право на имя и право на неприкосновенность произведения, не могут быть унаследованы. Наследники автора могут только защищать эти права, но не имеют права считаться авторами произведения, решать вопросы, связанные с публикацией произведения, или вносить изменения в произведение. [3]

Ю.Н. Фольгерова, напротив, допускает возможность наследования некоторых личных неимущественных прав, таких как право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения и право на отзыв, при соблюдении определённых условий. В частности, приоритет должен быть предоставлен тому наследнику, которому завещано исключительное право, а реализация этих прав не должна противоречить воле автора произведения. Вопрос о наследовании «иных интеллектуальных прав» остаётся открытым. [4]

Согласно Постановлению № 9 от 29 мая 2012 года, к этой группе относятся, хотя и не ограничиваются ими, следующие права:

- право следования в отношении произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений в соответствии с пунктом 3 статьи 1293 Гражданского кодекса Российской Федерации;
- право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец (пункт 2 статьи 1357 Гражданского кодекса Российской Федерации);
- право на получение патента на селекционное достижение (пункт 2 статьи 1420 Гражданского кодекса Российской Федерации);
- право на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности, причитающееся работнику — автору служебного произведения, служебного изобретения, служебной полезной модели или служебного промышленного образца, служебного селекционного достижения, служебной топологии (абзац 3 пункта 2 статьи 1295, абзац 3 пункта 4 статьи 1370, пункт 5 статьи 1430, пункт 4 статьи 1461 Гражданского кодекса Российской Федерации). [5]

Относительно вопроса наследования права на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности в литературе между исследователями развернулась дискуссия.

О. Ю. Шиловост говорит о наследовании только тех интеллектуальных прав, возможность которых прямо указана в Гражданском кодексе Российской Федерации. Отсюда право на вознаграждение за использование служебного произведения (пункт 2 статьи 1295 Гражданского кодекса Российской Федерации), по его мнению, «следует рассматривать как неразрывно связанное с личностью наследодателя — работника и в силу этого подпадающее под ограничения, предусмотренные статьёй 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как представляется, только такое толкование позволяет объяснить позицию законодателя, не допустившего перехода этого права по наследству».

Э. П. Гаврилов, напротив, допускает возможность наследования указанного права. Он полагает, что «договор о выплате вознаграждения за использование служебного результата интеллектуальной деятельности не предусматривает личного участия автора, ведь автор уже создал служебный результат интеллектуальной деятельности и исключительное право на него уже перешло к работодателю». Эта позиция впоследствии нашла отражение в Постановлении № 9 от 29 мая 2012 года, указавшем

на возможность включения в состав наследства права на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности. [6]

Из этого можно сделать вывод, что законодательное регулирование передачи интеллектуальных прав по наследству недостаточно развито и для этого требуется решения ряда определенных задач:

- Разработка и принятие специального закона или поправок к существующему законодательству, который будет детально регулировать вопросы наследования интеллектуальных прав. В законе должны быть четко определены порядок и условия наследования, права и обязанности наследников, а также механизмы защиты интеллектуальных прав.
- Создание единой базы данных, содержащей информацию обо всех зарегистрированных объектах интеллектуальной собственности и их правообладателях. Это позволит упростить процедуру наследования и снизить риск возникновения конфликтов между наследниками.
- Повышение уровня правовой грамотности населения в вопросах наследования интеллектуальных прав. Это можно сделать путем проведения информационных кампаний, публикации статей и книг, а также организации обучающих семинаров и вебинаров.
- Развитие судебной практики по вопросам наследования интеллектуальных прав. Суды должны принимать решения, основанные на принципах справедливости и равенства, и учитывать специфику интеллектуальной собственности при разрешении споров между наследниками.
- Развитие системы регистрации интеллектуальной собственности, которая будет обеспечивать прозрачность и доступность информации о правообладателях.

Подытоживая все вышесказанное можно сказать, проблема недостаточного правового регулирования наследования интеллектуальных прав требует комплексного подхода к её решению. Необходимо разработать и внедрить дополнительные механизмы, направленные на упрощение процедуры оформления наследства, улучшение системы регистрации интеллектуальных прав, создание специализированных реестров и образовательных программ. Также важно обеспечить защиту интересов наследников и международное сотрудничество в данной сфере. Эти меры позволят сделать процесс наследования интеллектуальных прав более прозрачным, предсказуемым и защищенным, что будет способствовать развитию культуры уважения к интеллектуальной собственности и защите интересов наследников.

Литература:

1. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост.: Крашенинников П. В. — М.: Статут, 2017. 480 с.;
2. Пиленко А. А. Право изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве). Историко-догматическое исследование. Том 1–2. Кн. 1. — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 495 с.;
3. Гришаев, С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие / С. П. Гришаев. — М., 2011. — 184 с.
4. Шиловост, О. Ю. Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации / О. Ю. Шиловост // Патенты и лицензии. — 2008. — № 9. — С. 28–30.
5. Мерзликина, Р. А. Гражданско-правовая регламентация интеллектуальной собственности в российском праве: автореферат дис... д-ра юрид. наук / Р. А. Мерзликина. — М., 2008. — С. 8.

6. Фольгерова, Ю.Н. Наследование личных неимущественных прав автора произведения / Ю.Н. Фольгерова // Актуальные проблемы права России и стран СНГ — 2010: материалы XII Международной научно-практической конференции с элементами научной школы. — Челябинск, 2010. — С. 314–319.

Проблема наследования рационализаторских предложений

Белкин Егор Данилович, студент магистратуры

Научный руководитель: Донец Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматривается проблема наследования рационализаторских предложений, которая становится всё более актуальной в условиях современного развития экономики и инноваций. Анализируются сложности, возникающие при определении вклада каждого участника в разработку предложения, установлении прав на интеллектуальную собственность и распределении вознаграждения после смерти автора. В статье предлагаются пути решения этих проблем, включая разработку чётких механизмов оценки вклада каждого участника, определение порядка наследования прав и распределения вознаграждения, а также обеспечение защиты коммерческой тайны предприятия.

Ключевые слова: интеллектуальный труд, рационализаторские предложения, распределение прав и выгод, коммерческая тайна, распределение вознаграждения, участники.

The problem of inheritance of rationalization proposals

В современном мире, где инновации и интеллектуальная собственность играют ключевую роль в развитии экономики, вопросы наследования рационализаторских предложений становятся всё более актуальными. Рационализаторские предложения, являясь результатом интеллектуального труда, вносят значительный вклад в повышение эффективности производства и улучшение качества продукции. [1] Однако, несмотря на важность этого аспекта интеллектуальной собственности, правовое регулирование наследования рационализаторских предложений остаётся недостаточно разработанным.

В данной статье мы рассмотрим основные проблемы, связанные с наследованием рационализаторских предложений, и предложим пути их решения. Мы проанализируем действующее законодательство, выявим пробелы и противоречия, а также рассмотрим международный опыт в этой области.

Цель — разработать рекомендации по совершенствованию правового регулирования наследования рационализаторских предложений, что позволит обеспечить справедливое распределение прав и выгод от использования таких предложений между наследниками и предприятиями. Проблема рационализаторских предложений в контексте наследования связана с несколькими ключевыми аспектами.

Во-первых, это сложность определения и оценки вклада каждого участника в разработку предложения. Рационализаторские предложения часто являются результатом коллективного творчества, и бывает трудно установить, кто именно из участников внёс наибольший вклад. [2] Это может привести к спорам относительно прав на предложение и его использование после смерти автора.

Во-вторых, рационализаторские предложения могут быть тесно связаны с коммерческой тайной предприятия, что усложняет процесс их оценки и передачи по наследству.

В этом случае возникает вопрос о том, насколько полно наследники могут получить доступ к информации, необходимой для реализации предложения, и какие обязательства они несут перед предприятием в отношении сохранения конфиденциальности.

В-третьих, вознаграждение за использование рационализаторского предложения может быть привязано к экономическим результатам, полученным от его внедрения. [3] Это делает процесс наследования ещё более сложным, поскольку экономические выгоды могут быть распределены между различными участниками проекта. В такой ситуации важно определить, каким образом наследники могут претендовать на долю доходов от использования предложения.

Для решения этих проблем необходимо разработать чёткие механизмы оценки вклада каждого участника в разработку рационализаторского предложения, а также определить порядок наследования прав на предложение и распределения вознаграждения в случае смерти автора. [4] Это позволит обеспечить справедливое распределение прав и выгод от использования рационализаторских предложений между наследниками и предприятиями.

Проблема наследования рационализаторских предложений является актуальной и требует комплексного подхода к её решению. Сложности возникают из-за неопределённости в оценке вклада каждого участника в разработку предложения, вопросов, связанных с правами на интеллектуальную собственность, и распределением вознаграждения.

Для эффективного разрешения этих проблем необходимо разработать чёткие механизмы оценки вклада каждого участника, определить порядок наследования прав на предложение и распределения вознаграждения в случае смерти автора. [5] Также важно обеспечить защиту коммерческой тайны предприятия и разработать методики оценки экономической выгоды от использования рационализаторского предложения.

Решение проблемы наследования рационализаторских предложений требует совместных усилий со стороны государства, предприятий и научного сообщества. Только так можно

создать эффективную систему, которая будет способствовать развитию инноваций и защите интересов как наследников, так и предприятий [6].

Литература:

1. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Изобретательское право. М., 1960. 226 с.
2. Баширова А., Галькеева А., Афанасьева О., Шамсутдинов Э. Поддержка изобретательской и рационализаторской деятельности на региональном уровне // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 2. С. 49–54.
3. Матвеев А. Г. Круг смежных прав в международном праве и национальных правовых системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 4 (38). С. 484–496.
4. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Введение в гражданское право. М., 2016. 126 с.
5. Шалито Н. Б. Правовое регулирование рационализаторской деятельности. Л., 1989. 127 с.
6. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006. 240 с.

Некоторые особенности наследования результатов интеллектуальной деятельности

Бондарев Руслан Муратович, студент магистратуры

Научный руководитель: Мигачева Анна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассмотрены особенности наследования результатов интеллектуальной деятельности. Предоставлен анализ нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: наследование, интеллектуальные права, интеллектуальная деятельность, результаты интеллектуальной деятельности.

Изменения в гражданском законодательстве Российской Федерации были направлены на согласование его с современным уровнем экономического развития. Несмотря на это, остается ряд нерешенных проблем, связанных с наследованием авторских прав, даже после введения в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2], содержащей раздел V «Наследственное право», и части четвертой ГК РФ. Эти проблемы связаны, прежде всего, с особенностями наследования авторских прав.

При наследовании авторское право включает в себя комплекс имущественных прав автора. Личные неимущественные права не подпадают под наследственную массу, так как они являются неотчуждаемыми по своей сути. Тем не менее, наследники обладают определенными правами в отношении этих прав, например, решение вопросов о публикации произведения или защите его от искажений.

В современном гражданском праве изучение вопросов наследования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД) остается малоисследованной областью. Это обусловлено относительной новизной четвертой части Гражданского кодекса РФ, посвященной интеллектуальной собственности, в то время как нормы, регулирующие наследование таких прав на РИД, являются неоднозначными и разрозненными. В некоторой степени проблему частично решает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее — Постановление от 29.05.2012 г.) [4]. Однако,

учитывая указанные объективные обстоятельства, данная тема требует более детального изучения, анализа, выявления проблем и возможных путей их решения.

Необходимо отметить, что в соответствии со статьей 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации интеллектуальные права включают в себя личные неимущественные права, другие права, предусмотренные законом (например, право следования, право доступа и другие), а также рассматриваемые исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые являются имущественными правами. Именно имущественный характер этих прав обуславливает возможность их наследования. Это утверждение находит подтверждение в статье 1112 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает, что имущественные права входят в состав наследственной массы. Верховный Суд Российской Федерации в своем определении от 29.05.2012 года также подтверждает возможность наследования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, с отметкой о том, что некоторые из этих прав признаются и защищаются лишь при наличии государственной регистрации.

При обсуждении особенностей передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности важно отметить, что они имеют ограниченный срок действия. Длительность исключительных прав определяется различными статьями части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и варьируется от 10 до 70 лет. Согласно В. А. Дозорцеву, установленные сроки необходимы для обеспечения оу-

паемости затрат на создание и использование данного результата [3, с. 51]. Следовательно, даже если конкретное лицо (или лица) унаследовали такое право, после истечения срока действия оно переходит в общественное достояние.

Передача исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности без заключения договора, включая передачу по наследству, в определенных случаях требует государственной регистрации, обязательность которой закреплена в статье 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следовательно, если для охраны и признания результатов интеллектуальной деятельности требуется государственная регистрация, то переход исключительного права на данные результаты также подлежит регистрации. В противном случае согласно пункту 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации такой переход будет считаться недействительным, и наследственные права не возникнут.

Следует отметить, что статью 1232 ГК РФ не следует рассматривать как норму, устанавливающую специальное правило, по которому передаются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности [5, с. 319–320].

Подводя итог описанию особенностей наследования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, целесообразно уточнить некоторые ключевые аспекты. В зависимости от обстоятельств в рамках наследственных отношений могут возникать случаи, когда лица имеют право на обязательную долю. В этой связи возникает вопрос о возможности наследования составляющих наследства в соответствии с обязательной долей, включая исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. На этот вопрос дает ответ Высший Суд Российской Федерации в своем определении от 29.05.2012 года, закрепляя положение о том, что исключительные права, которые составляют наследство, учитываются при определении обязательной доли.

Требуется разъяснение вопроса о распространении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), относящихся к выморочному имуществу. Однозначно утверждать, что такие правила всегда распространяются на исключительные права, нельзя. Некоторые исключительные права на РИД переходят в общественное достояние в случае отсутствия наследников. К ним относятся права на программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем, объекты смежных прав, а также произведения культуры, науки, искусства и литературы.

Исключительные права патентообладателя также переходят к государству, если нет наследников. Эти права могут касаться изобретений, промышленных образцов, селекционных достижений.

В результате анализа действующего гражданского права можно сделать вывод о механизме наследования исключительных прав на РИД. Однако существует потребность в усовершенствовании этого механизма. Концепция профессора Э. П. Гаврилова предлагает включить главу о наследовании интеллектуальных прав в разделе «Наследственное право» [1, с. 47].

Общие положения этой главы должны содержать нормы, устанавливающие, что только исключительные права на РИД могут быть унаследованы. Также следует определить, что такие права передаются наследникам на срок, на который они действуют.

Специальные нормы этой главы должны регулировать особенности наследования исключительных прав на конкретные результаты интеллектуальной деятельности.

Я поддерживаю предложенную концепцию и считаю, что современное законодательство о наследовании исключительных прав нуждается в анализе и изменениях. Выделение норм о наследовании исключительных прав на РИД в отдельную главу поможет оптимизировать наследственное право, защитить права наследников и обладателей исключительных прав.

Литература:

1. Гаврилов Э. П. О правовом регулировании интеллектуальной собственности // Журнал «Хозяйство и право». 2011. № 10. С. 47.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 4): принят Государственной Думой РФ 18 декабря 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. Ст. 5496.
3. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: определение, система, задачи кодификации. Сборник статей. М.: «Статут», 2003.— С. 51.
4. О судебной практике в наследственных делах: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
5. Право интеллектуальной собственности. Том 1. Общие положения: Учебник / под редакцией доктора юридических наук, профессора Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. С. 319–320, 322–325.

Анализ некоторых изменений законодательства в сфере административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок

Буздалова Марина Владиславовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предпринимает попытки проанализировать последние изменения административного законодательства в сфере нарушения общественного порядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, Кодекс об административных правонарушениях.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим общественную безопасность, является Кодекс об административных правонарушениях РФ (Далее — КоАП РФ) [1]. Глава 20 Кодекса, регулирующая ответственность за нарушения общественного порядка и общественной безопасности содержит 49 статей.

В виду того, что большая часть статей принята относительно давно и детально изучена во многих научных исследованиях, считаем целесообразным проанализировать лишь некоторые последние изменения, проследить мнение законодателя на актуальность расширения и изменения главы 20 в последние годы.

Ст. 20.1 «Мелкое хулиганство», как наиболее часто применяемая в судебной практике [14], в 2019 году была дополнена [10] частями 3–5, устанавливающие административную ответственность за выражение в Интернете явного неуважения к обществу и государству, предусматривающие значительные штрафы, в разы больше, чем за совершение правонарушения по частям 1–2, а так же административный арест.

Ст. 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» была изменена [9] после незаконного проведения митингов в январе-феврале 2021 года во многих городах России. Считаем, что законодатель своевременно принял поправки к КоАП РФ, так как во время митингов нарушалась не только общественная безопасность, но и совершались посягательства на конституционный строй государства.

Так, в частности, введена ответственность для организаторов публичных мероприятий, ужесточена ответственность за неповиновение сотрудникам правоохранительных органов.

И, как видно, ввиду явно враждебного характера западных государств, подкупа и заедствования «спящих ячеек» на территории России, данное изменение носит также предупредительный характер.

В ряд статей в 2022 году были добавлены изменения в форме слов «если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния» (к примеру, ст. 20.3, ст. 20.3.1, ст. 20.3.2 КоАП РФ) в виду добавления аналогичных статей в Уголовный кодекс РФ, что свидетельствует об ужесточении наказания за ряд противоправных действий.

В 2023 году ФЗ № 640-ФЗ [3] была введена административная ответственность за дискредитацию оказания добро-

вольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на войска национальной гвардии, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ст. 20.3.3–20.3.4). В УК РФ так же были введены соответствующие поправки.

Глава 20 в 2023 году была дополнена статьей 20.5.1. «Нарушение режима военного положения» [4]. В ФКЗ «О военном положении» [2] раскрывается понятие военного положения. Оно представляет собой особый правовой режим, который может быть введен Президентом РФ на территории страны или в определенных ее местностях в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии.

На данный момент военное положение введено в четырех регионах Российской Федерации — Луганской и Донецкой Народных республиках, Херсонской и Запорожской областях, поэтому положения новой статьи КоАП применяются исключительно на данных территориях.

За период действия статьи 20.5.1 КоАП РФ судебная практика незначительна — всего три постановления [11, 12, 13], наказание в которых назначается по минимальной границе. Думается, что суды в настоящее время с осторожностью относятся к нововведённой статье по причине отсутствия разъяснений Верховного суда РФ.

В период 2021–2023 ужесточена ответственность за правонарушения в сфере оборота оружия [8].

Интересна позиция расширения мер административного наказания по ст. 20.17 КоАП РФ за самовольное проникновение на особо важные и режимные объекты обязательными работами. В последнее время охраняемые объекты являются целями атак и преступных действий, и хотя указанная статья не предусматривает каких-либо действий правонарушителя, кроме непосредственно проникновения, считаем, что суды должны с большой осторожностью относиться к данному правонарушению.

Также в статье нет примечания, согласно которому информация о правонарушителе передается прокурору, хотя цель была бы логична: правонарушитель — потенциальный преступник. Проанализировав судебную практику (около 50 постановлений) за 2022–2023 гг. по ст. 20.17 КоАП, нами не было выявлено ни одного случая назначения обязательных работ, как более строгого наказания. Суды обычно ограничиваются арестом от 1 до 6 суток либо административным штрафом. Вер-

ховный суд РФ так же не дает разъяснение по нововведенному наказанию, переложив тем самым всю ответственность на суды общей практики.

Ст. 20.28 КоАП, регулирующая ответственность за деятельность общественных и религиозных организаций была изменена [6] словами «включенной в реестр иностранных агентов» (в предыдущей редакции — «выполняющей функции иностранного агента»).

Цель законодателя ясна — после вступления в силу ФЗ «Об иностранных агентах» [7] был создан Реестр, в котором находятся физические и юридические лица, объединения, получающие финансирование от иностранных государств и организаций за ту или иную деятельность на территории России.

Однако, по-нашему мнению, формулировка «выполняющий функции иноагента» намного шире. К тому же, сам Закон № 255-ФЗ не содержит в перечне лиц, которые могут быть признаны иноагентами, индивидуальных предпринимателей. Сама природа ИП, т.е. отнесение их к физическим или юридическим лицам, является предметом споров в научном сообществе, поэтому случаи нарушений ведения деятельности от лица индивидуального предпринимателя, а не одноименного физического лица, пусть и внесенного в Реестр иностранных агентов, может стать причиной трудностей в судебной практике.

Учитывая тенденцию к расширению административной преюдиции, касающейся деятельности иноагентов, последствия могут быть более серьезными при назначении уже уголовного наказания (к примеру, за преступления экстремисткой направленности). Поэтому считаем правильным вернуться к предыдущей редакции ст. 20.17 КоАП или изложения ее в следующей редакции:

«включенной в реестр иностранных агентов и (или) выполняющей функции иноагента...».

Говоря о правонарушениях, связанных с экстремизмом, отметим, что в 2023 году были внесены изменения [5] в ст. 20.29 КоАП РФ. В частности, к материалам экстремистского характера теперь относятся публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное или расовое превосходство либо практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Таким образом, заметна тенденция к пересмотру норм административного законодательства, ужесточения наказания за правонарушения, введения новых норм, которые становятся актуальными в последние годы — правонарушения, связанные с экстремизмом, незаконным проведением митингов и собраний, оборотом оружия, проникновения на охраняемые объекты.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N195-ФЗ (с изм. и доп. от 11 марта 2024 г. N44-ФЗ) // «Российская газета». 2001. N256
2. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. N1-ФКЗ «О военном положении» (с изм. и доп. от 29 мая 2023 г. N2-ФКЗ) // «Российская газета». — 2002. — N21.
3. Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. N640-ФЗ «О внесении изменений в статью 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2023.
4. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. N265-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2023.
5. Федеральный закон от 13 июня 2023 г. N231-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2023.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. N622-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2022.
7. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (с изм. и доп. от 11 марта 2024 г. N42-ФЗ) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2022.
8. Федеральный закон от 28 июня 2021 г. N232-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2021.
9. Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. N24-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2021.
10. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. N28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2019.
11. Постановление Чертковского районного суда Ростовской области № 5–211/2023 от 13 сентября 2023 г. по делу № 5–211/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.).
12. Постановление Красносулинского районного суда Ростовской области № 5–713/2023 от 9 сентября 2023 г. по делу № 5–713/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.).
13. Постановление Чертковского районного суда Ростовской области № 5–200/2023 от 5 сентября 2023 г. по делу № 5–200/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.).
14. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]: <https://stat.api-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/80> (Дата обращения: 10.01.2024 г.).

Доставление как мера административного принуждения в борьбе с правонарушениями, посягающими на общественный порядок

Буздалова Марина Владиславовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Сотрудники полиции, должностные лица, представители большого круга силовых ведомств имеют широкие полномочия в области защиты граждан от преступных и других нарушений их конституционных прав. Одной из часто применяемых мер является доставление.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, Кодекс об административных правонарушениях, полиция, доставление, административное принуждение.

Защита прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка — основные функции современного Российского государства. Для успешного выполнения этих задач любому государству необходим определенный набор правовых инструментов. В административном праве основными такими инструментами считаются принуждение, убеждение и поощрение [2].

Одной из таких мер является административное задержание, которое широко применяется на практике. По результатам анализа дел об административных правонарушениях, видно, что применение доставления случается в 48,5% случаев [4, 6, 7].

Согласно ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ [1] административное задержание начинается с момента применения доставления. Лица, находящиеся в алкогольном опьянении, считаются задержанными с момента вытрезвления.

Часто возникают ситуации, когда сложно установить личность нарушителя непосредственно на месте происшествия. Лица, совершившие нарушения, угрожающие общественному порядку и безопасности (например, статьи 20.21, 20.1, 20), часто попадают под действие доставления.

Сотрудники сталкиваются с сложной ситуацией: в некоторых случаях отсутствуют удостоверения личности у гражданина, делаются попытки собрать доказательства против правонарушителя. Имеется выбор: либо разбираться с нарушителем на месте, либо доставить его в органы для составления протокола.

Многие должностные лица, осуществляющие доставление, часто ошибочно интерпретируют ст. 27.2 КоАП РФ, считая, что для осуществления установления личности можно применять доставление любого человека, у которого отсутствуют документы.

Наше мнение заключается в том, что применение доставления целесообразно только в случаях, когда у нарушителя нет документов, удостоверяющих его личность, и отсутствуют свидетели, способные предоставить необходимую информацию о нем.

Считаем, что законодателю стоит рассмотреть вопрос о дополнении ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ фразой:

«Доставление применяется в случаях, если у правонарушителя нет при себе документов, удостоверяющих личность, и отсутствуют свидетели, готовые сообщить достоверные данные о нем».

Для применения доставления необходимо установить фактические основания, когда невозможно составить протокол об административном правонарушении на месте его обнаружения. Такими основаниями являются:

- отсутствие возможности установления личности правонарушителя;
- препятствие со стороны нарушителя проводимым в отношении него процессуальным действиям;
- сильное алкогольное опьянение правонарушителя;
- необходимость совершить действия процессуального характера, которые по каким-либо причинам невозможно проинформировать на месте совершения правонарушения [3].

Также стоит обратить внимание на время доставления. Законодатель не называет конкретных сроков — лишь «возможно короткий срок». Логика ясна: осуществление доставления в городских и сельских условиях, различных географических и погодных условиях могут сильно различаться, и ограничить действия конкретным, тем более коротким сроком невозможно.

Однако, если к гражданину не применяется административное задержание, срок нахождения доставленного практически не ограничен и иногда превышает срок задержания — три часа.

Например, г-ка О. около 03:00 28.10.2023 г., выражалась грубой нецензурной бранью в общественном месте, бросалась в драку, не реагировала на замечания людей, проявляла явное неуважение к обществу. Действия О. квалифицированы по ст. 20.1 КоАП. Доставление было осуществлено в 4:50 того же дня, протокол об административном правонарушении был составлен в 6:05 [5].

Представляется, что после доставления нарушителя общественного порядка в служебное помещение, сотрудники должны незамедлительно приступить к составлению протокола, если личность установлена. Если установить личность правонарушителя не представляется возможным, с момента доставления применять административное задержание.

Таким образом, правом применения доставления как меры административного принуждения в настоящее время обладают сотрудники силовых ведомств, должностные лица государственной власти и некоторых учреждений, перечисленных в соответствующих статьях о мерах административного принуждения.

Считаем, что законодателю стоит рассмотреть вопрос о дополнении ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ. Так же стоит обратить внимание на время доставления.

Представляется, что после доставления нарушителя общественного порядка и общественной безопасности в служебное помещение, сотрудники должны незамедлительно приступить

к составлению протокола, если личность установлена. Если установить личность правонарушителя не представляется возможным, с момента доставления применять административное задержание.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N195-ФЗ (с изм. и доп. от 11 марта 2024 г. N44-ФЗ) // «Российская газета». 2001. N256
2. Административное право России: учебник и практикум для вузов / А. И. Стахов [и др.]; под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 484 с.
3. Копытов, Ю. А. Административное право: учебник / Ю. А. Копытов. — Москва: Юрайт, 2018. — 645 с.
4. Постановление Дмитровского городского суда Московской области № 5-2340/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 5-2340/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.);
5. Постановление Наро-Фоминского городского суда Московской области № 5-2332/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 5-2332/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.).
6. Постановление Усинского городского суда Республика Коми № 5-539/2023 от 28 октября 2023 г. по делу № 5-539/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.).
7. Постановление Одинцовского городского суда Московской области № 5-523/2023 от 19 марта 2023 г. по делу № 5-523/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudrf.ru/>. (Дата обращения: 10.03.2024 г.).

Особенности уголовно-правовой политики в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов

Булохов Иван Иванович, студент;

Мовсеян Александра Арменовна, студент

Научный руководитель: Куликова Ольга Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются особенности преступлений, связанных с незаконным выловом водных биологических ресурсов, а также анализируется практика по применению соответствующих норм уголовного законодательства.

Ключевые слова: экология, водные биологические ресурсы, добыча (вылов), уголовная ответственность.

В реалиях современного общества вопрос о рациональном использовании природных ресурсов является все более приоритетным, поскольку за последние 100 лет мировое общество совершило серьезные ошибки, повлиявшие на экологическую составляющую мира.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит отдельную главу, которая включает в себя перечень преступлений в сфере экологии [1].

Всего за последние три года (с 2019 по 2021 г.) было осуждено 17 431 лицо, также отмечается увеличение уровня преступности в экологической сфере. Так, в 2021 году было совершено на 12,2% преступлений данной направленности. Среди данных преступлений наиболее распространенным является преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 256 УК РФ, которое устанавливает ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов. По состоянию на 2022 год число осужденных по данной статье за год составило — 1 694 человек [2].

В Российской Федерации разработано законодательство о рыболовстве, а также сохранении водных биологических ресурсов [3]. Так, Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении биологических ресурсов» регулирует отношения, связанные с выловом биологических ресурсов водных объектов

в рамках, которые позволяют сохранять природу, а также является базовым источником при регулировании уголовного законодательства в данной сфере.

Таким образом, рассматриваемое преступление имеет определенный ряд особенностей, которые отмечает Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) в Постановлениях Пленума. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [4] отмечается, что в качестве непосредственного объекта данного преступного деяния необходимо рассматривать экологические общественные отношения по использованию и охране водных биоресурсов, которые также включают в себя места обитания, так как от данных мест напрямую зависит благоприятное экологическое состояние объекта.

Однако, как отмечает А. В. Зубкова, не каждое деяние следует квалифицировать как преступление. Так, ст. 256 УК РФ обладает следующими обязательными признаками:

- «в результате деяния должен быть причинен крупный ущерб;
- в ходе добычи должны использоваться специальные средства: в виде самоходных транспортных средств, плавательных, а также взрывчатые, химические вещества или электроток;

— деяние совершено в местах нереста или на миграционных путях ним, на особо охраняемых природных территориях, в зонах экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации» [5, С. 25].

Таким образом, действия, направленные на вылов водных биологических ресурсов, признаются преступлениями только тогда, когда причинен заметный ущерб водным объектам и биологическому фонду.

Ярким примером таких деяний может служить приговор Каргасокского районного суда от 06 октября 2023 года № 1–102/2023, где гражданин К. был признан виновным по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, поскольку осуществлял ловлю рыбы, занесенную в красную книгу, путем применения взрывчатых веществ [6].

Крупный ущерб данного преступления был обусловлен тем, что вид рыбы был занесен в красную книгу, из-за чего оце-

ночная стоимость (такса) является более высокой по сравнению с другими видами рыб.

Следующим примером из судебной практики является приговор, вынесенный мировым судьей в Мурманской области, в котором мировой судья установил, что гражданин Б. производил вылов в месте нереста и на миграционном месте лососевых пород рыб. Сумма вылова составила 2 500 рублей, которая не является крупным ущербом. Однако, факт вылова рыбы в запрещенном месте послужил основанием для признания гражданина Б. виновным по п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ [7].

Таким образом, уголовное законодательство устанавливает санкции, способствующие сохранению биологической составляющей водных объектов, а также животных, обитающих в водоемах, а судебная практика, в свою очередь, показывает грамотное и объективное вменение соответствующих норм, которые обладают рядом особенностей.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Судебная статистика РФ за 2021 год. — Текст: электронный // Апи-пресс: [сайт]. — URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 14.04.2024).
3. Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52. Ст. 5270.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.
5. Зубкова А. В. Уголовно-правовая характеристика посягательств на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 24–31.
6. Приговор Каргасокского районного суда от 06.10.2023 по делу № 1–102/2023 // СудАкт: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JjqIqgVKfTdC/> (дата обращения 15.04.2024).
7. Приговор мирового судьи Мурманской области. — Текст: электронный // Североморское территориальное управление Федерального агентства по рыболовству: [сайт]. — URL: <https://sevtu.ru/index.php/2009-05-27-13-06-10/58-antikorrupsion-na-a-deyatelnost/58-21.html> (дата обращения: 15.04.2024).

Проблемные аспекты, связанные с увольнением дистанционного работника

Весленёв Ярослав Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Офман Елена Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В данной статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с увольнением дистанционного работника, несовершенства действующего трудового законодательства в области регулирования труда дистанционных работников, а также предлагаются способы решения поставленных проблем и возможные поправки в действующее законодательство РФ.

Ключевые слова: увольнение, дистанционный работник, основания увольнения, Трудовой кодекс РФ, приказ об увольнении.

Удалённый работник — это такой же сотрудник, на которого распространяются все нормы Трудового кодекса, в том числе и в части увольнения. Трудовой договор с дистанционным сотрудником может быть расторгнут по желанию работника, соглашению сторон, а также, в случаях, предусмотренных ст. 81 ТК РФ — по инициативе работодателя. [3]

До 2021 года работодатели могли прописывать в договорах с удалёнными сотрудниками любые другие основания для увольнения, помимо тех, что указаны в ТК. Таким образом,

работодатели могли ущемлять права дистанционных сотрудников по сравнению с остальными.

С 1 января 2021 года ситуация изменилась. В ТК внесли изменения, и теперь у работодателей помимо общих есть только два дополнительных основания для увольнения удалённого сотрудника (ст. 312.8 ТК РФ):

— Сотрудник без уважительной причины не отвечает на запросы работодателя, связанные с трудовыми обязанностями. По умолчанию срок для ответа установлен в два рабочих дня.

Но в договоре или других внутренних документах работодатель может прописать более длительный срок.

— Сотрудник переехал в другую местность и не может выполнять трудовые функции в прежнем режиме

Тем не менее, в процедуре увольнения дистанционного работника до сих пор остаются проблемные аспекты, которые нуждаются в законодательном регулировании.

Первым таким аспектом является режим работы такого работника. В соответствии с ч. 2 ст. 312.4 ТК РФ, если иное не предусмотрено коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору, режим рабочего времени дистанционного работника устанавливается таким работником по своему усмотрению. Данная норма вызывает вопросы, поскольку отсутствие в указанных актах четко прописанного режима рабочего времени (либо полное отсутствие в них положений о режиме рабочего времени) дистанционного работника может послужить почвой для злоупотреблений со стороны такого работника. В частности, он может выполнять очень долго или вообще не выполнять свои трудовые функции и задачи работодателя, порученные ему в рамках выполнения данных функций. [5, с. 49] При возникновении по этому поводу между ним и работодателем трудового спора он может заявлять о нехватке рабочего времени и ссылаться на ч. 2 ст. 312.4 ТК РФ. Конечно, работодатель имеет право в такой ситуации в указанные выше акты включить правило о режиме рабочего времени дистанционного работника, и тогда на стороне работника больше не будет легальных аргументов. [10, с. 27]

В целях недопущения таких ситуаций предлагается законодательно установить положение, согласно которому при отсутствии в актах, указанных в ст. 312.4 ТК РФ, норм о режиме рабочего времени дистанционного работника, режим его рабочего времени приравнивается к режиму рабочего времени основной части работников предприятия, работающих на стационарном рабочем месте. В таком случае, применение дисциплинарных взысканий и последующее увольнение недобросовестного дистанционного работника на основании п. 5 ст. 81 ТК РФ может быть упрощено. [6, с. 70]

Вторым проблемным аспектом в увольнении дистанционного работника является основание для увольнения такого работника, предусмотренное ст. 312.8 ТК РФ, а именно, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя (если иное не предусмотрено трудовым договором). Проблема здесь в том, что срок такого

взаимодействия — два дня подряд. Данная формулировка позволяет недобросовестному дистанционному работнику «оттянуть» свое увольнение до применения всех предусмотренных ст. 192 ТК РФ дисциплинарных взысканий и злоупотреблять своими правами. Решением данной проблемы может быть корректировка текста статьи 312.8 ТК РФ следующим образом: «...в случае, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более одного рабочего дня со дня поступления соответствующего запроса работодателя (за исключением случая, если более длительный срок для взаимодействия с работодателем не установлен порядком взаимодействия работодателя и работника, предусмотренным частью девятой статьи 312.3 настоящего Кодекса). [1, с. 310]

Третьим проблемным аспектом, с которым можно столкнуться при увольнении дистанционного работника, является возможное недобросовестное неознакомление работника с приказом (распоряжением) работодателя о прекращении трудового договора, предусматривающего выполнение этим работником трудовой функции дистанционно на постоянной основе или временно. Ст. 312.8 ТК РФ предусматривает обязанность работодателя в течение трех рабочих дней со дня издания указанного приказа (распоряжения) направить дистанционному работнику по почте заказным письмом с уведомлением оформленную надлежащим образом копию указанного приказа (распоряжения) на бумажном носителе (в случае предполагаемого ознакомления работника с приказом (распоряжением) в форме электронного документа). [8, с. 110] Данное неознакомление может быть злоупотреблением прав работником с целью возможного оспаривания увольнения. Этот факт, безусловно, подлежит доказыванию самим работником в случае возникновения трудового спора, но во избежание данного факта последний абзац ст. 312.8 ТК РФ необходимо дополнить следующим содержанием: «... Фактом ознакомления дистанционного работника с приказом (распоряжением) работодателя о прекращении трудового договора, предусматривающего выполнение этим работником трудовой функции дистанционно на постоянной основе или временно, считается, в том числе, направление ему данного приказа в форме электронного документа при возврате заказного письма с уведомлением оформленной надлежащим образом копии указанного приказа (распоряжения) на бумажном носителе»..

Перечень проблемных аспектов, связанных с увольнением дистанционного работника, не является исчерпывающим, и для надлежащего регламентирования такого увольнения необходимо дополнение действующего законодательства, регулирующего труд дистанционных работников.

Литература:

1. Артонкина, Н. В. Увольнение дистанционных работников / Н. В. Артонкина // Управление развитием персонала. — 2021. — № 4. — С. 308–314.
2. Василенко, Ю. Е. Особенности увольнения дистанционного работника по Ч. 1 ст. 312.8 трудового кодекса РФ / Ю. Е. Василенко // Российско-азиатский правовой журнал. — 2023. — № 4. — С. 27–31.

3. Глава 49.1. Особенности регулирования труда дистанционных работников // Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023): [принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года]: [одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] // Информационно-правовой портал «Консультант плюс»: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e3109974293f0702a9260fd10cf35a0ca2968319/ (дата обращения 07.03.2024). — Режим доступа: свободный.
4. Демидов, Н. В. Увольнение дистанционного работника за появление на работе в состоянии опьянения / Н. В. Демидов // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения: материалы Шестой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 09–10 декабря 2020 года / под общей редакцией Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. — С. 30–32.
5. Лузан, Д. К. Особенности регулирования труда дистанционных работников / Д. К. Лузан // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 49–6. — С. 48–50.
6. Лютаревич-Гефтер, Ю. А. Новые проблемы правового регулирования дистанционной работы и пути их преодоления / Ю. А. Лютаревич-Гефтер // Вестник Российской правовой академии. — 2021. — № 3. — С. 66–72.
7. Лютов, Н. Л. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России / Н. Л. Лютов // Lex Russica (Русский закон). — 2018. — № 10(143). — С. 30–39.
8. Черных, Н. В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) / Н. В. Черных // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8(105). — С. 108–117.
9. Чиранова, И. П. Увольнение дистанционных работников / И. П. Чиранова // XLIX Огарёвские чтения: материалы научной конференции: в 3 частях, Саранск, 07–13 декабря 2020 года. Часть 3. — Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2021. — С. 827–834.
10. Шайхутдинова, Н. П. Правовое регулирование труда дистанционных работников в современных условиях / Н. П. Шайхутдинова // Кадровик. — 2023. — № 6. — С. 25–29.

Некоторые аспекты взаимоотношения адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и суда: теория и практика

Вишневский Владислав Михайлович, студент

Научный руководитель: Ляхова Анжелика Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В настоящей статье на основе анализа правовых и этических норм, регулирующих деятельность адвоката, рассматриваются некоторые теоретические аспекты, связанные с взаимоотношением адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и суда. На основе примера дисциплинарного производства рассматриваются проблемы реализации этических норм адвокатом, которые могут возникать в ходе взаимодействия с должностным лицом суда.

Ключевые слова: адвокатская этика, принципы адвокатской этики, Кодекс профессиональной этики адвоката, дисциплинарная ответственность.

В своей деятельности адвокат следует этическим аспектам во взаимоотношении как со своими доверителями и коллегами-адвокатами, так и с представителями различных правоохранительных органов, в том числе и с судьями в ходе представления интересов своего доверителя в рамках судебного процесса.

Как отмечает М. Ю. Барщевский, «предметом адвокатской этики является предписываемое корпоративными правилами должное поведение члена адвокатской ассоциации в тех случаях, когда правовые нормы не устанавливают для него конкретных правил поведения» [2, с. 22].

Исходя из указанного положения, необходимо считать, что этические предписания являются исключительно набором профессиональных установок и не должны затрагивать существо-

вание адвоката вне связи его со своей работой. Нормы этики адвоката выступают, в свою очередь, в качестве дополнения к его профессиональным обязанностям, поскольку являются регулятором в вопросах допустимого поведения.

Фундаментом, на котором выстроена система этического взаимоотношения адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и судьями, равно как и с иными субъектами его взаимодействия в профессиональной среде, выступают принципы адвокатской этики как общие начала его морально-этического поведения.

Адвокату необходимо соблюдать требования, устанавливаемые Кодексом профессиональной этики адвоката, принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года. Это следует из положения п. 2 ст. 4 Кодекса (далее — Кодекса),

в котором указано, что сам статус адвоката уже обязывает его носителя к соблюдению профессиональных правил, неотъемлемой частью которых также являются этические нормы.

Применительно к взаимоотношениям адвоката и должностных лиц правоохранительных органов и суда отметим следующие положения Кодекса.

Согласно п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, «сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката» [3].

Статья 12 Кодекса устанавливает, что при участии в судопроизводстве «адвокат должен проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле; возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» [3].

Также и в п. 1 ст. 14 Кодекса указано, «при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя ... и согласовать с ними время совершения процессуальных действий» [3].

Такие этические принципы как уважение авторитета государственных органов и ответственность, на наш взгляд, наиболее полно раскрываются во взаимоотношении адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и суда.

Пункт 1 ст. 18 Кодекса сообщает, что при нарушении требований, установленных в законодательстве Российской Федерации, регулирующем адвокатуру и адвокатскую деятельность, а также в Кодексе профессиональной этики адвоката к адвокату могут применяться меры дисциплинарного взыскания. Однако для таких действий Кодекс предусматривает в качестве субъективной стороны вину, выраженную умыслом или грубой неосторожностью.

Следует сказать, что соблюдение адвокатом этических норм, указанных в Кодексе профессиональной этики адвоката, выступает, в свою очередь, в качестве дополнительной гарантии его собственной безопасности: соблюдая предписания Кодекса, адвокат может избежать возможности быть привлечённым к дисциплинарной ответственности [1, с. 118].

И в целом, существование этических норм, в том числе напрямую связанных с взаимоотношением адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и суда, имеет большое практическое значение, поскольку с морально-нравственной точки зрения определяет в поведении адвоката «что такое хорошо», поскольку иное вытекает из несоблюдения содержащихся в Кодексе правил в виде ответственности. Адвокату же, в свою очередь, необходимо придерживаться этических правил, чтобы не подорвать отношение к институту адвокатуры в обществе.

Далее рассмотрим практический пример, непосредственно связанный с взаимоотношением адвоката с должностным лицом суда, где, по мнению заявителя жалобы, были нарушения адвоката, в том числе положений Кодекса профессиональной этики, что могло привести к применению в отношении последнего мер дисциплинарной ответственности.

В «Обзоре дисциплинарной практики» Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за январь–июнь 2020 года размещён материал дисциплинарного производства под названием «Отвод судьбе обернулся жалобой на адвоката».

Из содержания указанного материала мы видим, что в отношении адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном процессе, поступила жалоба в Адвокатскую палату от судьи, которая требовала применить к адвокату дисциплинарную меру ответственности в виде лишения последнего своего статуса.

В обоснование своей позиции судья указала на оскорбительные формулировки, которые адвокат указал в заявлении об отводе данной судьи в ходе судебного заседания. По мнению адвоката, игнорирование заявленного им ходатайства о фальсификации заявления о преступлении и совершение иных грубых нарушений положений действующего УПК РФ в совокупности говорят об обвинительной позиции судьи в отношении его подзащитного.

Судья, не согласившись с такими суждениями, считает, что они порочат её честь и достоинство, а также профессиональную квалификацию.

Рассмотрев материалы дела, дисциплинарная комиссия Адвокатской палаты пришла к выводу, что в рамках судебного заседания судья и адвокат высказались в отношении друг друга о соблюдении процессуальных норм. Различия в оценках каждой из указанных сторон явилось поводом для этической оценки действий адвоката со стороны судьи.

Положение п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» указывает, что адвокат представляет собой независимого профессионального советника по правовым вопросам [4]. Исходя из данного правового предписания, Дисциплинарная комиссия указала, что адвокат вправе давать профессиональную оценку действиям судьи.

В результате рассмотрения жалобы, Дисциплинарная комиссия Адвокатской палаты города Санкт-Петербурга приняла решение прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Г., поскольку в её действиях отсутствуют нарушения правовых и этических правил ведения своей профессиональной деятельности.

В обоснование своей позиции Комиссия привела следующие положения: согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», за выраженное адвокатом в ходе осуществления его профессиональной деятельности мнение он не может быть привлечён к ответственности, «если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии» [4].

В соответствии с п. 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не может быть привлечён к дисциплинарной ответственности за действие, которое формально и содержит признаки нарушения правовых и этических норм, но «в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате» [3].

Необходимо учитывать, что основу взаимоотношения адвоката с должностными лицами правоохранительных органов и суда составляет, с одной стороны, взаимное уважение авто-

ритета как государственных органов со стороны адвоката, так и адвокатуры со стороны соответствующих должностных лиц государственных органов, а с другой стороны, признание за

каждой из сторон общей цели их существования, которая заключается в защите прав, свобод и интересов граждан и юридических лиц Российских Федераций.

Литература:

1. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для вузов / под редакцией А. А. Клишина, А. А. Шугаева. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 604 с.
2. Барщевский, М. Ю. Адвокатская этика. / М. Ю. Барщевский. — 2-е изд. — Москва: Профобразование, 2000. — 311 с.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г.) (ред. от 15.04.2021 г.) // «Российская газета». 2005 г. N222.
4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N63-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. N23. Ст. 2102.

Правовые особенности заключения, изменения и расторжения договора купли-продажи

Геворкян Борис Артурович, студент;
Семёнов Аслан Хасанбиевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются теоретические аспекты договора купли-продажи, а также его правовые вопросы, которые могут касаться особенностей заключения, изменения и прекращения действия договора. Актуальность рассматриваемых сведений заключается в необходимости правового закрепления передачи прав на объект в ходе сложившихся гражданских правоотношений. Автором исследованы методические и нормативно-правовые источники, с помощью которых изучена правовая сторона вопроса договора купли-продажи между сторонами.

Ключевые слова: договор, гражданское право, покупка, продажа, сделка, условия договора, расторжение.

В течение жизни человек сталкивается с необходимостью в продаже или покупке тех или иных объектов или услуг, которые возможно заполучить с привлечением другого заинтересованного лица. Так, являясь субъектом права, гражданин может вступить в гражданские правоотношения, которые подразумевают защиту сторон по принципу справедливости.

Так, одним из правовых источников защиты гражданских прав выступает Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ), который, в частности, устанавливает нормы проведения различных сделок. В свою очередь положения по договору купли-продажи отражены в ст. 454 ГК РФ, согласно которой продажа имущественных и цифровых прав предполагает обязанность одной стороны (продавца) передать вещь или товар в собственность второй стороне, именуемой покупателем, в обязанности которого, между тем, входит уплата оговоренной суммы и получение вещи или товара. [1]

Договор купли-продажи допускается применять в устной форме, например, в момент продажи личных вещей самостоятельно либо с помощью различных Интернет-площадок. Однако, зачастую, если речь идет о более высокой стоимости сделки, заключается письменный договор купли-продажи, в котором подробно указываются обязательные и дополнительные, на усмотрение сторон, сведения.

В целом, обязательное заключение договора купли-продажи предусмотрено для:

— продажи недвижимости, автомобильных и иных средств, которые подлежат государственной регистрации с внесением изменений о передаче прав собственности в базу Росреестра, ГИБДД и т.д.;

— случаев, когда даже одна из сторон договора является юридическим лицом;

— случаев, когда стороны откладывают передачу прав на объект до определенного момента. [3, с. 164]

Для того, чтобы договор имел юридическую силу в нем необходимо правильно указать определенную информацию, например:

— информацию о сторонах договора. Физические лица прописывают свои достоверные паспортные данные (серию, номер, дату выдачи, кем выдан, а также дату рождения), юридические лица прописывают свое наименование, ИНН, КПП, ОГРНИП, ставят подпись и печать организации;

— предмет договора, в котором описывается тип передаваемого объекта (недвижимость/автомобиль/личные вещи и др.), размер, а также уникальный идентификационный номер при наличии (кадастровый номер недвижимости, VIN-код автомобиля и др.);

— стоимость объекта договора в цифровом обозначении, продублированном прописью. На территории Российской Федерации подразумевается платеж в рублях, однако, если стороны выбрали иную валюту, в договоре необходимо указать конвертируемую в рубли сумму по курсу Банка России на день его заключения;

— порядок оплаты, размер задатка, если таковой вносился до заключения договора, срок перевода и поступления денежных средств на счет продавца. Задаток оформляется ранее также в письменной форме, а также признается доказательством на заключение и обеспечение исполнения договора (ст. 380 ГК РФ). [1]

Так, договор купли-продажи придерживается принципов консенсуальности, возмездности и взаимосогласованности. Однако, в практике возникновения гражданских правоотношений на почве купли-продажи существуют нюансы, которые обоснованы отклонением от заявленных принципов ввиду различных факторов. Например, указание продавцом недостоверных сведений о состоянии недвижимого имущества может привести к отказу покупателя от своих обязательств по оплате. В других случаях, сделка и вовсе может быть признана недействительной, например, если продавец не обладает полномочиями на недвижимое имущество (не является собственником, имеет недействительную доверенность и т.д.).

Перечисленные факты становятся основанием для судебных разбирательств, поэтому сведения, прописанные в договоре купли-продажи должны:

— быть достоверными, с возможностью документального подтверждения при проверке до или на момент заключения договора;

— содержать всю необходимую и дополнительную информацию как об объекте, так и о сторонах договора;

— исключать ошибки и опечатки, а также неточности юридического характера.

После заключения договора он может вступить сразу же в законную силу, либо иметь отложенный срок, если это было прописано.

Основания изменения и расторжения договора купли-продажи предусмотрены в ст. 450 ГК РФ, согласно которой подобные действия могут осуществляться по обоюдному согласию сторон либо по заявлению одной из сторон, но по решению суда. [1]

Договор считается исполненным после оплаты и передачи (в случае с недвижимостью — регистрации) прав собственности. Исполнение является одним из способов прекращения обязательств, в силу ст. 408 ГК РФ. [1] Это означает то, что с момента исполнения условий договора, он прекращает свое действие. Поэтому, расторжение договора после его исполнения невозможно.

Изменять и расторгать договор в случае с продажей недвижимости возможно, если покупатель зарегистрировал переход права собственности, но не произвел оплату или произвел ее не в полном размере, т.к. его обязательства не считаются исполненными. [2, с. 106]

Расторжение договора по соглашению сторон договора является двухсторонней сделкой, т.е. действием, направленным на прекращение возникших из договора прав и обязанностей (ст. 153, п. 3 ст. 154, п. 2 ст. 453 ГК РФ). По соглашению продавца и покупателя расторжение договора происходит в том же порядке и в той же форме, что и заключение договора (п. 2 ст. 432, ст. 434 и п. 1 ст. 452 ГК РФ). Таким образом для расторжения договора купли-продажи потребуется заключение соглашения двумя сторонами.

Таким образом, договор купли-продажи является юридическим основанием для передачи прав собственности, их регистрации в случаях, если стороны соблюдают и исполняют свои обязательства. Вопросы изменения и расторжения договора можно решить обоюдно в досудебном порядке. Судебные решения по разрешению гражданских правовых споров в отношении объекта купли-продажи при наличии документальных подтверждений исполнения обязательств или отказа от них выносятся как в пользу продавца, так и в пользу покупателя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01.10.2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).
2. Ахтямова Е.В. Правовые особенности заключения, изменения и расторжения договора купли-продажи жилых помещений // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. — 2023. — № 9–2 (84). — С. 105–107.
3. Магомедов Г.Г. Основные положения договора купли-продажи: понятие, содержание и субъекты // *Международный научный журнал «Вестник науки»*. — 2023. — № 7 (64), Т. 5. — С. 162–169.

Реформирование системы местных бюджетов на основе принципа самостоятельности: опыт стран и перспективы для России

Головки Михаил Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Раздьяконова Евгения Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор исследует сущность и реализацию на практике закрепленного законодательно принципа самостоятельности бюджетов муниципальных образований.

Ключевые слова: бюджет, бюджетный процесс, формирование бюджета, исполнение бюджета.

Рассматривая особенности и проблемы формирования доходов местных бюджетов в России, невозможно не обратиться к зарубежному опыту в данной области, с тем чтобы выявить принципиальные отличия в сфере финансовой обеспеченности муниципалитетов и на основе этого «определить возможность и необходимость адаптации отдельных достижений зарубежных стран к российским реалиям» [4, ст. 197].

Согласно данным Министерства финансов Российской Федерации, основу налоговых доходов российских местных бюджетов составляет налог на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) (62,7%). По данным OECD.Stats 2019, в Бельгии доля налога на доходы физических лиц в общей величине налоговых доходов местных бюджетов составляет 34,4%, в Японии — 32,3%, в Италии — 24,2%, в Турции — 18%, в Испании — 13,2% и в Корее — 11% [7].

В данных странах основной акцент при формировании налоговой части доходов местных бюджетов сделан не на поступлениях из федеральных бюджетов, а от местных налогов. Так, в Бельгии доля доходов от налога на недвижимость, являющегося исключительно местным налогом, причем включающего в себя не только налог на имущество физических лиц, но и налог на имущество организаций, составляет около 58%, в Испании — 42,9%, в Корее — 47,1%.

Также весьма показателен пример тех стран, в которых налог на прибыль организаций зачисляется в местные бюджеты (в России же этот налог зачисляется в региональные бюджеты). Например, в Люксембурге доля данного налога в общей величине налоговых доходов местных бюджетов составляет 91,1%, что означает практически полную укомплектованность доходов местных бюджетов данным налоговым источником.

Примерами иных стран, в которых доходы местных бюджетов в определенной мере формируются за счет налога на прибыль организаций, являются Германия (25,5%), Япония (17,7%), Швейцария (12,5%), Турция (7,9%), Финляндия (7,6%), Корея (7,3%), Испания (2,8%).

Так, приоритеты в области формирования доходной части местных бюджетов во многом определяют обеспеченность муниципалитетов финансовыми ресурсами. Местные бюджеты, в которых доходы основаны не только на отчислениях с НДФЛ, но и на поступлениях от разнообразных местных налогов, от эффективного управления муниципальным имуществом, на практике оказываются «более устойчивыми в финансовом аспекте и, соответственно, более способными (ввиду большей са-

мостоятельности) к полноценной реализации возложенных на них функций» [6, с. 20].

Адекватное экономическое обеспечение полномочий муниципалитетов всех уровней в условиях современного демократического государства выступает естественным и необходимым условием повседневной деятельности институтов местного самоуправления.

В России законодательно определено наличие трехуровневой системы управления (федеральный, региональный, муниципальный), каждый уровень из которой признан самостоятельным в рамках закрепленной за ним компетенции.

Так, Конституция Российской Федерации содержит положение о том, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Самостоятельное решение вопросов местного значения подразумевает финансовую самостоятельность местного самоуправления, что и является важнейшим условием его эффективного функционирования. Кроме этого, на уровне местных бюджетов в России сконцентрирован основной объем социально-значимых расходов, порою даже незаконно возлагаемых на муниципалитеты [1, ст. 130].

Смысл подобной финансовой независимости раскрывается в Европейской Хартии местного самоуправления, согласно которой органы местного самоуправления в рамках национальной экономической политики имеют право на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий. При этом финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией или законом соответствующей страны [3, ст. 9].

Об этом свидетельствует также и Бюджетный кодекс Российской Федерации, согласно которому бюджетная система Российской Федерации основана в том числе на принципе самостоятельности бюджетов [2, ст. 28].

Реальная же практика свидетельствует о фактической невозможности соблюдения данного принципа, что обусловлено «дефицитностью подавляющего большинства бюджетов муниципальных образований в Российской Федерации» [5, с. 48].

Как уже было выяснено, местный бюджет складывается из налоговых доходов, неналоговых доходов, безвозмездных поступлений; при этом результаты мониторинга местных бюд-

жетов, проводимые Министерством финансов Российской Федерации, свидетельствуют о паритете в общем объеме поступивших денежных средств в местные бюджеты — порядка 50% налоговых и неналоговых доходов против также порядка 50% межбюджетных трансфертов (без учета субвенций) и других безвозмездных поступлений.

При решении проблемы недостаточности доходов местных бюджетов возникает логичный вопрос в избрании путей их увеличения. Как уже отмечалось ранее, доходы местных бюджетов формируются за счет налоговых доходов, неналоговых доходов, безвозмездных поступлений (последние из которых не будут рассматриваться по понятной причине).

В связи с этим, повышение налоговых и неналоговых доходов является возможным именно за счет статьи налоговых

доходов. Исходя из этого, решением сложившейся проблемы был бы полный пересмотр Главы 9 «Доходы местных бюджетов» Бюджетного кодекса Российской Федерации в части нормативов отчислений, поступающих с различных налогов, в том числе с налога на доходы физических лиц.

Кроме того, возможным является также и заимствование позитивного зарубежного опыта, например, в части установления нормативов отчислений в местные бюджеты с налога на прибыль организаций, в связи с чем, решением существующей проблемы также будет являться пересмотр статьи 56 «Налоговые доходы бюджетов субъектов Российской Федерации» Бюджетного кодекса Российской Федерации, в соответствии с действующей редакцией которой норматив отчисления в бюджет субъекта с взимаемого налога на прибыль организаций составляет 100%.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 01 июля 2020 г. № 1-ФКЗ] // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ: принят Гос. Думой 17 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.: [ред. от 26 фев. 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
3. Европейская хартия о местном самоуправлении: ETS № 122 (принята в г. Страсбург 15 окт. 1985 г. Советом Европы): ратифицирована ФЗ от 11 апр. 1998 г. № 55-ФЗ: вступила в силу для Рос. Федерации 1 сент. 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 36. — Ст. 4466.
4. Нехайчук, Ю. С. Зарубежный опыт оптимизации дефицита бюджета муниципальных образований / Ю. С. Нехайчук. — Текст: непосредственный // Инновационная наука. — 2017. — № 3. — с. 197–203.
5. Токаева, С. К. Проблемы формирования местных бюджетов / С. К. Токаева — Текст: непосредственный // Научные известия. — 2016. — № 4. — с. 48–51.
6. Третьякова, А. В. Теоретические аспекты сущности муниципальных доходов / А. В. Третьякова. — Текст: электронный // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2017. — № 3. — с. 17–26. — URL: https://scires.elpub.ru/jour/article/view/69?locale=ru_RU (дата обращения: 30.03.2024). — Режим доступа: Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал.
7. Organisation for economic co-operation and development: [сайт]. — Париж, 1994 — URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=REV> (дата обращения: 20.04.2024).

Особенности тактики допроса несовершеннолетних пострадавших

Грибова Александра Александровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Ключевые слова: несовершеннолетний, допрос, следователь, потерпевший, методы, приемы, тактика.

Допрос несовершеннолетних, особенно тех, кто стал жертвой или свидетелем преступления — это всегда сложная задача для следователя. С одной стороны, нужно получить максимально полную и достоверную информацию. С другой — не нанести ребенку дополнительную психологическую травму, учесть его возрастные и индивидуальные особенности.

Тактика допроса несовершеннолетних имеет ряд существенных отличий от работы со взрослыми. Здесь недопустимы

привычные приемы оказания психологического давления, провоцирования конфликта, использования неопределенных или наводящих вопросов. Нужен особый подход, основанный на знании детской психологии, терпении и сопереживании ребенку.

Ключевыми факторами являются установление доверительного контакта, создание безопасной и комфортной атмосферы, минимизация стресса для несовершеннолетнего. Большую роль играет привлечение специалистов-педагогов, психологов.

Они помогут правильно выстроить беседу, вовремя скорректировать тактику с учетом состояния ребенка.

Дети и подростки в силу возрастных особенностей психики по-другому воспринимают и переживают произошедшее с ними событие. Они более внушаемы, эмоциональны, их память избирательна. Недостаточно развитые навыки вербализации затрудняют для них свободное изложение информации. Повышенная утомляемость, неустойчивость внимания, неспособность долго концентрироваться на одном вопросе — все это необходимо учитывать при планировании и проведении допроса.

Страх перед следователем, боязнь не оправдать ожиданий взрослых, стыд и чувство вины за произошедшее могут приводить к утаиванию или искажению ребенком информации. Нередко имеет место влияние на показания со стороны родных и близких. Все это затрудняет получение полных и достоверных сведений.

Перед допросом следует собрать максимум информации о личности несовершеннолетнего, условиях его жизни и воспитания, взаимоотношениях в семье. Важно наладить контакт с его родителями или законными представителями, разъяснить им цели и порядок следственного действия.

Допрос несовершеннолетнего пострадавшего целесообразно начинать со свободного рассказа. Не следует сразу задавать конкретные вопросы или прерывать повествование, следует дать ребенку выговориться, внимательно выслушать его, обязательно поощрять стремление рассказать как можно больше, но при этом не оказывать давления.

Большое значение имеет обстановка, в которой будет проходить допрос. Официальная атмосфера кабинета может оказывать на несовершеннолетнего подавляющее воздействие. Желательно, чтобы беседа велась в привычной для него обстановке, например, дома или в образовательном учреждении.

Время, прошедшее между происшествием и допросом несовершеннолетнего потерпевшего должно быть минимальным, потому что на несовершеннолетних может оказываться влияние со стороны других лиц, родителей, знакомых, сверстников. Это влияние может проявляться в виде советов, подсказок о том, как следует себя вести на допросе, как отвечать на вопросы и как нужно поступить в том или ином случае.

Дача ложных показаний или искажение показаний несовершеннолетних потерпевших в некоторых случаях происходит от воздействия в виде угроз, исходящих от родственников, близких и друзей подозреваемых и обвиняемых. В этом случае следователю необходимо предпринять все меры безопасности несовершеннолетнего в виде сохранения тайны следствия, принятия мер в отношении лиц, представляющих угрозу, обеспечения охраны несовершеннолетнего вплоть до его изоляции до окончания расследования.

Для установления психологического контакта можно начать разговор на отвлеченные темы — об учебе, увлечениях, друзьях. Проявленный искренний интерес и участие помогут расположить несовершеннолетнего к себе.

Вопросы следует задавать в хронологическом порядке, понятным ребенку языком. Они не должны быть слишком длинными и содержать оценочных суждений. Важно дать

возможность несовершеннолетнему самому рассказать о произошедшем, не перебивая и не торопя его.

Если ребенок начинает путаться в показаниях или противоречить сам себе, не стоит на этом акцентировать внимание. Лучше мягко вернуть его к исходной теме, попросив повторить рассказ. После свободного повествования можно аккуратно обратить внимание на возникшие противоречия.

Чтобы избежать вторичной травматизации, следует минимизировать количество допросов ребенка. По возможности все следственные действия с его участием нужно провести в один день. Целесообразно применять видеозапись допроса, чтобы избежать необходимости проводить его повторно.

При допросе по делам о насильственных преступлениях желательна участие психолога или педагога. Специалист окажет помощь в налаживании контакта, снятии напряжения, разъяснит возрастные и индивидуальные особенности ребенка.

Необходимо делать перерывы каждые 15–20 минут, чтобы ребенок мог отдохнуть. При появлении признаков переутомления допрос следует прервать.

Не рекомендуется проводить его в тот же день. Вопросы не должны дублировать ранее заданные, чтобы исключить навязчивый характер и дополнительную травматизацию психики ребенка.

Таким образом, допрос несовершеннолетнего пострадавшего требует тщательной подготовки, знания возрастной психологии, владения специальными тактическими приемами. Только комплексный и междисциплинарный подход позволяет провести это следственное действие эффективно и корректно, не усугубляя психологическую травму ребенка. Показания, полученные с соблюдением всех процессуальных и тактических требований, являются ценным доказательством по делу и способствуют защите прав несовершеннолетних жертв преступлений.

Допрос несовершеннолетних пострадавших требует особого подхода и тактики со стороны следователя. Важно создать доверительную и безопасную атмосферу, учитывать возрастные и психологические особенности ребенка. Следователь должен проявлять терпение, доброжелательность и избегать давления на несовершеннолетнего.

Ключевыми моментами допроса являются подготовка к допросу, установление психологического контакта, выяснение обстоятельств, фиксация показаний, участие педагога или психолога. Соблюдение этих тактических приемов позволяет получить достоверные показания от несовершеннолетнего пострадавшего, не нанося дополнительной психологической травмы.

Следователь должен постоянно повышать свою квалификацию в области детской психологии и тактики допроса для эффективной работы с несовершеннолетними. Бережное отношение к ребенку, пострадавшему от преступления, и грамотное проведение допроса — залог успешного расследования дела и восстановления справедливости. Каждый случай индивидуален и требует тщательного подхода, но базовые принципы тактики остаются неизменными. Защита прав и интересов несовершеннолетних в уголовном процессе — приоритетная задача следственных органов и всего общества.

Литература:

1. Матамаров А. Н. Особенности подготовки к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. — Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212).
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — [Электронный ресурс].
3. Хайбрахманова А. Д. Тактические особенности производства допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. — В сборнике: Актуальные проблемы права. Материалы VIII Международной научной конференции. 2019. С.
4. Осодоева Н. В. Некоторые вопросы, возникающие при производстве допроса несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) в уголовном судопроизводстве. — Мировой судья. 2021. № 9.

Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений: вопросы теории и практики

Громова Мария Юрьевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В настоящей статье автором исследуется вопрос злоупотребления правом как один из дискуссионных в области корпоративных правоотношений, рассматривается его понятие, а также проблемы рассмотрения споров в судебной инстанции.

Ключевые слова: злоупотребление правом, корпоративные споры, судебная защита прав, причиненный вред.

Abuse of rights by participants in corporate legal relations: issues of theory and practice

In this article, the author examines the issue of abuse of law, as one of the controversial issues in the field of corporate legal relations, examines its concept, as well as the problems of resolving disputes in court.

Keywords: abuse of law, corporate disputes, judicial protection of rights, harm caused.

В последнее время судам все больше приходится сталкиваться с рассмотрением дел, связанных с злоупотреблением корпоративного права, связанного с недобросовестным поведением участников юридических лиц. В связи с чем, вопрос понятия «злоупотребление правом» становится актуальным именно при рассмотрении споров, возникающих между участниками финансово-хозяйственной деятельности корпораций.

Необходимо отметить, что в настоящее время наблюдается широкий круг прав участников корпоративных отношений, злоупотребление которыми в последующем и порождает юридические споры.

Для определения сущности понятия «злоупотребление правом» многие авторы пытаются найти источники его порождения. Так, Н. А. Механошина утверждает, что данная формулировка имеет свое отражение в римском праве, и содержится в фразе «никого не обижает тот, кто пользуется своим правом». Позднее данная терминология была отражена в Прусском и Саксонском уложениях. С позиции данного автора отечественное законодательство стало содержать рассматриваемое понятие с конца XIX века. В последующем, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года своими нормами охраняли гражданские права, за исключением, когда они осуществляются в противоречие с их социально-хозяйственным назначением.

Рассматривая позицию такого автора как М. М. Агаркова, необходимо отметить, что выражение злоупотребление правом не может рассматриваться, как противоправное действие, поскольку в реальности уже выходит за пределы права.

Вронская М. В. видит практическую значимость института «злоупотребление правом», проявление которого возможно лишь со стороны управомоченного лица, действующего в границах принадлежащего ему субъективного права, однако способы реализации данных прав выходят за границы их осуществления [1, с. 138].

И. В. Сазанова выделяет следующие элементы злоупотребления правом:

1. Использование предоставленных прав субъектом не по назначению.
2. Наличие факта нарушения прав других лиц путем превышения реализации прав субъекта.
3. Наличие признака неправомерности в действиях лица, превышающего свои полномочия.
4. Наличие умышленных намерений использования надельных прав не по назначению и вопреки целям [3, с. 17].

Анализ судебной практики позволил выделить следующие виды злоупотребления правом в рамках корпоративных отношений:

- принятие решения в целях извлечения личной выгоды в ущерб других участников юридического лица;
- получение неправомерной выгоды в ущерб предприятия, организации;
- принятие решений единолично, вопреки учредительным документам;
- ограничение доступа к информации других участников корпоративных отношений.

Анализ судебной практики показал, что большая часть нарушений прав в порядке ст. 10 ГК РФ связано с выводом денежных средств, заключением контрактов, переуступкой доли уставного капитала, либо ее увеличение в целях исключения из учредителей лица с наименьшей его долей.

Так, например, Арбитражным судом Северо-Западного округа в 2018 году было рассмотрено дело по иску одного из учредителей, поданного им в обоснование злоупотребления правом участником организации, имеющим наибольшую долю уставного капитала [2].

Так, в соответствии с обстоятельствами дела учредители, являясь физическими лицами, владели следующими долями 83,66 и 16,34%, при этом участник, имеющий наибольшую долю, на собрании учредителей, воспользовавшись преимуществом принял решение об увеличении имущества общества на 6 млн рублей, путем внесения дополнительных вкладов, с чем не согласен был истец.

Суд занял позицию миноритарного участника, установив, что решение о внесении дополнительных вкладов в имущество общества, принятое мажоритарным участником, носит недобросовестный характер и расценивается понуждение второго учредителя выйти из состава юридического лица. В качестве доказательств судом было исследовано письмо, направленное владельцем наибольшей доли уставного капитала, в котором им было указано условие: внесение вклада или выход из общества.

Приведенный пример говорит, что участники правоотношений, фактически, действовали в рамках своих прав. Однако суд выносил решение не только, мотивируя законностью действий, но и спецификой правоотношений, складывающихся между учредителями, принимая во внимание такой критерий, как добросовестность действий.

Злоупотреблением правом в корпоративных правоотношениях часто встречается при осуществлении дарения своей доли

уставного капитала третьим лицам в целях вывода денежных средств из организации.

Так, например, Арбитражным судом г. Москвы был рассмотрен иск одного из учредителей организации к другому по факту признания сделки недействительной (незаконного договора дарения), заключенной с третьим лицом, согласно которой последнему перешло право владения 40% долей уставного капитала организации из 42% имеющихся ранее у данного участника (ответчика). Согласно приведенным доводам суд пришел к выводу о наличии в действиях ответчика превышения пределов и злоупотребление правомочиями [2].

В последнее время отмечается рост исковых заявлений, поступивших в порядке ст. 10 ГК РФ по факту использования хозяйственного общества мажоритарными акционерами в личных интересах при достижении компаниями высокого уровня экономической деятельности.

Таким образом, рассматриваемая норма гражданского законодательства является одним из действенных рычагов воздействия на недобросовестные решения, принимаемые участниками корпоративных правоотношений. При этом, судебная инстанция при рассмотрении споров, исходя из рассматриваемых правоотношений, учитывает именно такой критерий, как злоупотребление.

Вышеперечисленные примеры, иллюстрирующие злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ, являются далеко не исчерпывающими. На практике встречается огромное количество подобного рода выходов за пределы осуществления гражданских прав. Судебная практика демонстрирует, что российские суды предпринимают меры для устранения подобного рода злоупотреблений, однако этого недостаточно, чтобы решить проблему полностью или хотя бы минимизировать её.

В настоящий момент на законодательном уровне существуют пробелы, не позволяющие должным образом обезопасить субъектов, вступающих в предпринимательские отношения, от вреда, который могут причинить недобросовестные лица вследствие злоупотребления правом. В связи с этим помимо реформирования регламентации норм гражданского законодательства рекомендуется обеспечить должный уровень защиты на уровне самих хозяйственных обществ.

Литература:

1. Вронская М. В. Злоупотребление правом участников хозяйственных обществ / М. В. Вронская // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2020. — № 11. — С. 137–141.
2. Обзор судебной практики применения законодательства о юридических лицах: письмо Президиума Арбитражного суда. — [Текст: электронный] — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=137023#06301374982090486> (дата обращения: 28.10.2023).
3. Сазанова И. В. Об условиях применения запрета злоупотребления гражданским правом / И. В. Сазанова // Гражданское право. — 2018. — № 11. — С. 16–19.

Ходатайство как элемент уголовно-процессуальной формы

Деньгин Кирилл Михайлович, аспирант
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается институт ходатайства как один из элементов уголовно-процессуальной формы, автор определяет значение ходатайства в процедуре устранения квалификационных ошибок, допущенных должностными лицами в уголовном следовании.

Ключевые слова: ходатайство, уголовный процесс, уголовно-процессуальная форма, квалификационные ошибки.

Уголовно-процессуальная форма — это определенный порядок и процедура, которые применяются при расследовании уголовных преступлений и привлечении лиц к уголовной ответственности. Эта форма регулирует взаимоотношения между правоохранительными органами, судом, прокуратурой и другими структурами, участвующими в уголовном процессе.

Значение уголовно-процессуальной формы заключается в обеспечении соблюдения законности, защите прав и свобод граждан, действенном расследовании преступлений и справедливом привлечении виновных к ответственности. Эта форма обеспечивает правильное применение уголовного законодательства, защиту интересов обвиняемых и потерпевших, а также эффективное функционирование уголовно-правовой системы в целом.

Элементы уголовно-процессуальной формы включают в себя следующие компоненты:

1. Субъекты процесса: органы дознания, следствия и судебные органы, обвиняемый и его защитник, потерпевший и его представитель.
2. Обвинение: формальное обвинение в совершении преступления, содержание которого определяется обвиняемым преступлением, его квалификацией, соответствующими статьями Уголовного кодекса.
3. Доказательства: доказательная база, представленная сторонами в ходе судебного разбирательства для подтверждения или опровержения обвинений.
4. Производство доказательств: сбор, исследование и оценка доказательств, связанных с установлением обстоятельств дела.
5. Допросы и допросные очные ставки: основной способ сбора информации и установления фактов, связанных с уголовным расследованием.
6. Решение суда: заключение суда о виновности или невиновности обвиняемого, принципиальность и наказание признанного виновным.

Заметим, что ходатайство является важным элементом уголовно-процессуальной формы, поскольку оно позволяет сторонам участвовать в уголовном процессе и защищать свои права и интересы. Ходатайство может быть подано как обвиняемым, так и обвинителем, а иногда и третьими лицами, и содержит просьбу суду или другому уполномоченному органу принять определенные меры или решение по конкретному вопросу.

В уголовном процессе ходатайства могут касаться различных аспектов, таких как удлинение или сокращение сроков

следствия, изменение меры пресечения, предоставление дополнительных доказательств и многие другие. Суд обязан рассмотреть ходатайство и принять решение по нему, учитывая все обстоятельства дела и соблюдая принципы закона.

Рассмотрим отношение, связанное с устранением квалификационных ошибок, в котором ходатайство лица, участвующего в уголовном процессе, является одним из элементов соблюдения уголовно-процессуальной формы.

М.И. Байтин и А.В. Аверин указывают что «...уголовно-процессуальный закон при точном следовании его букве требует от суда либо постановления оправдательного приговора тогда, когда в ходе судебного разбирательства выяснится, что органы предварительного следствия ошибочно квалифицировали действия подсудимого более мягкой статьей обвинения либо суд вынужден соглашаться с ошибочной юридической квалификацией действий подсудимого. В последнем случае приговор суда следует признать также незаконным» ... [1].

Не вдаваясь в особенности конфликта интересов, когда участники уголовного судопроизводства не имеют возможности оказывать влияние на процессы устранения квалификационных ошибок, а судьи не имеют полномочий организовать такой процесс, с целью последующего устранения ошибок, заметим, что выражение несовершенства организационно-правового механизма устранения квалификационных ошибок происходит по ряду причин и «участники уголовного процесса потерпевший или обвиняемый его представитель имеют право обратиться к следователю с ходатайством об устранении квалификационных ошибок, содержащихся в правоприменительном акте, составленном должностным лицом» [2, с. 301]. В.В. Коловский справедливо считает, что право на принесения указанного ходатайства участниками уголовного судопроизводства не корреспондирует с обязанностью должностного лица вынести по уголовному делу мотивированное постановление о разрешении вопросов, указанных в ходатайстве о допущенных ошибках в квалификации деяния обвиняемого [2].

Причем судьи не имеют полномочий устранить указанные ошибки, в связи с тем, что они связаны с изменением квалификации деяния на более тяжкое преступление.

В соответствии с ч. 1 ст. 237 УПК РФ [3] судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если «обвинительное заключение или обвинительный акт составлен с нарушением настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного за-

ключения или акта». Однако в том случае, когда следователем в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении приведена формулировка предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ, предусматривающих ответственность за данное преступление, то у судьи (суда) первой инстанции отсутствуют законные основания для возвращения уголовного дела прокурору. Отметим, что в Уголовно-процессуальном законодательстве не содержится норм, которые позволяли бы устранить такого рода ошибки. Положения ст. 237 УПК РФ не могут быть применимы для разрешения конфликта интересов, так как возвращение уголовного дела прокурору судом может иметь место только в случае, когда это не связано с восполнением неполноты предварительного следствия (дознания) [2]. Судья с целью устранения ошибок может вернуть уголовное дело прокурору, если оно призвано уточнить обвинение лица: так, например, если следователем (дознанием) в обвинительном заключении (акте) были допущены неправильности в уголовно-правовой квалификации при ссылке на законодательные (подзаконные) акты, которые уточняют обвинение на основании бланкетных уголовно-правовых норм. Другие случаи, связанные с переквалификацией действий лица на преступление с более тяжкими признаками, возвращение судьей (судом) уго-

ловного дела прокурору будет трактоваться, как деятельность судьи в формировании обвинения, которое не входит в функции судьи (суда), ввиду того, что будет преследовать цель — усиление уголовной ответственности лица. Безусловно, приведенные положения требуют внесения в уголовно-процессуальное законодательство изменений и дополнений в процедуру устранения квалификационных ошибок, т.к. действующий УПК РФ содержит только положение о инициировании указанной процедуры с помощью ходатайства лиц, участвующих в уголовном процессе.

Приведем пример, что по мотиву незаконности постановлений о привлечении к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП [4] во втором полугодии 2021 г. судами Архангельской области со стадии подготовки и без исследования доказательств на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ прокурорам возвращено 52 уголовных дела [5, с. 10].

Изложенные выше доводы позволяют сделать вывод о том, что ходатайства являются одним из элементов уголовно-процессуальной формы, поскольку они позволяют сторонам проявлять свою позицию, защищать свои права и интересы в рамках уголовного процесса, а также влиять на ход и результаты дела, а также способствуют устранению квалификационных ошибок, допущенных при расследовании уголовного дела.

Литература:

1. Байтин М. И., Аверин А. В. Некоторые вопросы процессуального положения потерпевшего и подсудимого по УПК РФ и защита прав человека // Журнал российского права». 2004. N12.
2. Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут, 2011. 398 с.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Российская газета». N249. 22. 12. 2001; Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 06.04.2024.
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета». N256. 31. 12. 2001; Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 06.04.2024.
5. Миляева И. А., Шibaков А. А. Проблемные вопросы определения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 157 УК // Законность. 2024. N2. С. 9–12.

Преступления террористической направленности: проблемы установления уголовной ответственности и квалификации

Дорожкин Тимофей Тимофеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Питулько Ксения Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В рассматриваемой статье отмечается ряд проблем, связанных с квалификацией преступлений террористической направленности, обсуждается необходимость дополнения действующего определения террористической деятельности и изменения ряда изменений в законодательство, касающихся оптимизации выявления и квалификации преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления террористической направленности, терроризм, террористический акт, квалификация.

Крайне высокая общественная опасность террористической деятельности представляется бесспорной. Последние годы терроризм перестал быть редким явлением: захват заложников

в театральном центре на Дубровке в Москве (октябрь 2002 года) унес жизни 130 человек, нападение на здание школы в г. Беслан, Северная Осетия (сентябрь 2024 г.) привело к гибели 334 че-

людей, в результате террористической атаки на «Крокус Сити Холл» в Москве 22 марта 2024 г. погибли 139 и не менее 182 человека пострадали. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за 2020 год было зафиксировано 1108 преступлений террористического характера, при этом выявлено 427 лиц, причастных к данным преступлениям, за 2021 год — 1326 преступлений и 682 лица, за 2022 год — 2233 и 875 соответственно. Из этого следует, что террористическая активность растет с каждым годом. Эта тенденция порождает необходимость качественного правового ответа со стороны национального права Российской Федерации.

В современной науке «террор» трактуется как: «нелегитимное насилие со стороны государства по отношению к обществу в целом либо к диссидентам и оппозиции» [1, с. 132]. В свою очередь, «Терроризм — это практика нелегитимного насилия, реализуемая противостоящими государству силами и организациями» [1, с. 133]. Однако понимание данного явления крайне различается среди разных ученых, специалистов и иных лиц. По общему содержанию, терроризм — это особый вид тактики политической борьбы, при которой используется специфическая идеология насилия. Терроризм напрямую связан не только с насилием, но и с техникой устрашения. Теоретически мы точно можем сказать, что данные понятия соотносятся следующим образом: идеологически мотивированное насилие выступает средством достижения задач и целей терроризма, а устрашение — это цель терроризма, приводящая к полезному итогу всего действия.

По вопросу определения терроризма существует множество разных мнений. Научные позиции в определённых случаях имеют сходство. Например, А. Э. Жалинский предлагает: «...рассматривать терроризм как насильственный способ изменения существующего порядка...», придавая основной акцент политическому аспекту [1, с. 133]. В свою очередь, Ю. И. Авдеев рассматривает терроризм как «особое общественно-политическое явление» [2, с. 82]. По мнению В. А. Мальцева, особое место в современных условиях занимает национальный терроризм, так как его непосредственные исполнители в рамках борьбы за власть применяют радикальные меры и средства насилия, в том числе ликвидацию противника [2, с. 82].

В рамках изучения термина «терроризм» стоит обратиться к Федеральному закону «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. В статье 5 закона установлено легальное определение терроризма: «терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Как можно видеть из определения, законодатель устанавливает несколько обязательных признаков терроризма: состоит из идеологии, продвигающей насилие в разных формах; насилие применяется с целью воздействия на решения органов власти разных уровней; насильственные действия всегда сопряжены с устрашением населения или определённых социальных групп, избираемых по религиозному, национальному, профессиональному и иным признакам. Во многом данное понимание терроризма схоже с мнениями ученых, представленными ранее.

В свою очередь, террористический акт часто смешивают с понятием «терроризм» что в корне неверно. Так, В. П. Емельянов считает, что Понятия «терроризм и »террористический акт» часто соотносят как целое и частное, в особенности, когда обсуждаются реально свершенные насильственные акты, так как для квалификации деяния как террористического акта не требуется общепаспортный способ, создающий угрозу причинения вреда неограниченному кругу лиц или наступлением иных тяжких последствий [2, с. 83]. Г. В. Овчинникова отмечает, что террористический акт представляет собой конкретный вид преступления, вытекающего из общего явления терроризма [2, с. 83]. В свою очередь, А. В. Наумов считает, что наиболее эффективно не искать универсальное определение для терроризма и террористического акта в виду широкого смыслового значения данного термина, а следует ограничиться четко установленными признаками [2, с. 83]. Несмотря на разные мнения, прежде всего стоит опираться именно на легальное определение террористического акта, установленное в действующем законе: совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Серьезность последствий террористических актов порождает необходимость в динамическом совершенствовании законодательства, направленного на квалификацию последних, приемы которой неоднозначны.

Например, в данный момент объективная сторона преступления по статье 205 УК РФ предусматривает только совершение террористического акта в форме действия (совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий). Однако ряд авторов считает, что данная формулировка некорректна, так как неоправданно ограничивает круг применения статьи и не охватывает возможность совершения террористического акта посредством бездействия, через невыполнение действий, требуемых для поддержания общественной безопасности [2, с. 84]. Основным аргументом из практики можно считать следующую ситуацию: «отсутствие действий, связанных со своевременным отключением производственных или технологических процессов, создающих опасность жизни и имуществу». В этом же спорном моменте рассматриваются формулировки «иные действия» и «эти действия», встречающиеся в объективной стороне статьи 205 УК РФ. Метод решения сложившегося вопроса представляется в замене категории «действие» на категорию «деяние», под которой понимается не только действие, но и бездействие. Однако ответственность за бездействие может наступить только в случае, если на лице лежит юридическая обязанность действовать определенным образом, в соответствии с профессиональными обязанностями или служебным положением, закрепленная в законе либо ином нормативном акте [3, с. 173].

Иная проблема, на которую можно обратить внимание, — это общая конструкция статьи 205 УК РФ. В данной редакции

статья предполагает единую ответственность за целый ряд совершенно разных по своему содержанию и общественной опасности действий. Таким образом, как лица, совершившие террористический акт, так и лица, совершившие лишь угрозу, несут идентичную ответственность, что не совсем отвечает принципу справедливости.

Еще один спорный момент вытекает из субъективной стороны преступления. Для состава по статье 205 УК РФ присутствует четко установленные отдельные цели как для совершения действия, так и для угрозы. Пленум ВС РФ, в свою очередь, устанавливает обязательность именно установленного в составе сочетания цели и альтернативного действия.

Отдельно ученые выделяют в качестве проблемы квалификации террористического акта такую, как близкое сходство признаков последнего с пограничными составами преступлений [4, с. 108].

Постановление пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» устанавливает следующее: «В случае если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует». Однако в практике встречаются иные решения.

Проблематичной остаётся и попытка общей классификации преступлений террористической направленности. Отсутствие единого законодательно утвержденного списка вызывает трудности при отнесении преступлений в ряд террористических. На основании статьи 3 ФЗ от 06.03.2006 № 35 «О противодействии терроризму» можно построить основную классификацию. Посредством выделения из понятия «террористическая деятельность» можно получить следующие виды:

- 1) Преступления, связанные с организацией, планированием, подготовкой, финансированием и реализацией террористического акта;
- 2) Преступления, связанные с подстрекательством к террористическому акту;
- 3) преступления, связанные с организацией незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), либо организованной группы для реализации террористического акта, а также участием в таких структурах и формированиях;
- 4) Преступления, связанные с вербовкой, вооружением, обучением и использованием террористов;
- 5) Преступления, связанные с информационным или иным пособничеством в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- 6) Преступления, связанные с пропагандой идей терроризма, распространением материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности

либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Подобная классификация представляется откровенно грубой, так как не исключает возможное смешение параметров. Так, при рассмотрении составов, связанных с подстрекательством к террористической деятельности, можно оказаться в ситуации, когда сразу 3 классификационных пункта охватывают один и тот же состав. Такая же коллизия связана с понятиями «финансирования» и «вооружения». По смыслу п. 16 ранее упомянутого постановления Пленума ВС РФ, понятие финансирования имеет расширенное толкование и предполагает не только финансовую поддержку, но и оказание любой материальной помощи. В том числе, передача обмундирования, экипировки, вооружения, отдельных помещений под разные цели, транспортных средств и иных ресурсов. Единственное требование — это специальная цель — финансирование непосредственно подготовки или совершения любого преступления, относящегося к перечню террористических [5, с. 28]. В свою очередь, «вооружение» террористов включает в себя: «снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой». Мы видим, что все перечисленное вполне входит в понятие «материальное средство». Таким образом, заключаем, что данные понятия также являются смежными и могут соотноситься как общее и частное в рамках одного контекста правового регулирования.

Терроризм сегодня является, пожалуй, самой обсуждаемой темой. Вызвано это общественной опасностью как отдельных актов терроризма, так и сложных спланированных преступных схем, вызывающих массовые жертвы и огромные финансовые потери. Поэтому необходимо сформировать условия верного применения норм террористического характера: правоприменительная деятельность должна быть направлена на реализацию уголовного законодательства; в правоприменительной деятельности должны учитываться современные тенденции уголовной политики, её субъекты обязаны постоянно повышать теоретические и практические познания в области квалификации преступлений террористической направленности.

В свою очередь, количественное увеличение количества составов преступлений террористического характера не является верным с точки зрения эффективности законодательства. Увеличение числа отдельных составов в рамках главы 24 УК РФ приведет к еще большей путанице на этапе правоприменения. Следует сделать ставку на качественное улучшение уже действующих составов посредством дополнения их положений и детализации используемых в них определений. В социальном дискурсе в связи с последними событиями активно обсуждается идея ужесточения ответственности за террористические преступления. По мнению автора, это вызвано, прежде всего, эмоциями и не имеет практической пользы. Непосредственное ужесточение ответственности требует сбалансированного подхода.

Литература:

1. Горбунов, К. Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологическое исследование / К. Г. Горбунов. — Москва: Форум, 2012. — 400 с.

2. Беляев, А. А. Предупреждение терроризма: правовой и организационный аспект / А. А. Беляев // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. — 2015. — № 2. — С. 81–86.
3. Джамаев, М. З. Проблемы квалификация преступлений террористической направленности / М. З. Джамаев // Право как искусство добра и справедливости: сборник научных трудов 3-й Всероссийской научной конференции памяти д. ю. н., профессора О. Г. Лариной, Курск, 10 ноября 2022 года / Юго-Западный государственный университет; Союз криминалистов и криминологов; МГЮА имени О. Е. Кутафина. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 171–175.
4. Клюев, А. А. Некоторые аспекты противодействия терроризму / А. А. Клюев, О. Н. Бобрикова. — Текст: электронный // Горизонт науки. — Краснодар, 2022. — С. 105–110. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47939986> (дата обращения: 14.03.2024). — Режим доступа: для зарегистрированных пользователей ООУНБ им. Н. К. Крупской.
5. Дук, Ю. И. Пути противодействия терроризму / Ю. И. Дук, Т. Галунов. — Текст: электронный // Уголовный закон и цифровизация: новые вызовы и угрозы. — Липецк, 2022. — С. 25–31. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48287652> (дата обращения: 10.03.2024). — Режим доступа: общий.

Новеллы законодательства, регулирующего прокурорский надзор в сфере исполнительного производства

Ермакова Елена Сергеевна, студент;

Кокарев Данила Владиславович, студент

Научный руководитель: Хохрякова Элина Александровна, старший преподаватель
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются законодательные нововведения, возникшие в связи с изданием нового Указания Генеральной прокуратуры РФ от 19 сентября 2022 г. № 521/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами». Выделяются особенности, закрепляющие частную методику надзора и конкретно-функциональные задачи подчиненных прокуроров, решаемые для достижения установленных законом целей организации и деятельности прокуратуры России, в частности в сфере прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями. Обозначается существующая проблема правового регулирования рассматриваемой сферы надзора. А также проводится анализ статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов России относительно количества исполнительных производств и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по выявленным нарушениям законодательства со стороны судебных приставов-исполнителей и принятым мерам прокурорского реагирования за последние годы.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурор, судебный пристав, исполнительное производство, исполнение законов.

Увеличение числа гражданских и иных дел [8] (продемонстрируем наглядно на рис. 1) повлекло за собой рост исполнительных производств, осуществляемых Федеральной службой судебных приставов.

Данный рост выявил множество проблем, связанных с качеством исполнения решений судов и иных органов, что в свою

очередь не могло остаться незамеченным и требовало принятия соответствующих решений. Одним из указанных решений стало введение в 1999 г. такой отрасли прокурорского надзора, как надзор за исполнением законов судебными приставами, целью которого стало обеспечение законности в процессе исполнительного производства [3, с. 289]. С тех пор пра-

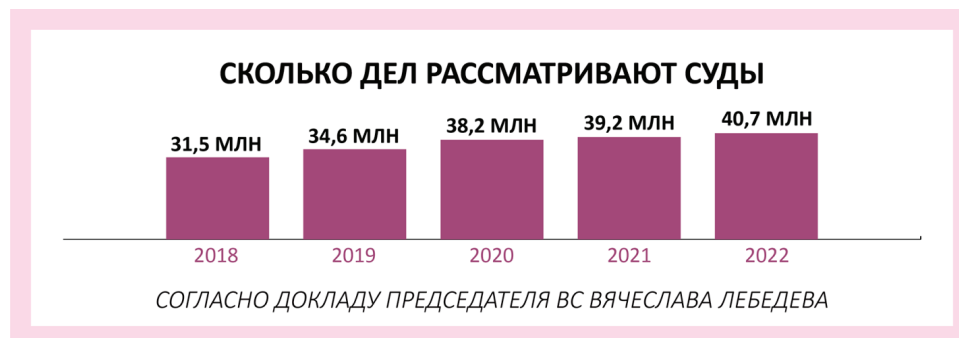

Рис. 1. Количество дел, ежегодно рассматриваемых судами Российской Федерации, за период 2018–2022 гг., согласно докладу Председателя Верховного Суда Российской Федерации — Вячеслава Михайловича Лебедева [8]

вовое регулирование прокурорского надзора в обозначенной сфере только совершенствуется: в 2009 г. появился специальный ведомственный акт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (затем его отменил акт от 2022 г.), уточняющий отдельные вопросы, касающиеся надзора за исполнительным производством. О таких актах (от 2009 г. и 2022 г.) и правовых нововведениях, которые в них закреплены, и пойдет речь в настоящей статье.

Для начала стоит обратиться к основному федеральному закону, регулиющему деятельность органов и организаций прокуратуры Российской Федерации,— Федеральному закону от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О прокуратуре РФ»).

В статье 1 указанного нормативного правового акта прокуратура Российской Федерации определена как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

В абзацах 1 и 5 статьи 2 закреплено, что в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет, среди прочего, надзор за исполнением законов судебными приставами.

До 2022 г. надзор за исполнением законов судебными приставами, помимо Федерального закона «О прокуратуре РФ», также регулировался Указанием Генпрокуратуры РФ от 12.05.2009 № 155/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами» (далее — Указание 2009 г.). Однако постоянно растущее количество произ-

водств, а вместе с тем — средств, подлежащих удержанию, было серьезной проблемой, препятствующей эффективному и результативному осуществлению исполнительных производств Федеральной службы судебных приставов и требующей решения. Подобную проблему также обозначает в своей научной статье А. Ф. Ахмедов [2, с. 269].

Относительно вопроса о росте числа производств нами была проанализирована статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за последние годы (период с 2018 г. по 2022 г.), из содержания которой можно увидеть, что количество исполнительных производств увеличилось с 87,6 млн до 131,5 млн [9].

Для наглядности отобразим указанные статистические данные на рис. 2.

Увеличение нагрузки на органы принудительного исполнения неминуемо повлекло за собой и рост числа нарушений закона, допускаемых сотрудниками этой службы.

Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, статистика по выявленным нарушениям законодательства и принятым мерам прокурорского реагирования за 2018–2020 гг. (к сожалению, в открытых источниках нет информации за период 2021–2023 гг.) такова:

- 2018 г.: в указанной сфере органами прокуратуры выявлено свыше 140 тыс. нарушений закона, в целях их устранения внесено 10,2 тыс. представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечены 3,1 тыс. лиц; опротестовано 63,4 тыс. незаконных постановлений судебных приставов-исполнителей; в суд направлено 1,1 тыс. заявлений; к административной ответственности привлечены 65 лиц; объявлено 536 предостережений должностным лицам о недопустимости нарушения закона; по материалам прокурорских проверок возбуждено 245 уголовных дел [5];

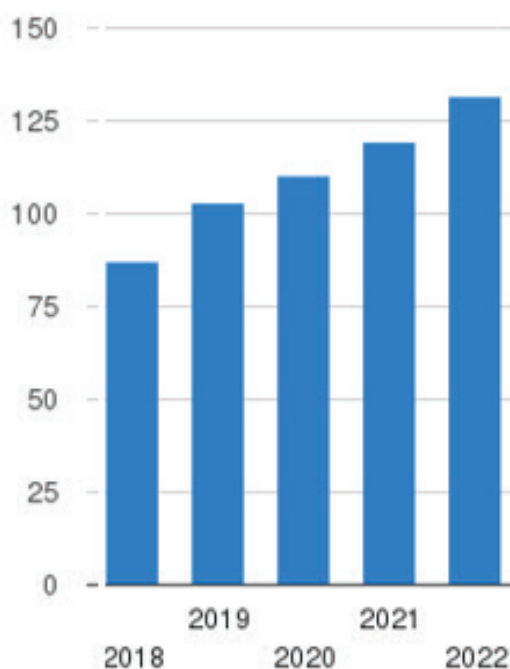

Рис. 2. Количество исполнительных производств Федеральной службы судебных приставов России (в млн за период 2018–2022 гг)

– 2019 г.: в указанной сфере органами прокуратуры выявлено свыше 141 тыс. нарушений закона. В целях их устранения внесено 10,1 тыс. представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечены 3,4 тыс. лиц. Опротестовано 66,2 тыс. незаконных постановлений судебных приставов-исполнителей, в суд направлено 627 заявлений, к административной ответственности привлечено 121 лицо, объявлено 474 предостережения должностным лицам о недопустимости нарушения закона. Кроме того, по материалам прокурорских проверок возбуждено 234 уголовных дела [4];

– 2020 г.: органами прокуратуры выявлено свыше 149 тыс. нарушений законодательства об исполнительном производстве в деятельности судебных приставов-исполнителей. В целях их устранения внесено 10,6 тыс. представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 2,7 тыс. лиц. Опротестовано 71,5 тыс. незаконных постановлений судебных приставов-исполнителей, в суд направлено 436 заявлений, к административной ответственности привлечено 127 лиц, объявлено 473 предостережения о недопустимости нарушения закона. Кроме того, по материалам прокурорских проверок возбуждено 180 уголовных дел [7].

Для наглядности отобразим указанные статистические данные на рис. 3.

Ввиду вышесказанного возросла необходимость в пересмотре, корректировке и обновлении нормативной правовой базы надзора за исполнением законов судебными приставами. Так, 19 сентября 2022 г. вступило в законную силу Указание Генеральной прокуратуры РФ № 521/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами» (далее — Указание 2022 г.), отменившее Указание 2009 г.

Нами был проведен сравнительный анализ положений, содержащихся в Указаниях 2009 г. и 2022 г. На основе проведенного анализа мы выявили следующие нововведения.

Согласно положению, закрепленному в пункте 1.3 Указания 2022 г., прокуроры должны добиваться фактического

исполнения судебных актов, принятых по предъявленным ими искам и заявлениям; своевременно информировать надзирающих прокуроров о направлении в подразделения Федеральной службы судебных приставов России исполнительных документов по таким искам, а также обеспечить должное взаимодействие при осуществлении контроля за их исполнением.

Данная норма возлагает на прокурора обязанность довести решения суда до фактического их исполнения, а также инструктирует взаимодействие и отчетность перед непосредственно надзирающим прокурором. На наш взгляд, приведенное положение является, бесспорно, эффективным решением проблемы загруженности судебных приставов, поскольку оно призвано обеспечить эффективное взаимодействие органов прокуратуры и Федеральной службы судебных приставов во исполнение единой цели — добиться фактического исполнения судебных актов.

Проводя сравнительное исследование упомянутых Указаний Генеральной прокуратуры РФ, нельзя не отметить важность исполнения требований прокуроров в рамках надзора за исполнением законов судебными приставами и возможные последствия игнорирования и неисполнения требований, обязательных к исполнению. Указанием 2022 г. был введен институт гражданской ответственности судебного пристава-исполнителя за его противоправные виновные действия (бездействие), повлекшие причинение вреда казне РФ, содержание которого [института] заключается в возможности поднимать вопрос о предъявлении регрессных требований к виновному лицу в установленном Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) порядке (статья 1088).

Следующее нововведение: Указание 2009 г. не содержало требования о направлении копий, вступивших в законную силу или обращенных к немедленному исполнению судебных постановлений по искам прокурора, которые были удовлетворены в установленный, а именно трехдневный, срок, в подразделение, которым было инициировано предъявление иска, и в подразделение, осуществляющее надзор за деятельностью судебных приставов по исполнению судебных постановлений.

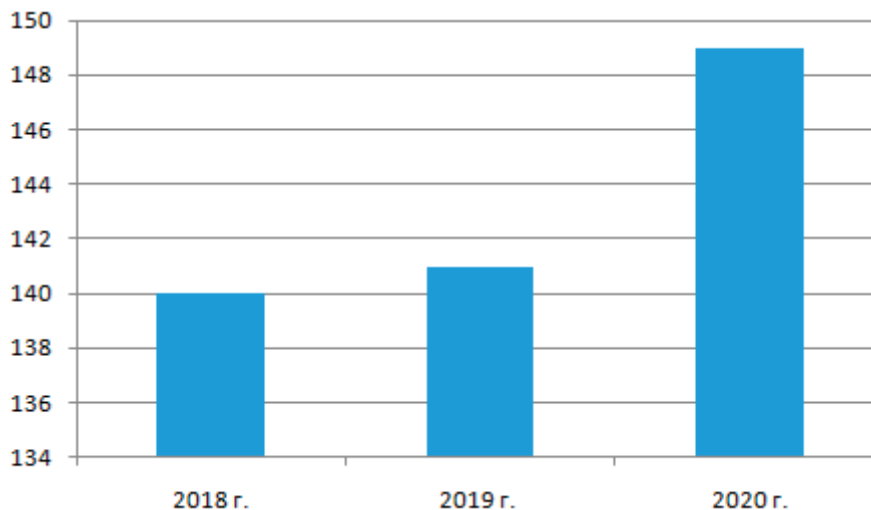

Рис. 3. Количество выявленных прокуратурой нарушений закона в деятельности судебных приставов (в тыс.) за период 2018–2020 гг.

Если говорить о статистической отчетности и докладных записках, то Указание 2022 г. установило новые сроки подачи в соответствующие подразделения статистической отчетности, а также докладных записок в соответствующем направлении:

– «Докладные записки о состоянии законности и результатах надзорной деятельности в сфере исполнения законодательства об исполнительном производстве представлять каждое полугодие к концу января и июля (30 числа) в подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации, согласно компетенции» (пункт 2.14 Указания 2022 г.);

– «В подразделениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации обобщать состояние законности и прокурорского надзора в пределах компетенции. Главному управлению по надзору за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью, Главному управлению по надзору за расследованием особо важных дел, Главному гражданско-судебному управлению, Главному уголовно-судебному управлению предоставлять информацию в Главное управление по надзору за исполнением федерального законодательства каждое полугодие к 10 февраля и 10 августа, которому докладывать о результатах курирующему заместителю Генерального прокурора Российской Федерации каждое полугодие к 20 февраля и 20 августа» (пункт 3.1 Указания 2022 г.).

В соответствии с Указанием 2009 г. предоставление соответствующей информации и общей характеристики состояния законности осуществлялось в годичный срок, Указание 2022 г. же сократило данный срок в 2 раза, что, несомненно, упрощает осуществление ведомственного контроля за ходом работы нижестоящих прокуроров в данной сфере ввиду более оперативного получения подразделениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации и заместителями Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей отчетности и посредством этого способствует оптимизации и своевременной корректировке работы нижестоящих прокуроров по надзору за исполнением законов судебными приставами.

Н. В. Трошина также отмечает, что «деятельность прокурора по надзору за исполнением законов судебными приставами-исполнителями требует надлежащего учета, при этом крайне важны ее качественные показатели, без которых нельзя правильно оценить деятельность прокурора при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами» [10, с. 46].

Соответственно, данные положения Указания 2022 г. способствуют увеличению эффективности прокурорского надзора в данном направлении.

Ввиду вышеуказанной проблемы увеличения количества гражданских дел от судебных приставов-исполнителей необходимо неукоснительное исполнение требований федерального законодательства Российской Федерации, а также соответствующее поведение в рамках специального законодательства.

По итогам проведенного нами сравнительно-правового анализа Указаний 2009 г. и 2022 г. мы можем заключить следующее: в Указании 2022 г. закреплены нововведения, направленные на усиление надзора за деятельностью судебных приставов-исполнителей, уточнившие полномочия прокурорских работников и повысившие эффективность мер прокурорского реагирования,

принимаемых для восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Однако принятие Указания 2022 г., на наш взгляд, не решило некоторое существующее противоречие. Дело в том, что законодатель в части 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ» отдельно выделяет надзор за исполнением законов судебными приставами, как уже отмечалось выше, но в Разделе III указанного закона данная отрасль надзора не выделяется в самостоятельную.

Тем самым законодатель относит надзор за исполнением законов судебными приставами к общему надзору, то есть к надзору за исполнением законов, что в свою очередь вызывает вопросы об определении круга полномочий прокурора и предмете надзора в данной сфере [6, с. 320].

В своей работе это также отмечают В. Т. Азизова и М. М. Гамидова: «Анализ любой отрасли прокурорского надзора включает исследование предмета конкретной отрасли прокурорского надзора, полномочий прокурора и средств прокурорского реагирования в случае выявления нарушений закона. Данная формула закреплена законодательно в соответствующем разделе закона «О прокуратуре», однако применительно рассматриваемой отрасли надзора законодатель избегает нормативной проработки прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в силу того, что сама отрасль появляется значительно позже создания закона...»

...Несмотря на достаточную простоту определения предмета данной отрасли надзора, представляется спорным сам факт выделения прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в отдельную отрасль, причем неоднозначность подхода в данном вопросе обозначена законодательно.

Раздел III Закона о прокуратуре включает четыре главы, закрепляющие соответственно четыре отрасли прокурорского надзора, а именно: надзор за исполнением законов; надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера; надзор за администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. В структуре Раздела III не предусмотрена глава, регламентирующая деятельность прокурора по надзору за исполнением законов судебными приставами, тем не менее данная отрасль определяется законодателем в части 2 статьи 1 указанного закона (данный абзац введен Федеральным законом от 10.02.1999 № 31-ФЗ).

Данная законодательная коллизия требует разрешения...» [1, с. 58].

Мы согласны с приведенной выше позицией и ввиду отмеченного в качестве разрешения существующей проблемы предлагаем принятие одного из двух решений:

1) внести изменения в Раздел III Федерального закона «О прокуратуре РФ»: дополнить его новой главой — «Надзор за деятельностью судебных приставов», выделив обозначенную отрасль прокурорского надзора как самостоятельную, а также обозначить в рамках отдельных статей предмет данной сферы надзора и полномочия прокурора.

На наш взгляд, именно такая редакция названия данной отрасли надзора как в отдельной главе закона, так и в упомянутой части 2 статьи 1 является наиболее удачной (в отличие от редакции «надзор за исполнением законов судебными приставами»), поскольку, осуществляя свои полномочия, прокурорский работник проверяет не только исполнение судебных приставами требований законодательства, но и соблюдение ими прав и свобод человека и гражданина, а Федеральный закон «О прокуратуре РФ» еще в статье 1 разводит два данных направления, указывая на то, что первое не поглощает второе.

Но стоит отметить, что такая смена названия указанной отрасли надзора повлечет за собой многочисленные изменения в рамках всего текста Федерального закона «О прокуратуре РФ»: придется менять наименования таких отраслей, как надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативную розыскную деятельность, дознание и предварительное след-

ствие, и надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, поскольку с ними ситуация аналогичная.

2) убрать из части 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ» дополнительное выделение надзора за исполнением законов судебными приставами в отдельном пункте.

В заключение мы можем сделать вывод, что Указание 2022 г., бесспорно, внесло необходимые корректировки, уточнило полномочия прокурорских работников, повысило эффективность мер прокурорского реагирования, закрепило частную методику надзора и конкретно-функциональные задачи подчиненных прокуроров, однако ввиду существующего и отмеченного нами противоречия правовое регулирование надзора за исполнением законов судебными приставами требует дальнейшего совершенствования.

Литература:

1. Азизова, В. Т., Гамидова, М. М. Проблемы регулирования и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами / В. Т. Азизова, М. М. Гамидова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2019. — № 1. — С. 56–62.
2. Ахмедов, А. Ф. Проблемы осуществления прокурорского надзора за деятельностью федеральной службы судебных приставов / А. Ф. Ахмедов // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 11 (191). — С. 267–269.
3. Винокуров, Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под редакцией Ю. Е. Винокурова. — 16-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Издательство Юрайт. — 2023. — 571 с.
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации обобщила практику прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=83363476> (дата обращения: 22.04.2024).
5. Генеральной прокуратурой Российской Федерации обобщена практика прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в 2018 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=82747626> (дата обращения: 22.04.2024).
6. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — Москва: Издательство Юрайт. — 2022. — 474 с.
7. Почти 150 тысяч нарушений выявлено прокурорами в деятельности судебных приставов-исполнителей // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=59778022> (дата обращения: 22.04.2024).
8. Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/32147/ (дата обращения: 22.04.2024).
9. Статистические данные сайта Федеральной службы судебных приставов России [Электронный ресурс] // URL: https://fssp.gov.ru/otchet_doklad_9/ (дата обращения: 22.04.2024).
10. Трошина, Н. В. Направления совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями / Н. В. Трошина // Российский следователь. — 2016. — № 7. — С. 45–48.

Поддержание государственного обвинения как вид процессуальной деятельности, осуществляемой прокурором в уголовном судопроизводстве

Ермакова Елена Сергеевна, студент

Научный руководитель: Задорожная Вера Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Челябинский государственный университет

В статье автор рассматривает функцию, выполняемую прокурором в уголовном процессе в рамках судебного производства. Приводит и анализирует различные точки зрения ученых-процессуалистов по вопросу соотношения понятий «уголовное преследо-

вание» и «поддержание государственного обвинения». Раскрывает сущность поддержания государственного обвинения как особой процессуальной деятельности, осуществляемой прокурором в уголовном судопроизводстве. Предлагает собственное определение понятия «поддержание государственного обвинения».

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, процессуальная деятельность, судебное производство, уголовное преследование, государственное обвинение, поддержание государственного обвинения, прокурор, функции прокуратуры.

Прокуратура согласно части 1 статьи 129 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Той же нормой также установлено, что полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом.

В качестве такого федерального закона выступает Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре).

В части 1 статьи 1 указанного нормативного правового акта приводится определение прокуратуры, полностью корреспондирующее приведенному выше. В части 2 рассматриваемой статьи Закона о прокуратуре определен закрытый, то есть не подлежащий расширительному толкованию, перечень функций (они же — направления деятельности) отечественной прокуратуры, которые она выполняет для решения задач и достижения целей, поставленных перед ней федеральным законодателем. Данный перечень включает в себя как надзорные, так и иные, ненадзорные, направления деятельности. К последним, в том числе, относится и уголовное преследование, осуществляемое прокуратурой в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (абзацы 1, 7 части 2 статьи 1 Закона о прокуратуре). Также нашего внимания заслуживает и часть 3 статьи 1 Закона о прокуратуре, в которой установлено следующее: «Прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвуют в рассмотрении дел судами, арбитражными судами (далее — суды), опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов». Данные бланкетные правовые нормы отсылают нас, в том числе, к другому федеральному закону — Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Вопросы участия прокурора в рассмотрении дел судами регламентируются в отдельном разделе IV Закона о прокуратуре. В частности, в частях 1, 2 и 4 статьи 35, содержащейся в данном разделе, указано, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством Российской Федерации. И опять бланкетные правовые нормы

ведут нас к другим нормативным правовым актам, в числе которых — УПК РФ.

Стоит отдельно отметить, что участие в рассмотрении дел (в частности уголовных) судами нельзя назвать самостоятельным направлением деятельности российской прокуратуры (как полагают некоторые исследователи [2, с. 35–36, 38]); к тому же оно специально не выделено среди других функций в части 2 статьи 1 Закона о прокуратуре. Само это действие — участие государственного обвинителя в судебном заседании при рассмотрении судом уголовного дела — не может являться самоцелью (участие ради участия?), а выступает лишь средством для реализации прокуратурой возложенной на нее федеральным законодателем функции уголовного преследования. Схожую позицию в своих работах отразили также такие авторы, как А. Е. Зорина и А. В. Кудрявцева [5, с. 432], Т. С. Огай [9, с. 506].

А теперь перейдем непосредственно к рассмотрению процессуальной функции в судебных стадиях уголовного судопроизводства должностного лица органа прокуратуры (выражаясь более обще — прокурорского работника), наделенного соответствующими полномочиями и кратко обозначаемого в тексте УПК РФ как «прокурор» (такое упрощение законодателя оправдано предварительным раскрытием им содержания указанного понятия в пункте 31 статьи 5 УПК РФ). Хочу отметить, что в тексте настоящей работы аналогично уголовно-процессуальному закону прокурорский работник (будь то непосредственно сам прокурор как руководитель соответствующего органа прокуратуры различного уровня или его подчиненные — заместители, старшие помощники, помощники и т.д., осуществляющие полномочия прокурора) как участник уголовного процесса для простоты изложения будет обозначаться как «прокурор» (или «государственный обвинитель» (в зависимости от контекста)).

Статья 37 УПК РФ определяет функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве. В частности, в части 1 рассматриваемой статьи указано следующее: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Нам в рамках настоящей работы, конечно, наиболее интересна именно ненадзорная функция — функция уголовного преследования, поставленная законодателем при раскрытии содержания рассматриваемого понятия на первое место. Далее в части 3 той же статьи закреплено, что «в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность». То есть на судебных стадиях (в отличие от досудебных, где прокурор выполняет надзорную

функцию в отношении деятельности органов предварительного расследования) уголовного процесса прокурор как государственный обвинитель поддерживает государственное обвинение в рамках осуществления им функции уголовного преследования.

Прокурор обозначен как субъект уголовного преследования и в части 1 статьи 21 УПК РФ, которая носит название «Обязанность осуществления уголовного преследования»: законодатель указывает, что «уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель».

Как мы видим из приведенных выше положений закона, прокурор наряду с некоторыми другими участниками уголовного судопроизводства отнесен к стороне обвинения. То же самое мы наблюдаем, анализируя структуру УПК РФ: статья 37 «Прокурор» включена в главу 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения». Само по себе обвинение как утверждение о совершении конкретного преступного деяния конкретным лицом — обвиняемым, выдвигаемое (предъявляемое) в порядке, предусмотренном УПК РФ, можно рассматривать как категорию материальную (материально-правовую), а его поддержание прокурором (государственным обвинителем) при рассмотрении уголовного дела в суде — как категорию процессуальную (процессуально-правовую). В рамках особой процессуальной деятельности — уголовного преследования (вообще уголовное преследование можно грубо назвать «процессом обвинения»), обвинение сначала формулируется и предъявляется лицу следователем при производстве им предварительного расследования, затем поддерживается в суде уполномоченным на то должностным лицом органа прокуратуры. В этой последовательной смене этапов уголовного преследования лица мы можем наблюдать некоторую преемственность в деятельности различных участников со стороны обвинения, ведь выполняемые ими функции служат общей цели уголовного преследования — изобличению преступника (данную особенность также отмечают в своих исследованиях и другие авторы [1, с. 107]). Очевидно, что субъектом уголовного преследования выступает не только государственный обвинитель (законодатель так и указывает: данная процессуальная деятельность осуществляется «стороной обвинения», а не только прокурором): таким же полноправным субъектом является и орган, производящий предварительное расследование. Соответственно, уголовное преследование охватывает как досудебное, так и судебное производство в уголовном процессе.

Интересно заметить, как в ходе уголовного судопроизводства трансформируется процессуальная функция прокурора, а именно надзорная — ненадзорная. Сначала прокурор осуществляет надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, обеспечивая ее законность: законность принимаемых этими органами решений, соблюдение ими прав и свобод других участников уголовного судопроизводства, а затем, продолжая уголовное преследование того или иного лица, поддерживает обвинение, ранее сформулированное и выдвинутое в отношении него [лица] поднадзорными ему [прокурору] органами (органами предвари-

тельного расследования), в суде (подобное замечание в своей работе приводят также М.И. Ажиева и И.Д. Мальцагов [1, с. 107]).

В юридической литературе существует мнение [10, с. 515, 517; 14, с. 71–72], что надзорная функция прокурора в судебной стадии уголовного процесса не прекращается: прокурор по-прежнему «контролирует» законность работы органов дознания и предварительного следствия, например, заявляя ходатайства о признании тех или иных доказательств недопустимыми или оппонировав стороне защиты при подаче уже ей соответствующих заявлений, отказываясь от обвинения полностью или в части и др. Но федеральный законодатель, что в Законе о прокуратуре (часть 2 статьи 35), что в УПК РФ (часть 3 статьи 37), четко обозначает, что прокурор, участвуя в рассмотрении судом уголовного дела, осуществляет уголовное преследование (а именно поддерживает государственное обвинение), а не выполняет надзорную функцию. Приведенные в пример действия, называемые некоторыми учеными-процессуалистами «контрольными», прокурор выполняет для достижения не упомянутых выше целей своей надзорной деятельности, а целей уголовного преследования, обеспечивая при этом законность и обоснованность обвинения в отношении конкретного лица.

По вопросу соотношения понятий «уголовное преследование» и «поддержание государственного обвинения» и в целом относительно определения сущности последнего как процессуальной деятельности, осуществляемой прокурором в уголовном судопроизводстве, в науке уголовного процесса единства мнений не наблюдается.

Можно выделить следующие точки зрения, которых придерживаются ученые-процессуалисты, рассуждая на обозначенную тему:

- 1) поддержание государственного обвинения — это самостоятельная функция отечественной прокуратуры [1, с. 107–108; 3, с. 37; 4, с. 158; 14, с. 67–68; 15, с. 167];
- 2) поддержание государственного обвинения уже уголовного преследования и включено в его содержание [7, с. 37, 39, 44; 9, с. 507–508; 10, с. 514, 517; 13, с. 59];
- 3) поддержание государственного обвинения является отдельной, но в то же время производной от уголовного преследования функцией российской прокуратуры [2, с. 36–37];
- 4) поддержание государственного обвинения осуществляется в рамках реализации прокурором функции участия в рассмотрении дел судами [2, с. 35–36, 38].

Не могу сказать, что я категорически согласна с какой-либо из приведенных выше позиций, по следующим причинам.

Поддержание государственного обвинения вряд ли можно выделить в качестве самостоятельной, отдельной функции отечественной системы органов прокуратуры (она также не обозначена в качестве таковой в части 2 статьи 1 Закона о прокуратуре). Тезис о ее обособленности и автономности среди прочих функций, реализуемых российской прокуратурой, не звучит оправданно также в силу того, что данная процессуальная деятельность [поддержание государственного обвинения в суде] не может осуществляться прокурором самостоятельно, то есть вне уголовного преследования.

Очевидно, что поддержание прокурором обвинения в рамках судебного производства является логическим продолжением всей предшествующей обвинительной деятельности, осуществляемой субъектами уголовного преследования, ведь для достижения целей уголовного судопроизводства недостаточно просто установить лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, и предъявить ему обвинение в рамках производства предварительного расследования: стороне обвинения (а конкретно — государственному обвинителю) необходимо также в состязательном судебном процессе обосновать и доказать его [лица] виновность и тем самым добиться вынесения законного и обоснованного судебного решения и назначения подсудимому справедливого наказания.

В силу сказанного становится достаточно ясным, что поддержание государственного обвинения невозможно без уголовного преследования (хотя последнее без первого вполне может иметь место (к примеру, когда уголовное дело просто не доходит до суда и уголовное преследование прекращается по тем или иным причинам на досудебных стадиях уголовного процесса)). А значит, уголовное преследование как процессуальная деятельность шире деятельности по поддержанию государственного обвинения и включает ее в свое содержание — поддержание государственного обвинения выступает одним из этапов уголовного преследования (два данных вида процессуальной деятельности соотносятся между собой как «целое — часть»). Соответственно, корректнее было бы говорить не о самостоятельном, а о производном по отношению к уголовному преследованию характере деятельности по поддержанию государственного обвинения.

В качестве подтверждения сказанного можно отметить, что федеральный законодатель в статье 20 УПК РФ «Виды уголовного преследования», а именно в части 1 данной статьи, закрепляет следующее: «В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке», буквально указывая на то, что уголовное преследование как процессуальная деятельность шире деятельности по поддержанию государственного обвинения в рамках судебных стадий уголовного процесса и включает в себя последнюю.

Стоит заметить, что если рассматривать уголовное преследование более широко, то есть не в качестве одной из функций прокуратуры, а как особую процессуальную деятельность, осуществляемую различными участниками стороны обвинения в уголовном процессе, то поддержание государственного обвинения можно считать его специфической формой, реализуемой только в деятельности прокурора (государственного обвинителя).

Повторно критиковать позицию относительно самостоятельности функции по участию прокурора в рассмотрении дел (что нам особенно интересно — уголовных) судами и осуществлению именно в ходе ее реализации деятельности по поддержанию государственного обвинения я не вижу смысла, поскольку это уже было сделано выше.

Интересным представляется определение понятия «государственное обвинение», данное М. И. Ажиевой и И. Д. Маль-

цаговым в своей работе, а именно: «Государственное обвинение — это осуществляемая прокурором от имени государства, предусмотренная уголовно-процессуальным законом деятельность по доказыванию в суде первой инстанции обоснованности вывода органа следствия и дознания о совершении подсудимым инкриминируемого ему преступного деяния» [1, с. 107]. Однако оно является несколько неточным и неполным. Во-первых, по моему мнению, поддержание государственного обвинения не ограничивается только деятельностью прокурора, осуществляемой им в суде первой инстанции: при обжаловании той или иной стороной уголовного процесса судебных решений в суды вышестоящих инстанций государственный обвинитель продолжает поддерживать обвинение как утверждение о виновности конкретного лица в совершении конкретного преступления (то есть, проще говоря, обвинительный тезис), либо добиваясь законного осуждения (в случае несогласия обвинения с оправдательным приговором), либо отстаивая законность, обоснованность и справедливость привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему уголовного наказания (в случае обжалования обвинительного приговора защитой). Для полноты изложения стоит справедливо заметить, что высказанное утверждение не бесспорно в науке уголовно-процессуального права и нередко встречается полярное мнение относительно пределов деятельности по поддержанию государственного обвинения [2, с. 41; 6, с. 12]. Во-вторых, прокурор, поддерживая государственное обвинение в суде, обосновывает справедливость утверждения о виновности подсудимого в совершении конкретного преступного деяния, а не только о его причастности к нему.

В свете обозначенных замечаний хочу предложить собственное определение понятия «поддержание государственного обвинения»: поддержание государственного обвинения как один из этапов уголовного преследования представляет собой особую процессуальную деятельность, предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством, осуществляемую от имени государства исключительно прокурором (государственным обвинителем) в рамках судебного производства в уголовном процессе в продолжение предшествующей досудебной обвинительной деятельности, реализуемой другими субъектами уголовного преследования, и выражающуюся в поддержании им [государственным обвинителем] в состязательном судебном процессе тезиса о виновности лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом (подсудимого), в целях обеспечения законности и обоснованности обвинения, выдвинутого в установленном законом порядке в отношении этого лица.

Дополнительно можно отметить, что в юридической литературе существуют дискуссии о том, в какой именно момент прокурор как участник уголовного процесса начинает выполнять функцию уголовного преследования в целом и, говоря грубо, «подфункцию» поддержания государственного обвинения в частности. Многие авторы в своих работах [6, с. 8, 12; 7, с. 42; 11, с. 45; 16, с. 41] указывают на то, что поддержание государственного обвинения начинается с момента подготовки прокурора к судебному заседанию. Также в различных исследованиях можно встретить идеи о том, что поддержание государствен-

ного обвинения начинается еще на стадии предварительного расследования: с момента утверждения прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) [8, с. 95] или с момента привлечения лица в качестве обвиняемого [12, с. 12].

Лично мне наиболее обоснованной и полной представляется позиция О. В. Воронина, согласно которой «...начальным моментом прокурорской обвинительной деятельности следует считать утверждение обвинительного заключения (акта). После утверждения обвинительного заключения (акта) прокурорское уголовное преследование осуществляется в форме обвинительной деятельности. При этом в стадии подготовки к судебному разбирательству прокурор осуществляет функцию уголовного преследования в форме обвинения, а в суде первой инстанции и вышестоящих судах — в форме поддержания обвинения. Таким образом, утверждение прокурором предварительных результатов расследования, с одной стороны, служит формой реализации функции уголовного преследования, с другой — начальным моментом осуществления обвинительной функции... Осуществление прокурором полномочий, предоставленных ему для решения вопроса по поступившему от следователя (дознателя) уголовного дела (ст. 221, 226 УПК РФ), можно условно отнести к полномочиям, реализуемым в рамках уголовного преследования. В свою очередь, процессуальные возможности, реализация которых возможна после утверждения

заключения (акта), — к полномочиям, направленным на осуществление обвинительной деятельности. В этой связи представляется обоснованной позиция о том, что утверждение прокурором обвинительного заключения (акта) являет собой завершающий этап досудебного уголовного преследования и начальный этап возбуждения государственного обвинения» [2, с. 40–41].

Таким образом, согласно Закону о прокуратуре и УПК РФ в рамках судебных стадий уголовного судопроизводства прокурор осуществляет уголовное преследование в качестве государственного обвинителя. Соответственно, функция уголовного преследования реализуется прокуратурой, в том числе, посредством участия ее уполномоченных на то должностных лиц в судебных заседаниях судов общей юрисдикции при поддержании ими государственного обвинения. Уголовное преследование охватывает участие государственного обвинителя в рассмотрении уголовного дела судом, но не исчерпывается им. Поддержание государственного обвинения в судебном производстве (в суде первой и вышестоящих инстанций) выступает в качестве одного из этапов уголовного преследования, осуществляемого в уголовном процессе стороной обвинения в отношении лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, а значит, входит в его [уголовное преследование] содержание, не являясь при этом самостоятельной, отдельной функцией отечественной прокуратуры.

Литература:

1. Ажиева, М. И., Мальцагов, И. Д. Сущность и понятие государственного обвинения / М. И. Ажиева, И. Д. Мальцагов // Закон и право. — 2022. — № 5. — С. 105–109.
2. Воронин, О. В. К вопросу о признании поддержания государственного обвинения в качестве отдельной функции современной российской прокуратуры / О. В. Воронин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2013. — № 2 (8). — С. 35–42.
3. Воронин, С. Э. Прокурор как участник уголовного судопроизводства: монография / С. Э. Воронин, Н. А. Кириенко. — Биробиджан: Биробиджанский филиал Амурского государственного университета. — 2012. — 196 с.
4. Гиниатуллина, И. А., Биккузина, Л. Г., Салимгареева, А. И. К вопросу об участии прокурора в уголовном судопроизводстве / И. А. Гиниатуллина, Л. Г. Биккузина, А. И. Салимгареева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 4–1 (79). — С. 156–159.
5. Зорина, А. Е., Кудрявцева, А. В. Проблемные вопросы подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции / А. Е. Зорина, А. В. Кудрявцева // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2023. — № 12 (69). — Том 2. — С. 431–436.
6. Исаенко, В. Н. О структуре методики поддержания государственного обвинения / В. Н. Исаенко // КриминалистЪ. — 2020. — № 4 (33). — С. 8–16.
7. Коршунова, О. Н. Особенности методики поддержания государственного обвинения в суде присяжных / О. Н. Коршунова // КриминалистЪ. — 2018. — № 4 (25). — С. 37–47.
8. Миретина, М. А. Проблема правового статуса прокурора в уголовном процессе / М. А. Миретина // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2023. — № 7 (64). — Том 2. — С. 93–99.
9. Огай, Т. С. Правовые аспекты участия прокурора в судопроизводстве / Т. С. Огай // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2023. — № 12 (69). — Том 4. — С. 504–511.
10. Огай, Т. С. Роль прокурора в судебных стадиях уголовного процесса / Т. С. Огай // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2023. — № 12 (69). — Том 4. — С. 512–519.
11. Перевощикова, М. А. Подготовка и участие прокуроров в поддержании государственного обвинения в судебных стадиях уголовного судопроизводства / М. А. Перевощикова // Вестник магистратуры. — 2021. — № 10–2 (121). — С. 44–46.
12. Ривлин, А. Л. Общественное обвинение в суде / А. Л. Ривлин // Советское государство и право. — 1960. — № 9. — С. 12–16.
13. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. — Москва: Наука. — 1971. — 342 с.
14. Семенов, М. Э. Деятельность прокурора в судебном производстве / М. Э. Семенов // Право и управление. — 2022. — № 3. — С. 67–76.

15. Харзинова, В.М. Прокурор в уголовном процессе / В.М. Харзинова // Теория и практика общественного развития.— 2019.— № 10.
16. Шпилев, В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В.Н. Шпилев.— Минск: Издательство БГУ им. Ленина.— 1974.— 143 с.

Культурологическая экспертиза как средство доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии

Ершов Артём Васильевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Хижняк Денис Сергеевич, доктор юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Для того чтобы успешно расследовать уголовные дела о занятии высшего положения в преступной иерархии, необходимо установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по данной категории дел. В частности, для определения статусных и атрибутивных признаков лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, представляется целесообразным и эффективным производство культурологической судебной экспертизы. В статье рассмотрены некоторые возможности использования культурологической экспертизы для доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: культурологическая экспертиза, высшее положение в преступной иерархии, доказательства, атрибутивные признаки, татуировки.

Культурологическая экспертиза позволяет устанавливать принадлежность того или иного объекта к определённой культуре, определять его культурное, историческое, этническое значение. Являясь одним из видов судебной экспертизы, культурологическая экспертиза также является одним из средств установления и доказывания по уголовным делам. Так как криминальную субкультуру по схожим признакам можно, хотя и «весьма условно», отнести к особому виду культуры, то представляется логичным и вполне обоснованным отнесение криминальной субкультуры к объекту культурологической судебной экспертизы. Позволяя установить принадлежность лица к определённой криминальной субкультуре, а также его место в ней, культурологическая судебная экспертиза является на сегодняшний день одним из важнейших средств доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии, что и определяет актуальность её изучения в рамках настоящего исследования.

Отдельные аспекты выявления, расследования и доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии исследовались такими учёными как: С.В. Кондратюк, Т.В. Стукалова, Д.А. Григорьев, В.С. Ишигеев, И.В. Смолькова, А.В. Пузикова и др. Однако в проведённых исследованиях, по нашему мнению, не было уделено достаточно внимания культурологической судебной экспертизе. Вопрос о значении данного вида экспертизы для доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии до сих пор остаётся актуальным и злободневным.

Таким образом, цель научного исследования состоит в определении доказательственного значения культурологической судебной экспертизы при производстве по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии.

Культурологическая экспертиза — это один из видов искусствоведческих экспертиз, при производстве которой на ос-

новании экспертного анализа объектов культуры, определяется их подлинность, историческая и иная ценность (семейная, групповая, этническая, религиозная и др.), авторство, индивидуальные признаки, а также разрешаются иные вопросы, требующие специальных познаний в области культуры, искусства, этнографии и истории [7].

Следы занятия высшего положения в преступной иерархии — это прежде всего следы, указывающие на наличие определённой криминальной субкультуры. Они могут указывать на место, которое лицо занимает в определённой криминальной субкультуре, они могут отражать наименование статуса криминальной субкультуры, процедуру присвоения лицу преступного статуса, «авторитет» лица в конкретной криминальной среде, степень влияния конкретной криминальной среды на общественное сознание и др. Криминальную субкультуру также отражают установленная в данной криминальной среде процедура присвоения лицу статуса «преступного лидера» и атрибуты статусного криминального лидера, такие как: татуировки, клички, стереотипы преступного поведения, манера общения и т.п. [6].

По своему информационному содержанию такие следы относятся к объектам судебной культурологической экспертизы. По результатам экспертных исследований ею устанавливается культурологическое содержание приобретённого лицом преступного статуса. К задачам судебной культурологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии относим установление культурного кода в ритуале приобретения конкретного преступного статуса, в материальных, знаковых и поведенческих атрибутах высшего положения в преступной иерархии [6].

Проанализировав следственную и судебную практику по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии,

можно определить, что доказать причастность лица к определённой криминальной субкультуре, а также наличие у него статуса преступного лидера зачастую оказывается весьма сложным. Хотя раньше считалось, что «вор в законе» не может отказываться от своего статуса и даже отрицать его на словах, после введения в действие «антиторговской» статьи 210.1 УК РФ манера поведения «авторитетов» в подобных ситуациях коренным образом изменилась. Теперь данные лица всячески отрицают наличие у них воровского статуса, а значит, получить столь ценные сведения о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии посредством допроса получится не всегда. Так как суть доказывания занятия лицом высшего положения в преступной иерархии состоит как раз в доказательстве отношения конкретного лица к криминальной субкультуре и его высокого положения в ней, то при невозможности установить наличие у такого лица функциональных (выполнение различных функций по управлению преступным сообществом и др.) признаков преступления устанавливать причастность лица к криминальной субкультуре и наличие статуса преступного лидера следует на основании установления совокупности статусных (факт приобретения преступного статуса, процедура его приобретения, авторитет у «братвы» и т.д.) и атрибутивных признаков, таких как: наличие тюремных татуировок; наличие особых украшений, распространённых в конкретной криминальной среде; преобладание особых стереотипов поведения лица в повседневной жизни; присутствие особенностей словарного запаса и др.

Перечисленные нами статусные и атрибутивные признаки как раз и являются объектами судебной культурологической экспертизы, что делает её крайне важным средством доказывания по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии.

Культурологическая судебная экспертиза может быть проведена в целях установления следующих фактов: приобретения лицом статуса «преступного лидера», а также соблюдения при этом особой процедуры наделения лиц статусом «преступного лидера», принятой в конкретной криминальной субкультуре. При этом перед экспертом могут быть поставлены вопросы следующего содержания: является ли описанная в материалах уголовного дела процедура принятой в конкретной криминальной субкультуре для наделения лиц статусом «преступного лидера»?; все ли условия наделения лица статусом «пре-

ступного лидера», принятые в конкретной криминальной среде, были соблюдены в представленном случае? и др.

При установлении наличия у лица атрибутивных признаков занятия высшего положения в преступной иерархии, перед экспертом могут быть поставлены вопросы следующего содержания: относится ли перманентный рисунок (тату), обнаруженный на теле подозреваемого, к группе перманентных рисунков (тату), распространённых среди членов конкретной криминальной субкультуры?; являются ли слова и выражения, употребляемые подозреваемым в общении, распространёнными в конкретной криминальной среде? и др.

В целях уточнения полученной информации и конкретизации сделанных в ходе экспертного исследования выводов целесообразно привлекать специалистов в области криминальной субкультуры для дачи консультаций и помощи в формулировке вопросов. В роли специалистов могут выступать лица, обладающие специальными познаниями в области криминальной субкультуры. К таковым можно отнести: лиц, содержащихся и (или) содержавшихся в местах лишения свободы; лиц, имеющих отношение к криминальной субкультуре; сотрудников (в том числе бывших) исправительных учреждений и иных правоохранительных органов; учёных-криминалистов; юристов; иных лиц, за исключением случаев, когда есть основания для отвода таких лиц в соответствии с УПК РФ.

Таким образом, при помощи судебной культурологической экспертизы устанавливаются статусные и атрибутивные признаки занятия высшего положения в преступной иерархии, что позволяет собрать крепкую доказательную базу, для обоснования наличия у лица статуса «преступного лидера».

Выводы:

1. Дано определение судебной культурологической экспертизы.
2. Определены объекты судебной культурологической экспертизы.
3. Выделены задачи судебной культурологической экспертизы по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии.
4. Установлено значение судебной культурологической экспертизы как средства доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 21.11.2022.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 21.11.2022.
3. Гладких В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52–56.
4. Скобликов П. А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 43–51.
5. Кондратюк С. В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51–57.
6. Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Судебные экспертизы в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии // Инновации в судебно-экспертной деятельности в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России:

материалы Всероссийской конференции «Восток — Запад: партнерство в судебной экспертизе» (г. Москва, 19–20 апреля 2022 года) / Сост. Е. В. Чеснокова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. С. 84–89.

7. Культурологическая экспертиза. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudkrim.ru/kulturologicheskaya-ekspertiza>

О некоторых вопросах эффективности противодействия экстремизму в современной России

Журавлев Руслан Александрович, студент

Научный руководитель: Хлебунова Светлана Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель Челябинский государственный университет

В статье установлена и раскрыта эффективность противодействию экстремизму, а также современное положение и перспективы развития законодательства в данной сфере. Приведена официальная статистика. Формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, статистика

Сегодня экстремистские проявления в России являются огромной проблемой, связанной с политическими, этническими и религиозными нарастающими проблемами.

Экстремизм в поведении человека и социальных групп — явление, свойственное каждой исторической эпохе и каждой стране, в наибольшей степени проявляющееся в период коренных реформ в обществе. Экстремизм является спутником существенных ухудшений условий жизни граждан, образующегося вакуума социальных ценностей, ухудшения материальных условий жизни и неясностей будущих жизненных перспектив населения. Как сложное социально значимое правовое явление, экстремизм базируется на политических, идеологических, национальных и религиозных различиях, но в любых формах своего проявления он угрожает безопасности граждан России, оказывая негативное влияние на их жизнь, оказывая серьезное психологическое воздействие на обычных людей, влечет за собой весьма существенные политические, экономические и моральные потери общества и государства в целом [5, с. 187].

Современные проявления экстремизма сопровождаются увеличением количества преступлений и ростом уровня насилия. Проявления экстремизма становятся все более жестокими. Причем особое место в этом ряду занимает экстремистское поведение молодежи, связанное с совершением действий насильственного характера по этническим, религиозным или политическим мотивам [6, с. 33].

И в данный момент борьба с экстремизмом в России становится наиболее важной задачей как для органов власти, так и для самих людей, которые могут поспособствовать борьбе с ним. Насилие порождает насилие, эта фраза как никогда актуальна в современной России. Кроме того, предпринимаемые государством и правоохранительными структурами меры противодействия указанному явлению зачастую оказываются неэффективными.

Нынешняя ситуация по линии противодействия экстремизму складывается парадоксальная. В ноябре 2014 года на заседании Совета Безопасности рассматривался проект Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года [1]

и Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении подчеркнул опасность самой природы экстремизма, разрушительный потенциал его идеологии, указал на то, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сферы влияния. Но эффективность данной стратегии остается под вопросом. По официальной статистике в 2014 году было совершено 1034 преступления экстремистского характера, в 2015 было совершено 1329 преступлений, в 2016 было совершено 1450 преступлений, в 2017 было совершено 1521 преступлений. Из данной статистики виден рост преступлений. И понятно почему до 2014 года эффективность борьбы была на низком уровне. Экстремисты, их организации спокойно существовали, вербовали людей и совершали преступления. Но в 2018 году впервые с момента утверждения Стратегии противодействия экстремизму снизилось количество преступлений экстремистского характера на 16,8%. Было совершено 1265 преступлений. В 2019 году было совершено всего 585 преступлений экстремистского характера, что стало рекордом [3]. Количество выявленных преступлений резко упало. Стратегия перестала быть эффективной, экстремизм эволюционировал, экстремисты стали маскироваться и адаптироваться к новому законодательству, а также уезжать за границу и оттуда управлять и вербовать новых членов. Государство понимало, что дальше так продолжаться не может.

И 29 мая 2020 года был утвержден Указ Президента № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [2] который утвердил новую стратегию борьбы с экстремизмом в нашей стране. Данный Указ более проработанный, обозначает проблемы, которые существуют и вроде описаны методы борьбы, но выполняются они формально и неэффективно. За 2020 было выявлено 833 преступления экстремистского характера, в 2021 было выявлено 1057 преступлений, в 2022 было совершено рекордные 1566 преступлений, в 2023 году 1340 преступлений [4]. Большое количество выявленных преступлений экстремистского харак-

тера связаны с событиями на Украине, проблемами миграции и др. И сейчас Россия должна бороться с экстремизмом. Если выделять проблемы, то можно выделить следующие:

Преобладание силовых методов: вместо того, чтобы устранить корни проблемы, государство фокусируется на борьбе с ее последствиями. Это приводит к подавлению экстремистских проявлений, но не решает проблему в корне.

Игнорирование социальных и экономических факторов: проблемы бедности, безработицы, коррупции, социального неравенства создают благоприятную почву для распространения экстремистских идей.

Недостаточное внимание к идеологической борьбе: Государство не предлагает привлекательной альтернативы экстремист-

ским идеологиям, не формирует у молодежи устойчивые ценности толерантности, патриотизма и гражданственности.

По нашему мнению, повышение эффективности противодействия экстремизму возможно посредством реализации следующих положений: Профилактические меры должны быть направлены на решение этих проблем, создание условий для социальной мобильности и экономического развития. Формирования идеи, патриотических отрядов, поощрения молодежи за активное участие в жизни общества.

Россия главным образом должна идти в ногу со временем и своевременно реагировать на проявления экстремизма, а также прививать молодому поколению нетерпимость к экстремистской идеологии.

Литература:

1. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» утв. Президентом РФ (28.11.2014 № Пр-2753)//URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/25a7fa57e045dc628ec7c717c29d307c1554f372/ (дата обращения 18.04.2024) — Текст: электронный.
2. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/25a7fa57e045dc628ec7c717c29d307c1554f372/ (дата обращения 20.04.2024) — Текст: электронный.
3. Информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения 20.04.2024) — Текст: электронный.
4. Официальный сайт МВД // URL: МВД России (xn — b1aew.xn — p1ai) (дата обращения 20.04.2024) — Текст: электронный.
5. Гедугошев Р. Р., Корсаков Ю. В., Абазова М. В. Основные направления противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях // Журнал прикладных исследований. — 2021. — Т. 2. № 5. — С. 185–189. — Текст: непосредственный.
6. Жамборов А. А. Современный терроризм и экстремизм как потенциальная угроза безопасности государства // Проблемы в российском законодательстве. — 2021. — Т. 14. № 3. — С. 32–36. — Текст: непосредственный.

Противодействие распространению экстремистских материалов в сети «Интернет» в современной России

Журавлев Руслан Александрович, студент
Челябинский государственный университет

Цель данного исследования изучение проблем противодействия распространению экстремистских материалов в сети «Интернет». Приведена официальная статистика. Формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: глобальная сеть интернет, экстремизм, противодействие экстремизму, статистика

В современной России экстремизм представляет собой значительную угрозу, тесно переплетенную с обострением политических, этнических и религиозных противоречий.

Экстремистские тенденции усиливаются на фоне ухудшения качества жизни, снижения материального благополучия и неопределенности будущего. Экстремизм — это сложное социально-правовое явление, коренящееся в политических, идеологических, национальных и религиозных различиях. Независимо от формы проявления, экстремизм подрывает безопасность граждан России, оказывая деструктивное влияние на их жизнь и психологическое состояние. Это приводит к существенным политическим, экономическим и моральным потерям для об-

щества и государства [4 с. 357]. Противодействие распространению экстремистских материалов в сети «Интернет» — это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и совместных усилий государства, гражданского общества и международного сообщества.

Официальная статистика по преступлениям экстремистского характера. За 2020 год было выявлено 833 преступления экстремистского характера, в 2021 было выявлено 1057 преступлений, в 2022 году было выявлено 1566 преступлений, в 2023 году — 1340 преступлений [3]. По сравнению с общей массой преступлений, совершаемых за год, это кажется незначительным количеством, но не стоит забывать, что данные пре-

ступления обычно имеют большой резонанс и вызывают волнение в обществе.

Указ Президента № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» утвержденный 29 мая 2020 года утвердил новую стратегию борьбы с экстремизмом в нашей стране [1]. В Указе была упомянута проблема распространению экстремистских материалов в сети «Интернет».

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] определяет понятие экстремизма, устанавливает запрет на экстремистскую деятельность и ответственность за ее осуществление. Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Также законодательство о СМИ и информации: регулирует деятельность средств массовой информации и информационных ресурсов, устанавливает ответственность за распространение запрещенной информации.

Также для противодействия экстремизму в сети «Интернет» государством были созданы механизмы контроля и блокировки, а именно Роскомнадзор который осуществляет надзор за соблюдением законодательства в сфере информации, блокирует доступ к экстремистским материалам. Провайдеры интернет-услуг, которые имеют обязанность по закону блокировать доступ к запрещенным ресурсам по требованию Роскомнадзора и системы фильтрации контента, которые используются провайдерами и владельцами информационных ресурсов для автоматического выявления и блокировки экстремистских материалов.

Но даже с такими серьезными мерами, принятыми государством, победить или ослабить распространение экстремист-

ских материалов в сети «Интернет» не является возможным. Можно выделить следующие проблемы и сложности в противодействии распространения экстремистских материалов в сети «Интернет»:

Первая проблема — это анонимность и скорость распространения информации. Сложно установить авторов и распространителей экстремистских материалов в интернете.

Вторая проблема — это новые технологии. Экстремисты используют новые технологии (мессенджеры, VPN, Darknet) для обхода блокировок и распространения информации.

Третья проблема — это недостаточное международное сотрудничество. Сложно бороться с транснациональным распространением экстремистских материалов без сотрудничества с другими странами.

По нашему мнению, повышение эффективности противодействия экстремизму в сети «Интернет» возможно посредством реализации следующих положений:

Развитие технологий мониторинга и анализа информации. Использование искусственного интеллекта и big data для выявления экстремистских материалов.

Повышение медиа грамотности населения. Обучение граждан критическому мышлению и умению распознавать экстремистскую пропаганду.

Развитие контрпропаганды. Создание привлекательного контента, который мог бы противостоять экстремистской идеологии.

Усиление международного сотрудничества. Обмен информацией и координация действий с другими странами для борьбы с транснациональным распространением экстремистских материалов.

Совершенствование законодательства. Уточнение критериев определения экстремизма, повышение ответственности за распространение экстремистских материалов.

Внедрения данных положений, приведен к более эффективному противодействию экстремизму в сети «Интернет», что положительно скажется на жизнь общества и государства в целом.

Литература:

1. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/25a7fa57e045dc628ec7c717c29d307c1554f372/ (дата обращения 20.04.2024) — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 N114-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» — Текст: непосредственный.
3. Официальный сайт МВД // URL: МВД России (xn — b1aew.xn — p1ai) (дата обращения 20.04.2024) — Текст: электронный.
4. Бережная А. И., Яцышина Ю. В., Война и ненависть в сети: правовые основы и проблемы противодействия интернет-экстремизму // Оригинальные исследования. 2020. — Т. 10. № 6. — С. 355–367. — Текст: непосредственный.
5. Мишин А. М. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Евразийский юридический журнал. 2020. — № 2 (141). — С. 389–390. — Текст: непосредственный.
6. Павлинова Е. Ю. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Закон и власть. 2019. — № 2. — С. 50–53. — Текст: непосредственный.
7. Тарчоков Б. А., Тарчокова М. А. О факторах, детерминирующих современный экстремизм в условиях глобализации // Образование и право. 2021. — № 6. — С. 347–351. — Текст: непосредственный.

Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей

Журавлев Руслан Александрович, студент
Челябинский государственный университет

В статье изучены основные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей. Приведена официальная статистика о нарушениях закона в данной сфере. Предложены пути их решения.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, защита прав предпринимателя, нарушение прав предпринимателя, восстановление нарушенных прав предпринимателя.

Сегодня бизнес играет важную роль в экономике России. Опыт других развивающихся стран, таких как Китай, Индия, Бразилия и другие, убедительно демонстрирует социально-экономическую значимость предпринимательства. В этих странах бизнес занимает заметное, а иногда и ведущее положение по многим показателям. Россия также движется в направлении увеличения числа предпринимателей, и, хотя прогресс заметен, он все же недостаточен. Поэтому государственная поддержка и защита малых и средних предпринимателей является одним из основных направлений социально-экономической политики нашей страны. Это способствует росту среднего класса, снижению уровня безработицы, укреплению гражданского самосознания и, в итоге, увеличению доходов бюджета за счет налоговых поступлений, стимулируя экономический рост и улучшение благосостояния всех граждан. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. [4], обеспечение устойчивого экономического роста путем создания условий для свободы предпринимательства и конкуренции, снижения административных барьеров в экономике, улучшения делового климата и создания благоприятной деловой среды, повышения инвестиционной безопасности, обозначены в качестве основных национальных приоритетов в экономике России.

Конституция РФ всегда гарантировала свободу экономической деятельности, поддержку конкуренции, единство экономического пространства и свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также закрепляет право граждан на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В пункте 1 ст. 129 Конституции РФ определены полномочия, организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются федеральным законом [1]. Таким законом, в первую очередь, является Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1, согласно ст. 1 которого прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ [2]. Основной функцией органов прокуратуры является осуществление от имени РФ надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ. В условиях сложной международной политической обстановки и экономических санкций, прокуратуре, как важной составляющей части государственного механизма, доверено посредством прокурорского надзора обеспечить возможность

свободного осуществления экономической деятельности, создать благоприятный инвестиционный климат, снизить административное давление на предпринимателей.

Вместе с тем, предпринимаемые в последнее время меры по укреплению законности в рассматриваемой сфере свидетельствуют о необходимости системного подхода к обеспечению повышения эффективности существующего правозащитного механизма. С указанных позиций, деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в рассматриваемой сфере также нуждается в совершенствовании.

Типичными нарушениями в данной сфере, на которые следует обращать внимание при проведении проверок, являются: необоснованные отказы в государственной регистрации, выдаче лицензий и разрешений соискателям, отвечающим установленным законодательством требованиям, а также незаконное приостановление их деятельности.

За 2019 год органами прокуратуры РФ было выявлено 186 948 нарушений, принесено протестов 30 460, за 2020 год органами прокуратуры РФ было выявлено 197 253 нарушений, принесено протестов 32 215, за 2021 год органами прокуратуры РФ было выявлено 201 266 нарушений, принесено протестов 33 660, за 2022 год органами прокуратуры РФ было выявлено 214 177 нарушений, принесено протестов 33 954, за 2023 год органами прокуратуры РФ было выявлено 209 157 нарушений, принесено протестов 31 554. Получается, что по сравнению с 2019 в 2020 было выявлено на 5,5% больше нарушений и на 5,8% больше протестов, в 2021 на 7,2% больше нарушений и на 6,8% больше протестов, в 2022 на 13% больше нарушений и на 8% больше протестов, в 2023 на 11% больше нарушений и на 4,1% больше протестов [3].

Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей существуют. Можем выделить следующие наиболее важные: Частые изменения законодательства. Постоянные изменения законодательства затрудняют его применение и создают неопределенность для бизнеса; Кадровый дефицит. Прокуратура не всегда располагает достаточным количеством квалифицированных кадров, специализирующихся на защите прав предпринимателей; Недостаточное взаимодействие с бизнес-сообществом. Прокуратура не всегда активно взаимодействует с бизнес-сообществом, что затрудняет выявление нарушений прав предпринимателей.

По нашему мнению, повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей посредством реализации следующих поло-

жений: следует минимизировать частоту изменений законодательства, чтобы создать предсказуемые условия для бизнеса, разработать четкие критерии оценки нарушений прав предпринимателей. Это поможет избежать субъективизма при проведении прокурорских проверок и принятии решений. Необходимо готовить и привлекать в прокуратуру специалистов,

обладающих знаниями в сфере предпринимательского права и экономики, а также важно обеспечить постоянное повышение квалификации прокурорских работников, занимающихся защитой прав предпринимателей. Создать механизм обратной связи с бизнес-сообществом. Организация горячих линий, проведение встреч и консультаций с предпринимателями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.— [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 19.04.2024)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) — Текст: непосредственный.
3. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации — [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://erp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения 12.04.2024).
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 10.04.24)
5. Багаутдинов Ф. Н. Эффективность прокурорского надзора в современных условиях // Законность. — 2018. — № 7. — С. 20–22. — Текст: непосредственный.
6. Буксман А. Э. Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства в современных условиях // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 1. — С. 16–23. — Текст: непосредственный.
7. Отческа, Т. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите прав предпринимателей / Т. И. Отческа. — Текст: электронный // Киберленинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prokurorskogo-nadzora-za-ispolnieniem-zakonodatelstva-o-zaschite-prav-predprinimateley???history=30&pfid=1&sample=4&ref=0> (дата обращения: 27.04.2024).

Представление как акт прокурорского надзора

Заболотских Виктория Алексеевна, студент

Научный руководитель: Егоров Олег Николаевич, кандидат медицинских наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается представление прокурора как одно из самых распространенных актов прокурорского надзора, его определение, структура, требования, предъявляемые к нему, а также сроки рассмотрения. Были выделены и проанализированы актуальные проблемы и пути их решения, которые возникают при применении представления как акта прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурор, представление, прокуратура, акт прокурорского надзора, нарушение закона, актуальные проблемы.

Presentation as an act of prosecutorial supervision

The article examines the representation of the prosecutor as one of the most common acts of prosecutorial supervision, its definition, structure, requirements imposed on it, as well as the terms of consideration. Actual problems and solutions that arise when applying a representation as an act of prosecutorial supervision were identified and analyzed.

Keywords: prosecutor, representation, prosecutor's office, act of prosecutorial supervision, violation of the law, current problems.

Прокуратура Российской Федерации является государственным органом, который обеспечивает исполнение закона. Это обеспечивается выявлением, устранением и предупреждением нарушений закона. Прокуратура также наделена полномочиями, которые предоставлены ей для устранения этих нарушений. Основопологающим актом, регулирующим деятельность органов прокуратуры, является Федеральный закон

от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Наиболее распространенным актом прокурорского надзора является представление прокурора. Оно занимает важное место среди правовых актов реагирования прокурора, так как имеет универсальный характер и большую распространенность применения в прокурорской практике. Представление

прокурора не ограничивается определенной отраслью надзора, поэтому его можно назвать общенадзорным актом.

Это подтверждается статистическими данными с официального сайта Прокуратуры Челябинской области, где за 2023 год было внесено 14368 представлений, что на 0,3 процента больше, чем в 2022 году [5].

Представление прокурора является правоприменительным документом обобщенного характера, направляется конкретному адресату и содержит указание на его безотлагательное рассмотрение и применение определенных действий, где в конечном итоге прокурору сообщается о проделанной работе в письменном виде.

Реагируя на нарушение закона, прокурор должен пресечь само нарушение, а также указать нарушителю на причины и условия, которые могли и могут способствовать возникновению правонарушения. Можно сделать вывод, что представление несет собой еще и профилактическую направленность. Основной целью вынесения представления является предупреждение дальнейшего нарушения закона. В нем прокурор предлагает нарушителю самостоятельно устранить нарушение закона и уведомить об этом.

В ст. 24 ФЗ «О прокуратуре» отсутствует определение представления об устранении нарушений закона, также не раскрываются его признаки, сущность, форма. Нормы данной статьи устанавливают только возможность внесения данного акта прокурором или его заместителем и описывают некоторые последствия внесения представления.

Поэтому можно сформулировать следующее понятие представления прокурора — это имеющий своим предметом совокупность нарушений законов надзорный акт прокурорского реагирования, который вынесен от имени государства прокурором либо его заместителем, адресован компетентным органам и должностным лицам, требует безотлагательного рассмотреть его и принять в установленный срок меры по устранению выявленных нарушений законов, причин и условий, способствующих им, и меры привлечения виновных лиц к предусмотренной законом ответственности, а также в письменной форме сообщить прокурору о результатах рассмотрения его требований и принятых мерах [1].

Представление состоит из трех основных частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной.

Структура представления представляет собой следующие элементы:

1. Указание точного наименования органа или должностного лица, которому вносится представление.
2. Вид нарушений закона, по поводу которых применяется данная форма прокурорского реагирования.
3. Краткое, но конкретное и аргументированное изложение установленных прокурором фактов нарушений закона и способствующих им обстоятельств.
4. Требования прокурора о принятии необходимых мер со ссылкой на правовые нормы, регламентирующие порядок внесения и рассмотрения представления [2].

Особое внимание при подготовке представлений требуется обращать внимание на их юридическую обоснованность, достоверность, грамотность, краткое, но исчерпывающее из-

ложение всех обстоятельств. Все данные, приводимые в представлениях, должны быть тщательно проверены. Предложения, включаемые в представления, должны быть конкретными, предусматривать наиболее результативные мероприятия по устранению нарушения закона и их предупреждению [4].

Завершается представление указанием даты его вынесения, наименования прокурора, его фамилии, инициалов, классного чина и подтверждается его подписью.

Необходимым условием для исполнения представления является соблюдение сроков его рассмотрения и принятия решения адресатом. Согласно ч. 1 ст. 24 ФЗ «О прокуратуре» в течении месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах, принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме [3].

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что представление прокурора имеет решающее значение, но существует несколько актуальных проблем, требующих решения.

К первой проблеме можно отнести отсутствие достаточной правовой регламентации представления прокурора. В ФЗ «О прокуратуре» нет определения понятия представления прокурора, его структуры и требования, которые должны к нему предъявляться.

Второй проблемой является реализация представления при исследовании положений закона о порядке его рассмотрения и исполнения законных требований прокурора, изложенных в нем. Так, согласно п. 1 ст. 24 ФЗ «О прокуратуре» представление прокурора подлежит безотлагательному рассмотрению, но при этом абз. 2 п. 1 этой же статьи меры могут быть приняты органом или лицом в течении месяца со дня внесения представления.

К третьей проблеме можно отнести не абсолютную исполнимость прокурорского представления вопреки закону. Субъекты, которым направляется представление, могут принять его и не отреагировать на причину его вынесения, то есть не устранить нарушения. Сроки устранения выявленных прокуратурой нарушений и дачи ответа на представление очень часто нарушаются.

Одним из решений сложившихся проблем может послужить дополнение ч. 1 ст. 24 ФЗ «О прокуратуре», что представление должно включать в себя:

- 1) наименование органа или должностного лица, в который оно вносится
- 2) данные о компетентном должностном лице, внесшим представление
- 3) конкретное основание прокурорской проверки и вид нарушений закона
- 4) мотивированное изложение всех фактов нарушений закона, и лиц, допустивших его.
- 5) требования прокурора о принятии необходимых мер к виновным лицами, а также по устранению последствий, причин и условий способствовавшим нарушениям с указанием нормы закона, которая регламентирует порядок внесения и рассмотрения представления.

К четвертой проблеме можно отнести отсутствие законодательно регламентированной процедуры обжалования представления, что не дает обеспечить возможность эффективной защиты прав и интересов граждан и организаций, которые не

согласны с требованиями прокурора. Так как законодательство не определяет возможности обжалования представления прокурора, то лица должны направлять жалобы на представления не вышестоящему прокурору, а в суд.

Решением данной проблемы может быть регламентация процедуры обжалования представления, путем внесения изменений в ФЗ «О прокуратуре», а именно: кто может обжаловать, в какие сроки, кому подавать жалобы, сроки рассмотрения жалобы, виды решений, которые могут быть приняты.

Литература:

1. Ергашев, Е. Р. Применение представления прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 1–С.70–76. — Текст: непосредственный
2. Забарчук, Е.Л., Саломатин А. С. Обеспечение законности в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления / Е. Л. Забарчук, А. С. Саломатин. — Издание Совета Федерации. — 2010. — С. 3–98. — Текст: непосредственный.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202–1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N47, ст. 4472.
4. Богданов, С.В. Представление прокурора: форма и основные ошибки оформления / С. В. Богданов // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 48. — С. 1–4. — Текст: непосредственный.
5. Данные официальной статистики Прокуратуры Челябинской области // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/statistics/office/result?item=93076217

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что представление как акт прокурорского надзора занимает важное место среди других правовых актов в работе прокурора. Помогает обеспечивать и поддерживать законность в стране. Пробелы в законодательстве не дают в полной мере реализовывать возможности данного акта. Выявленные проблемы, которые были рассмотрены выше, необходимо решить, чтобы прокуратура смогла еще более качественно выполнять свою работу.

Защита прав дольщиков при несостоятельности (банкротстве) застройщика

Зарубин Александр Игоревич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Покупка недвижимости российскими гражданами на этапе, когда строительство жилья еще не завершено, на сегодняшний день приобретает особую актуальность, учитывая ежегодное увеличение цен на различные товары и услуги, а также сокращение уровня доходов населения. Финансовое положение застройщика, которое является одним из участников правоотношений по долевному строительству и открытия соответствующего эскроу-счета, может оказаться нестабильным и привести к банкротству. Рост числа застройщиков, которые проходят процедуру банкротства, обуславливает объективную необходимость решения проблемы защиты прав дольщиков в подобных ситуациях. В рамках данной статьи будут исследованы нормативные аспекты банкротства застройщиков в российском государстве, разработаны способы решения проблем и предложения по изменению действующей законодательной базы.

Ключевые слова: доленое строительство, счет эскроу, банкротство застройщика, механизм защиты прав.

На современном этапе развития Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» был дополнен отечественным законодателем параграфом 7 [1]. Данная нормативная установка, предполагающая регламентацию банкротства застройщиков, объясняется целесообразностью защиты прав других участников долевого строительства — дольщиков, поскольку они рассматриваются в качестве непрофессиональных инвесторов и признаются слабой стороной в рамках исследуемых правоотношений. Предъявление повышенных требований к квалификации и обязанностям арбитражного управляющего, а также участие дольщиков и Фонда развития территорий в процедуре банкротства определяют специфику ее нормативной регламентации.

Установленные на законодательном уровне меры, которые вправе выбирать дольщики в случае объявления застройщика

банкротом, формируют юридический механизм защиты их прав. В числе подобных мер следует назвать:

- предъявление дольщиком требования к застройщику о немедленной передаче объекта недвижимости;
- инициирование дольщиком расторжения договора долевого участия с возвратом уплаченных им денежных средств;
- в целях завершения строительства жилья дольщики вправе организовать жилищно-строительный кооператив [2, с. 28].

Специфика правового положения дольщиков в качестве участников долевого строительства при банкротстве застройщика выражается следующими аспектами:

- требования, предъявляемые дольщиками, могут сводиться либо к получению денежного возмещения, либо путем передачи объекта недвижимости;

— участники долевого строительства вправе организовывать собрания и утверждать перечень окончательных требований к застройщику, подлежащих отражению в соответствующем реестре требований;

— ст. 201.9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает четыре очереди, в соответствии с которыми удовлетворяются требования кредиторов;

— дольщики вправе потребовать с застройщика компенсировать реальный ущерб, причинение которого было вызвано нарушением последним договорных обязательств. В отношении данного требования на сегодняшний день существует проблема правоприменительного характера. Так, например, если договорные обязательства закрепят за собой новый платежеспособный застройщик либо Фонд, то обязанностями по возмещению убытков и оплате штрафных санкций они не будут наделяться. Поэтому довольно низкой остается вероятность для дольщика на получение компенсации реального ущерба, даже в порядке гражданского судопроизводства;

— разрешение спора между застройщиком и дольщиками может выражаться в заключении мирового соглашения. Пункт 9 ст. 201.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» допускает подобную возможность, если в результате проведенного голосования в рамках собрания участников долевого строительства наберется не менее чем три четверти голосов;

— дольщик вправе обратиться в арбитражный суд для введения мер обеспечительного характера в отношении оспариваемого объекта недвижимости.

Участники долевого строительства в российском государстве действуют на основе принципа равенства друг перед другом, что обозначено как на нормативном уровне, так и правоприменительной практикой. Однако приходится констатировать, что отсутствие эффективной реализации указанного принципа в сложившихся современных условиях порождает трудности в практической деятельности [3, с. 112].

Собственники апартментов, которые в основном не рассматриваются отечественным законодателем в качестве жилых помещений, оказываются незащищенными в юридическом аспекте. Требование о передаче данной категории помещения не будет признаваться в действующей практике требованием о передаче жилого помещения ввиду того, что отечественное законодательство о банкротстве не формулирует данный термин. Кроме того, российские суды не признают апартменты в качестве жилого помещения.

Верховный Суд РФ акцентировал внимание на том обстоятельстве, что гражданин, вложивший свои денежные средства в приобретение нежилого помещения, в случае объявления застройщика банкротом лишен права требовать неденежного исполнения договорных обязательств. Подобные требования всегда носят денежный характер с залоговым статусом. Если требование участника долевого строительства обеспечено залогом, то дольщик вправе претендовать на 60% от суммы, за которую объект незавершенного строительства будет реализован на торгах. Таким образом, покупка гражданами апартментов в рамках сделки по долевого участию представляется невыгодной и нецелесообразной, поскольку в случае банкротства застройщика дольщики утрачивают право требовать передачи данного помещения.

Руководствуясь изложенным выше, видится необходимость внести изменения в действующую редакцию п. 3 ч. 1 ст. 201.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и изложить в следующем виде: «Требование о передаче жилого помещения — требование участника строительства о передаче ему на основании договора (в том числе договора участия в долевом строительстве) в собственность жилого помещения (квартиры или комнаты) в многоквартирном доме или жилого помещения (части жилого дома) в жилом доме блокированной застройки, состоящем из трех и более блоков или жилого помещения в многофункциональном здании (апартаментов), которые на момент привлечения денежных средств и (или) иного имущества участника строительства не введены в эксплуатацию».

Правоотношения, связанные с покупкой машино-места, также были связаны с вышеописанной ситуацией вплоть до 2021 года. В качестве примера необходимо привести гражданское дело, по которому гражданин адресовал застройщику требование, где просил обеспечить передачу машино-мест. Площадь каждого из них составляла 13,9 м². В судебном порядке требование истца не получило удовлетворения, в результате чего было квалифицировано как требование денежного характера [8].

Однако в другом деле Верховный Суд РФ отменил решение нижестоящей кассационной инстанции об отказе передать машино-места, площадь каждого из которых составляет 13,9 м². На уровне Верховного Суда РФ было разъяснено, что требование о передаче машино-места или нежилого помещения и требование о передаче жилого помещения характеризуются идентичным правовым режимом: приобретение у застройщика-банкрота объекта недвижимости (квартиры) и места под размещение транспортного средства должно быть обеспечено защитой прав дольщиков, поскольку данные объекты,купаемые гражданами в рамках долевого участия, обладают значительной потребительской ценностью [9].

Кроме того, Верховный Суд РФ пояснил, что недопустимо равнять по своему смысловому содержанию такие категории, как машино-место и нежилое помещение. Ключевое отличие выражается в том, что площадь нежилого помещения является ограниченной по размеру, а применительно к машино-местам подобных ограничений площади законодатель не установил.

По утверждению Р.Я. Шамаева, данное официальное толкование положительным образом повлияло на последующую правоприменительную деятельность российских судей, которые при принятии решений руководствуются представленным разъяснением высшей судебной инстанцией [7, с. 68].

Вместе с тем, требования о передаче машино-места и нежилого помещения должны быть разделены на законодательном уровне чтобы устранить существующую юридическую неопределенность. Для этого видится необходимость дополнить ст. 201.1. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» п. 3.2 и изложить его следующим образом: «требование о передаче машино-места — требование о передаче предназначенного для размещения транспортного средства индивидуально-определенной части здания или сооружения, являющейся недвижимым имуществом», и исключить из п. 3.1 ст. 201.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» упоминание о машино-месте [6, с. 393].

Банкротство застройщика на сегодняшний день сопровождается различными правовыми аспектами, и одним из них следует признать участие Фонда развития территорий. Несмотря на то, что Фонд развития признается новым участником правоотношений по долевому строительству, к нему не переходят обязательства первоначального застройщика, связанные с возмещением реального ущерба и уплате санкций штрафного характера. Иными словами, к новому застройщику не переходит вся полнота ответственности первоначального застройщика в рамках отношений по долевому участию. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, кто будет возмещать убытки участнику долевого строительства, который ждал несколько лет и в результате не получил вовремя свою квартиру. В подобном случае требование о выплате убытков в форме реального ущерба включается в третью подочередь третьей очереди реестра требований кредиторов, а требования, связанные с компенсацией морального вреда и выгоды, которая была упущена в результате недобросовестного поведения застройщика, не включаются в реестр требований кредиторов и подлежат удовлетворению [5, с. 170]. Вероятность того, что данные тре-

бования денежного характера будут удовлетворены, является минимальной, особенно, учитывая тот факт, что застройщик находится в состоянии банкротства. В связи с этим целесообразным является применять федеральное законодательство о защите прав потребителей к исследуемым правоотношениям, где в качестве обязательного участника выступает Фонд развития территорий после того, как обязательства обанкротившегося застройщика перешли к нему. Более того, необходимо более подробно регламентировать процедуру, которая позволяет дольщикам предъявлять требования, предусмотренные законодательством о защите прав потребителей, непосредственно к данному Фонду.

Таким образом, подлежит дальнейшему совершенствованию механизм защиты прав участников долевого строительства, связанный с несостоятельностью (банкротством) застройщика. В то же время, в целях ликвидации юридических противоречий в действующем законодательстве находим целесообразным обеспечить формирование единообразного механизма защиты прав дольщиков как слабой стороны в исследуемых правоотношениях.

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 28.10.2002. — № 43. — Ст. 4190.
2. Глазачев, А. С. Защита прав дольщиков при банкротстве компании-застройщика / А. С. Глазачев // Актуальные проблемы юриспруденции: статья в сборнике трудов конференции. — Новосибирск, 2023. — С. 27–35.
3. Калинин, Л. В., Калинин, М. С., Смоленский, М. Б. Обеспечение защиты прав дольщиков при банкротстве застройщика / Л. В. Калинин, М. С. Калинин, М. Б. Смоленский // Молодой исследователь д.на. — 2022. — № 3 (36). — С. 111–116.
4. Кузнецова, В. Н. Особенности банкротства застройщиков / В. Н. Кузнецова // Правосудие на современном этапе: новые вызовы времени: статья в сборнике трудов конференции. — Чита, 2024. — С. 46–50.
5. Магомедов, Н. Х. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) застройщиков: традиции и новеллы / Н. Х. Магомедов // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: статья в сборнике трудов конференции. — Москва, 2024. — С. 169–199.
6. Патракова, В. А. Правовые механизмы защиты прав дольщиков при несостоятельности (банкротстве) застройщика / В. А. Патракова // Наука XXI века: актуальные направления развития: статья в сборнике трудов конференции. — Самара, 2021. — С. 392–396.
7. Шамаев, Р. Я. Развитие механизма защиты прав дольщиков при несостоятельности (банкротстве) застройщиков / Р. Я. Шамаев // Сфера права. — 2023. — № 2. — С. 67–73.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02.2019 г. № 308-ЭС18-15980 по делу № А53-7967/2017 / СПС Гарант
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.01.2021 г. № 307-ЭС20-4804 по делу № А56-96685/2015 / СПС Гарант

Понятия «беспризорность» и «безнадзорность», их соотношение. Психологические особенности несовершеннолетних, состоящих на учете в органах и организациях по защите прав детей

Захарченко Диана Андреевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье обозначены результаты анализа литературы по проблеме профилактики беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, раскрываются отличительные признаки таких понятий, как беспризорность и безнадзорность, рассматриваются причины возникновения девиантного поведения у подростков, а также представлены пути решения данной проблематики.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, несовершеннолетние, специализированные учреждения, девиантное поведение.

The concepts of «homelessness» and «neglect», their ratio. Psychological characteristics of minors registered with bodies and organizations for the protection of children's rights

The article outlines the results of the analysis of literature on the problem of prevention of homeless and neglected minors, reveals the distinctive features of such concepts as homelessness and neglect, examines the causes of deviant behavior in adolescents, and also presents ways to solve this problem.

Keywords: homelessness, neglect, minors, specialized institutions, deviant behavior.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» использует следующие понятия:

«несовершеннолетний — лицо, не достигшее возраста семнадцати лет;

безнадзорный — несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц;

беспризорный — безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания» [2].

Сравним оба понятия и истолкуем их более подробно.

Безнадзорный ребенок, как правило, имеет связь с родителями и живет с ними под одной крышей, т.к. все еще имеет эмоциональную привязанность к кому-либо из членов семьи. Первые «отклики» безнадзорности — это неорганизованный досуг несовершеннолетнего, когда ребенок предоставлен сам себе, не имеет увлечений, не посещает дополнительные занятия/кружки, что в последующем вытекает в прогулы обязательных школьных занятий и времяпрепровождение несовершеннолетнего на улице в аналогичных компаниях детей.

К безнадзорным несовершеннолетним можно отнести следующие пункты:

1. Потерявшие семейные и родственные связи дети.
2. Брошенные родителями или самовольно ушедшие из семей.
3. Несовершеннолетние, занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством.
4. Совершающие мелкое воровство.
5. Употребляющие спиртные напитки, токсичные и наркотические вещества.
6. Вовлеченные в противоправную деятельность и т.д.

Само понятие безнадзорность в последующем вытекает в беспризорность, т.е. является первым и неотъемлемым шагом к разрушению социализации в нормальной среде ребенка.

Говоря о понятии беспризорность — это уже социальный статус несовершеннолетнего, как в семье, так и в обществе.

К отличительным признакам беспризорности относят следующие понятия:

1. Полное прекращение общения несовершеннолетнего с семьей.

2. Отсутствие постоянного места жительства (как правило в местах непригодных для проживания).

3. Дети пытаются обеспечить свою жизнь такими способами, которые не признаются обществом.

4. Несовершеннолетние начинают подчиняться на улицах кастовым криминальным законам [6].

Отсутствие жилья и средств для существования превращает таких несовершеннолетних в бродяг, кочующих с места на место. Такие дети не имеют попечения ни родительского, ни государственного, что говорит об отсутствии необходимого ухода, систематического обучения и развивающего воспитания.

Изучив информацию по данной тематике, можно сказать о том, что выделяют несколько уровней бродячих подростков:

- 1) Несовершеннолетние, находящиеся без определенного места жительства менее месяца. Такие дети еще не успели адаптироваться к новой среде, не теряют надежду на возвращение домой к родителям, пытаются искать любые средства для выживания на улице, например, собирают бутылки, раздают листовки, попрошайничают и совершают мелкое воровство.

- 2) Несовершеннолетние, которые находятся на улице более месяца, но до года. Такие подростки уже имеют опыт в употреблении ПАВ, алкоголя, а также половых связей и воровстве.

- 3) Подростки, находящиеся без надзора более года. Как правило, это начало преступной деятельности, социально-психологическая деформация и малая вероятность попасть в социально-реабилитационное учреждение. В настоящий момент эта ступень сильно увеличивается среди подростков.

На любом из перечисленных выше ступенях, подростки имеют уже некие проблемы с отставанием в умственном и социальном развитии [7]. В процесс социализации ребенка условно входят медицинские обследования, регулярное правильное питание, познавательная деятельность, которые несовершеннолетние не получают, находясь на улицах города.

Так, согласно практике, в социально-реабилитационные отделения временного пребывания для несовершеннолетних — дети поступают с рядом заболеваний хронического характера, истощением, имея опыт употребления ПАВ, а также с ВИЧ-инфекцией. Большинство из детей начинают учиться читать и прорабатывать свою речь с дефектологами лишь попав в такие приюты временного пребывания [5].

Все вышеперечисленные неудовлетворенные потребности детей сказываются на их состоянии, например, повышенная

тревожность, агрессия, отсутствие доверия к окружающим людям, низкая самооценка и т.д.

Теперь хочется осветить в данной статье несколько групп, объясняющих причины возникновения девиантного поведения несовершеннолетних.

Первую группу составляют социально-экономические факторы. К ним относят экономический кризис, эпидемии, голод и безработица. Все это влияет на нашу жизнь, например, низкими доходами, нестабильностью в стране, спадом производства, что в последующем приводит к увеличению количества безнадзорных детей. Это объясняется тем, что люди теряют работу, отсутствует контроль со стороны правоохранительных органов за соблюдением законодательства в области охраны интересов детей.

Ко второй группе относят социально-психологические причины, что связано с кризисом семьи. Под кризисом семьи понимается развод родителей, потеря одного из кормильцев, жестокое обращение с детьми. В большинстве случаев, неблагополучие семьи переходит из поколения в поколение, мало кто занимает строго противоположную позицию при взрослении. Часто это пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами, антисанитария, хронические заболевания, алкоголизм родителей, неполные и многодетные семьи, семьи с престарелыми родителями, семьи с повторными браками и сводными детьми. Конечно же все вышеперечисленные факторы не говорят об обязательном возникновении безнадзорности ребенка, но имеют большую степень вероятности ее появления.

Помимо неблагополучия семей, важную роль в жизни таких людей играет отсутствие получения образования, ведь такие дети имеют большие пробелы в знаниях из-за частых пропусков учебных занятий. Таким образом позиция школы стала еще одним фактором риска, т.к. ежегодно не малое количество учеников бросают учебные заведения.

Алкоголизм и наркомания родителей способствуют отчуждению детей от семьи, таким образом предоставляя их самим себе и в последующем толкая несовершеннолетних в компании с асоциальной направленностью.

И к третьей группе отнесем психологические причины. Таковыми являются генетические предрасположения к асоциальному образу жизни.

Безусловно, все три группы факторов тесно связаны между собой, дополняя друг друга [6].

Теперь хочется осветить меры, которые предпринимаются в работе с трудными подростками на практике.

Приказом Министерства социальной защиты России (№ 64 от 06.05.94) в соответствии с Указом Президента РФ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» было создано большое количество специализированных учреждений, в которые помещаются беспризорные и безнадзорные дети. Таковыми являются: социальные приюты для детей, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей. В таких центрах детям оказывается в первую очередь психологическая поддержка, а в последующем определяется их дальнейшее жизнеустройство. С каждым годом потребность в данных учреждениях сильно ра-

стет, т.к. центры временного пребывания переполнены детьми, оставшимися без попечения родителей, либо помещенные туда по заявлению самих же родителей в связи с трудной жизненной ситуацией.

Стоит рассказать и о самой системе социальной профилактики безнадзорности несовершеннолетних, которую формируют органы местного самоуправления.

Приведу в пример систему данной профилактики Колпинского района города Санкт-Петербурга, которую образуют: органы опеки и попечительства, инспектора МВД по делам несовершеннолетних, комиссия по делам несовершеннолетних, центр социальной помощи семьям и детям, а также к их числу относятся школы, садики и медицинские учреждения. Любое из перечисленных выше учреждений могут выявить ребенка из неблагополучной семьи, оказать ему социальную поддержку, поставить на учет и уведомить об этом другие субъекты профилактики, тем самым начать взаимодействие и наблюдение за конкретной семьей. Такое наблюдение необходимо в последующем, чтобы отследить соблюдаются ли все законные права несовершеннолетнего в нашем обществе. Основной целью субъектов профилактики является социальная защита и поддержка нуждающихся в этом детей, их реабилитация и помощь.

Изучив и проанализировав судебную практику, можно сказать о том, что за последние годы резко увеличилось число безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, что носит угрожающий характер для нашего общества [8]. Именно это требует особого внимания и усовершенствования системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в каждом районе города. Стоит сказать о том, что судами, рассматривающими данную категорию дел, до сих пор не выработаны общие критерии в удовлетворении или отказе в исковом заявлении. Судьи оценивают обстоятельства дела, как правило, учитывая уровень благополучия семьи, прошлое поведение несовершеннолетнего.

Возвращаясь к профилактике, следует также сказать о том, что все службы системы профилактики города прилагают усилия по предупреждению детской преступности и правонарушений, но немаловажным является воспитание детей родителями [4]. Ведь в большинстве случаев, на моей личной практике, родители ненадлежащим образом исполняют свои родительские обязанности, перекладывая это на педагогов образовательных учреждений, сотрудников полиции и занимая пассивную позицию в воспитании собственных детей, что в последующем приводит к страшным последствиям. Нельзя отрицать воздействие окружающей среды на несовершеннолетнего, но выбор этой среды, и контроль за негативным влиянием на ребенка — это обязанность каждого родителя.

Подводя итог вышесказанному, хочется процитировать Эдварда Гиббона (английский историк): «У каждого человека бывают два воспитания: одно, которое ему дают другие, и другое, более важное, которое он дает себе сам».

Таким образом, основой в профилактической работе с трудными подростками является воспитание и внимание родителей, а также комплексная работа всех специалистов и педагогов. Не стоит забывать и об индивидуальности любого человека, ведь у одного ребенка процесс происходит заметно, а с другим стоит потратить чуть больше времени.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» ред. от 28.04.2023 г.
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» ред. от 21.11.2022 г.
3. Беляева Л. И. // Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России. В 3-х частях. Часть 1. Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи // Издательство: Флинта, Московский психолого-социальный институт (МПСИ), 2018. — 773 с.
4. Братановский с. Н. // Административно-правовое регулирование организации и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: моногр. // Издательство: Директ-Медиа, 2018. — 487 с.
5. Ветошкин С. А. // [Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Издательство Юрайт, 2023. — 242 с.
6. Минин А. Я. и Краев О. Ю. // Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи // Издательство Прометей, 2016. — 170 с.
7. Покровская Ольга // Безнадзорные подростки. Проблемы социальной реабилитации // Издательство: Книга по Требованию, 2020. — 322 с.
8. Рассел Джесси // О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних // Издательство: Книга по Требованию, 2020. — 417 с.
9. Шахова Е. с. // Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью 1917–1941 гг.: моногр. // Издательство: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. — 132 с.

Некоторые особенности оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности

Казаченок Никита Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шарихин Александр Егорович, доктор юридических наук, профессор
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

Статья посвящена анализу понятия и содержания оперативно-розыскной характеристики внешнеэкономических преступлений. Установлены элементы, входящие в оперативно-розыскную характеристику, и её назначение в рамках противодействия внешнеэкономической преступности. Сделан вывод, что развитие методов построения оперативно-розыскной характеристики преступлений позволит усовершенствовать деятельность оперативных подразделений по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: внешнеэкономические преступления, оперативно-розыскная характеристика преступлений, элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений.

В настоящее время Россия проходит этап глобальных и значимых преобразований в политической, экономической, социальной, а также иных сферах. Экономика государства подверглась серьёзным реформациям вследствие негативного влияния различных санкций против Российской Федерации со стороны зарубежных стран.

В этой связи довольно остро встаёт вопрос по обеспечению безопасности экономической сферы, устранению существующих угроз, в том числе преступного характера.

В качестве одной из таких угроз можно обозначить преступность в сфере внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД). С каждым годом преступные схемы в рассматриваемой области совершенствуются всё сильнее, что подтверждает необходимость оперативного реагирования правоохранительных органов и важность противодействия незаконной деятельности субъектов ВЭД.

Из-за высокой латентности и сложностей в противодействии расследуемым преступлениям, увеличивается и роль сил и методов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Одним из действенных инструментов по выявлению преступных схем и лиц, совершающих противоправные действия, а также для оперативного реагирования на преступные действия является оперативно-розыскная характеристика (далее — ОРХ) преступления.

Вопросы общего понимания и определению сущности ОРХ преступлений часто становятся предметом исследования различных ученых.

Одно из основополагающих определений было сформулировано доктором юридических наук Д. В. Гребельским, который понимает по рассматриваемым определением «...совокупность ряда устойчивых и взаимообусловленных информационных признаков криминалистического, психологического, эконо-

мического и иного характера, содержание которых в совокупности способствует обоснованному выдвижению и проверке оперативно-розыскных версий при раскрытии родовых групп или отдельных видов преступлений» [1, с. 75].

Базируясь на представленном подходе понимания сущности ОРХ преступлений профессор В. Д. Ларичев выделил её структурные элементы, которые видится возможным применить и в исследовании ОРХ внешнеэкономических преступлений. В частности, к ним учёный отнёс:

- 1) уголовно-правовые признаки конкретных составов преступлений;
- 2) их распространённость в реальной действительности;
- 3) динамика и структура преступности;
- 4) способ совершения преступления и его мотивы;
- 5) черты личности преступника, включая нравственно-психологические и специальные;
- 6) организованные формы совершения преступления [2, с. 180].

Основываясь на положениях Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее — УК РФ) преступления в сфере внешнеэкономической деятельности можно определить как это виновные, общественно опасные деяния, совершаемые при перемещении товарно-материальных ценностей через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу РФ, и посягающие на общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок осуществления внешнеэкономической деятельности.

Определение реальной распространённости такого преступления как внешнеэкономическое затрудняется одним из характерных признаков внешнеэкономической преступности — её латентностью. Значительное количество преступных деяний остается незамеченным даже при активной работе органов, реализующих ОРД.

Особенно важным показателем в этом контексте является статистика выявленных таможенными органами России внешнеэкономических преступлений, т.к. оперативные подразде-

ления этих органов играют ключевую роль в противодействии таким преступлениям.

Динамику и структуру внешнеэкономических преступлений также видится необходимым рассмотреть на примере выявленных таможенными органами РФ преступлений. Динамика возбужденных таможенными органами России уголовных дел представлена на рис 1.

Несмотря на то, что в последний год количество выявленных преступлений (1 822 дела) в рассматриваемой области снизилось по сравнению с 2022 годом (1 847), нельзя не отметить его стабильно высокое значение.

Структура внешнеэкономических преступлений, борьбу с которыми ведут оперативные подразделения таможенных органов, довольно неравномерная. Как правило, большая часть возбужденных уголовных дел связаны с контрабандой (2019 год — 677, 2020 год — 828, 2021 год — 745, 2022 год — 1 018, 2023—969). Также еще одной категорией преступлений, связанных с внешнеэкономической деятельностью, является ст. 193.1 УК РФ. В 2019 году по данной статье таможенные органы возбудили 189 уголовных дел, в 2020—170, в 2021—137, в 2022 году — 147, а в 2023 году — 170 уголовных дел [4].

Характерной особенностью в рамках внешнеэкономических преступлений является способ их совершения, который может выражаться в следующих действиях: — совершение сделки по импорту и экспорту товаров; — оказание услуг; — передача прав на интеллектуальную собственность и другие действия [5, с. 102]. Эти действия могут осуществляться через пересечение границ ЕАЭС или РФ, а также с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Анализируя особенности ОРХ внешнеэкономических преступлений, особо важным видится отметить свойственную для них специальную цель — это получение экономической выгоды. Судебная практика по уголовным делам, связанным с ВЭД, показывает, что большинство таких преступлений совершаются с целью личной выгоды.

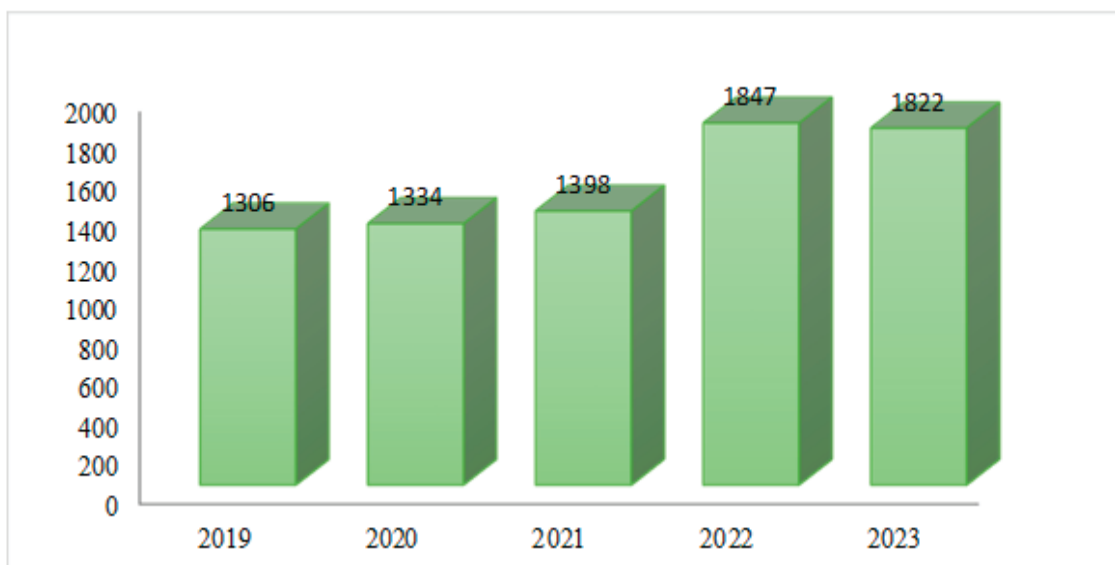

Рис. 1. Количество уголовных дел, возбуждённых таможенными органами Российской Федерации в период с 2019 по 2023 гг. [4]

Понимание мотивации преступного лица может помочь сотрудникам оперативных подразделений не только в выявлении и раскрытии конкретных преступлений в сфере ВЭД, но также и в рамках деятельности по их предупреждению. Этим же обусловливается значимость такого элемента ОРХ как черты личности преступника.

Исследование статистических данных и имеющейся судебной практики позволяет оперативно-розыскным подразделениям выстраивать портрет личности субъекта, совершившего внешнеэкономическое преступление, выявлять его специфические характеристики.

Как правило, общими чертами субъекта внешнеэкономического преступления выступает пол, гражданство, возраст, образования и профессия. Понимая специфику такого рода преступлений, а также базируясь на анализе различных примеров из судебной практики можно кратко охарактеризовать такого преступника как мужчину среднего возраста, имеющего высшее образование, деятельность которого, правило, связана с предпринимательской деятельностью или пересечением таможенной границы [6].

Кроме того, в рамках характеристики личности преступника в данной области стоит отметить и тот факт, что как правило, такое лицо действует не в одиночку, а в составе группы лиц. Часто внешнеэкономические преступления совершаются организованными группами, где каждый член имеет определенную роль. Это особенно характерно для различных видов контрабанды.

Важно понимать, что одного только установления элементов ОРХ внешнеэкономических преступлений недостаточно для выявления, раскрытия и предупреждения такого рода преступности. Обобщая имеющуюся информацию о сущности самого преступления, о его распространении в рамках государства, о том, какие именно лица наиболее часто

становятся преступниками в данной области и какие методы и средства используют для достижения своих преступных целей, необходимо разрабатывать механизм совершения преступления с учетом того, какие средства ОРД смогут его предотвратить.

Для достижения своих целей сотрудники оперативных подразделений должны подходить к ОРХ преступлений «от обратного». Определение элементов ОРХ преступлений в сфере ВЭД должно быть прямо сопряжено с установлением конкретных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), реализация которых требуется для предупреждения внешнеэкономического преступления [2, с. 183].

Для этого первоначально следует рассмотреть ОРМ, на основании чего определить, что именно требуется знать для проведения конкретного ОРМ, после чего эти знания переводятся в содержание ОРХ внешнеэкономического преступления. Например, негласная форма опроса потребует в случаях необходимости установления лиц, которые осведомлены о преступной деятельности разрабатываемых субъектов, а следовательно, могут быть свидетелями по делу.

Представляется, что, зная указанную выше взаимосвязь оперативный работник, может успешно осуществлять поисковую работу по выявлению и раскрытию внешнеэкономических преступлений. Владея этими данными, он может сразу же наметить конкретные мероприятия по выявлению преступлений.

Таким образом, ОРХ играет важную роль в выявлении, раскрытии и предупреждении преступлений в сфере ВЭД. Понимание взаимосвязи её элементов с возможностью реализации конкретных ОРМ способствует улучшению поисковой работы по выявлению и раскрытию внешнеэкономических преступлений. Учитывая особенности конкретного преступления, сотрудники оперативных подразделений могут планировать конкретные мероприятия, направленные на его выявление.

Литература:

1. Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М. 1984. С. 70–75.
2. Ларичев В. Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 179–187.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravo-oxranitel-naya-deyatel-nost>
5. Бражников Д. А., Напханенко И. П., Федоров А. В. Некоторые элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 11 (162). С. 100–105.
6. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс] // Официальный сайт URL: <https://sudact.ru/>

О необходимости использования звукозаписи в ходе допроса с участием переводчика

Каргина Наталья Олеговна, студент;
Серякова Лада Дмитриевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы исследуют осложненную ситуацию при проведении допроса, которая может быть вызвана участием иностранного элемента, не владеющего языком отечественного уголовного судопроизводства. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство гарантирует такому лицу назначение переводчика. Исполнение данной обязанности следователем, в свою очередь, повышает риск на получение неполной и недостоверной информации, так как процесс информационного взаимодействия опосредован третьим участником. В связи с этим, мы предлагаем использование аудиозаписи при проведении допроса, которая своим назначением обеспечит соблюдение интересов каждого участника уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: криминалистика, допрос, переводчик, компетентность, звукозапись

Актуальность темы обусловлена объективной необходимостью следователя получить полную и достоверную информацию по расследуемому делу. Однако опосредование допроса участием переводчика может влиять на решение данной задачи. В связи с этим необходимо проведение аудиозаписи, которая позволяет дисциплинировать участников названного следственного действия, получить определенную информацию, которая не отображается в протоколе, но оставляет свой след на записи, зафиксировав рассуждения следователя, речевое поведение допрашиваемого.

Отечественное уголовное судопроизводство ведётся на русском языке, но нередки случаи, когда складывается ситуация разноязычия участников, и тогда часть криминалистически значимой информации становится недоступной для субъекта уголовного расследования [4]. Для преодоления данной ситуации Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предусмотрена возможность пользоваться помощью переводчика.

В соответствии со ст. 59 УПК РФ, переводчиком является лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Перед практикой возникают вопросы о том, что понимается под свободным владением языка, и как должна определяться степень такого владения.

Как видим, законодатель не требует обязательного документального подтверждения наличия у переводчика достаточных знаний и квалификации, позволяющих ему осуществить надлежащий перевод с языка, на котором желает изъясняться участник уголовного судопроизводства. А.В. Соболев отмечает, что «переводчиком может являться как субъект, профессионально и систематически оказывающий лингвистические услуги в сфере языкового перевода (и, соответственно, работающее переводчиком в какой-либо организации, либо преподающее в учебном заведении), так и лицо, свободно владеющее данным языком, например, вследствие длительного опыта проживания в регионе, на территории которого имеет широкое распространение данный язык» [3, с. 36]. Автор здесь допустил логическую ошибку, разделив приглашаемого субъекта на профессионального участника и свободно владеющего языком. Дело в том, что основным свойством допустимости лица в качестве переводчика, закрепленным УПК РФ, является свободное

владение языком, этот критерий применим как к профессиональному субъекту, который подтверждает свой статус наличием соответствующего документа, свидетельствующим об окончании высшего или среднего специального учебного заведения, так и к лицу, таким не являющимся.

Е.П. Головинская считает, что критерием, определяющим степень владения языком судопроизводства, является мнение самого участника уголовного процесса, его способность воспринимать устную и письменную речь, изъясняться на языке производства по уголовному делу, адекватно воспринимать юридическую терминологию [1]. Нам кажется такой критерий неточным в силу присущей уголовному процессу объективности решений, действий следователя, отвечающего за расследование преступления.

Логически следует, что степень владения языком должна определяться следователем. К примеру, следователь может предложить для перевода один и тот же текст дипломированному специалисту в области иностранных языков и потенциальному переводчику, рассматриваемого в качестве кандидата для участия в уголовном расследовании, но не имеющего такое образование. Результатом может послужить удостоверение в компетентности переводчика или, наоборот, некомпетентности.

Вместе с тем, в криминалистической литературе выделяется факультативный признак компетентности (некомпетентности) переводчика, которым является наличие у него определённых знаний о конкретном правовом вопросе, являющимся предметом расследования.

И в том, и в другом случаях, постановление (определение) о назначении переводчиком выносится на основе внутреннего убеждения субъекта расследования. Оно является итогом проверки, во-первых, наличия у лица профессиональной компетентности, во-вторых, отсутствия у него личной заинтересованности в результатах расследования [3].

Процесс общения участников уголовного судопроизводства можно рассматривать в виде информационного взаимодействия. При взаимодействии через переводчика, результатом которого является преобразование части информации, возрастает риск утраты криминалистически значимой информации. В силу своего профессионального опыта следователь может выдвигать предположения о том, какие обстоятельства были утрачены, и в дальнейших следственных действиях их воспол-

нять, например, при проведении очной ставки (в случае существенных противоречий в показаниях отдельных лиц) или при проверке показаний на месте.

С. В. Швец утверждает, что при невосполнении информации перед следователем может стоять задача установления информационного взаимодействия с участником судопроизводства, минуя канал переводчика [4]. Но такой подход не соответствует смыслу уголовно-процессуального законодательства. Доказательства, полученные в нарушении права допрашиваемого давать объяснения и показания на языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика бесплатно, сделает невозможным использование таких доказательств в силу их недопустимости.

При использовании в процессе коммуникации лингвистических способностей переводчика следователь должен осуществлять контроль за информационным взаимодействием привлекаемого специалиста и допрашиваемого лица во избежание искажения информации. Утрата значимых обстоятельств по делу может быть обусловлена непониманием лица, осуществляющего перевод, сути из-за недостаточности знаний юридической терминологии. Данное искажение можно отнести к категории неумышленной деформации изложения. Добавим, что желательным у переводчика должно быть минимальное владение правовыми дефинициями (например, понятиями преступления, умышленной формы вины).

При использовании звукозаписи при допросе с участием переводчика гарантируется точность полученных показаний. Аудиозапись позволяет исключить неточности и ошибки в переводе, так как все сказанное фиксируется на записи, которая может быть оценена другими лицами.

Неточности перевода могут возникать и при умышленном содействии переводчика допрашиваемому, в этой ситуации на первое место выступает умение следователя воспринимать и интерпретировать невербальные сигналы. Если участник уголовного судопроизводства может контролировать содержательную сторону своих высказываний, то подобная фик-

сация ослабляет контроль за другими коммуникационными составляющими человеческого общения, и это может быть заметно для следователя. Значение невербального канала общения с допрашиваемым существенно возрастает, являясь параллельным каналом информационного взаимодействия. Средством решения в названной ситуации является постоянный контроль поведения переводчика и допрашиваемого со стороны следователя. Различия в информации могут быть использованы для достижения тактических целей допроса [4]. Использование звукозаписи также влияет на поддержание дисциплины, накладывая дополнительную ответственность за достоверность переданной информации, тем самым, исключая возможность содействия лица, привлекаемого для осуществления перевода, и допрашиваемого, например, в силу землячества.

Одной из задач следователя является минимизация потерь доказательственной информации, обусловленной участием переводчика. Ее решение может быть связано с применением технических средств аудиофиксации при допросе, обеспечивающей сохранность информации. В случае возникновения спорных вопросов в показаниях лица, запись может быть использована в качестве доказательства. Это позволит избежать конфликтов, а также обеспечить равную защиту прав всех участников уголовного судопроизводства.

Звукозапись имеет своим назначением зафиксировать все произнесенные слова и высказывания как подозреваемого, так и переводчика. Она обеспечивает полноту, достоверность и сохранность информации. Это способствует повышению дисциплины и порядка во время следственного действия, тем самым, гарантируя защиту прав участников уголовного судопроизводства. Аудиозапись также может быть использована в качестве доказательства в судебном процессе, если возникнут споры или разногласия по поводу сказанного на допросе. Таким образом, использование аудиозаписи в ходе допроса с участием переводчика позволяет сделать более эффективной расследование преступления.

Литература:

1. Головинская Е. П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства: диссертация... канд. юрид. наук. / Головинская Е. П. — Воронеж, 2006. — 193 с.
2. Ишмухаметов Я. М. Требования, предъявляемые к переводчику в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2006. № 5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-predyavlyaemye-k-perevodchiku-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 14.11.2023).
3. Соболев А. В. Проблемы регламентации процессуального статуса переводчика в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2011. № 2 (7). С. 36.
4. Швец С. В. Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях использования перевода / С. В. Швец. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2016. — 264 с. — ISBN 978-5-4396-1138-6. — EDN VIULCR.
5. Шевелёв И. А. Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России: диссертация ... канд. юрид. наук. / Шевелёв И. А. — С.-Пб., 2008. — 189 с.: ил. РГБ ОД, 61 08-12/781

Добровольный отказ от совершения преступления

Качанова Ольга Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Красуцких Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В данной научной статье рассматривается институт добровольного отказа от совершения преступления и обуславливается его роль в уголовном праве. Кроме того, автором проводится сравнение и выявление различий между добровольным отказом от совершения преступления и деятельным раскаянием.

Ключевые слова: *стадии преступления, добровольный отказ от совершения преступления, деятельное раскаяние, неоконченное преступление.*

Voluntary renunciation of committing a crime

This scientific article examines the institution of voluntary refusal to commit a crime and determines its role in criminal law. In addition, the author compares and identifies differences between voluntary refusal to commit a crime and active repentance.

Keywords: *stages of the crime, voluntary refusal to commit the crime, active remorse, unfinished crime.*

Одной из первостепенных задач российского уголовного права является предупреждение преступности. Реализация данной задачи осуществляется с помощью различных уголовно-правовых механизмов, в том числе, добровольный отказ от совершения преступления.

Если обратиться к отечественному законодательству советского периода, то можно заметить, что в нем отсутствует понятие добровольного отказа от преступления. Данный пробел уголовного законодательства восполнялся учеными-теоретиками, которые давали рекомендации, касающиеся понятия и признаков добровольного отказа от совершения преступления, мотивов, по которым лицо отказывается от совершения преступления, возможности лица отказаться от совершения преступления на стадиях подготовки к преступлению и покушения на преступление. Однако все равно часть вопросов, которые касались добровольного отказа от совершения преступления, были не разрешены даже на теоретическом уровне. Еще на стадии обсуждения и принятия проектов нового уголовного кодекса наметилась тенденция к правовой регламентации преступлений, которые не были доведены до конца по причине того, что лицо добровольно отказалось от его совершения.

Впервые институт добровольного отказа от преступления был закреплен в ст. 31 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г., согласно которой, «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца».

Таким образом, под добровольным отказом понимается окончательное, добровольное пресечение начатого преступления, если лицо самостоятельно осознало возможность его завершения. Согласно уголовному законодательству РФ, лицо, которое добровольно и окончательно отказалось от доведения преступления до конца, не подлежит уголовной ответственности. Но в случаях, когда лицо, добровольно отказавшееся

от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности, если содеянное имеет другой состав преступления. [8]

В настоящее время в науке уголовного права отведено огромное внимание изучению данного института. Вместе с тем, при анализе норм права, регламентирующих добровольный отказ от преступления, можно выявить спорные решения, которые отрицательно сказываются на практике разрешения соответствующих уголовных дел, затрудняет правоприменителям определять момент окончания некоторых составов преступления. В связи с чем, на наш взгляд, имеет место быть потребность в новых, более полных, подробных, проработанных исследованиях проблем добровольного отказа от преступления.

В научной литературе господствует позиция, согласно которой норма уголовного закона о добровольном отказе от совершения преступления может быть применена на практике, если преступление, от которого отказалось лицо, является неполным. Так, В.Ф. Караулов полагает, что указанными соображениями составители УК РФ руководствовались при размещении нормы о добровольном отказе от совершения преступления рядом с нормой, регламентирующей покушение на преступление и подготовку к преступлению [7].

Добровольный отказ от преступления имеет свои субъективные и объективные признаки, которые являются предметом дискуссий на протяжении довольно долгого времени.

В настоящее время среди ученых сложилось многочисленное количество мнений относительно субъективных признаков добровольного отказа от преступления. Если рассматривать легальное определение добровольного отказа от преступления, данное Уголовным кодексом РФ, то в качестве признаков выступают такие как добровольность и окончательность.

Вместе с тем, существует и иная позиция относительно признаков добровольного отказа от преступления, высказанная целым рядом исследователей, таких как В.Д. Иванов, А.В. Наумова и другие, которые утверждают, что к существующему пе-

речно признаков необходимо добавить осознание лицом возможности доведения преступления до конца [4, с. 14].

Итак, какие же признаки характеризуют институт добровольного отказа от совершения преступления. В теории уголовного права выделяют три основных признака:

1. Добровольность, в соответствии с которым, лицо по собственной воле и собственному желанию сознательно пресекает начатое им преступное деяние. Уголовно — правового значения мотивы, побудившие лицо отказаться от доведения преступления до конца, не имеют значение. Это может быть боязнь разоблачения, страх перед грозящим наказанием, чувство жалости к жертве и т.д. Важно учитывать и тот факт, что инициатива в отказе от совершения преступного деяния может исходить как от самого лица, так и от других лиц при помощи советов, просьб, убеждений;

2. Окончателность, в соответствии с которым лицо окончательно и полностью прекращает выполнение общественно опасного деяния, а не на определенный промежуток времени. В том случае, если завершение преступления откладывается на время, по независящим от лица обстоятельствам, то добровольный отказ невозможен;

3. Осознание возможности доведения преступления до конца. Лицо должно осознавать такую возможность, даже если его мнение противоречит сложившейся ситуации.

Следует отметить, что добровольный отказ от совершения преступления возможен лишь на стадиях приготовления к преступлению и покушения на преступление [9].

На практике довольно часто смешивают понятия «добровольный отказ» и «деятельное раскаяние». Стоит заметить, что эти понятия не являются тождественными, они различны между собой. Добровольный отказ возможен только на стадиях приготовления или покушения, а деятельное раскаяние — после окончания преступления. Деятельное раскаяние — обстоятельство, смягчающее наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК). В ряде случаев и при наличии признаков, предусмотренных ст. 75 УК РФ, деятельное раскаяние служит основанием для освобождения лица, впервые совершившего преступление, от уголовной ответственности не только за преступление небольшой или средней тяжести, но и за более тяжкие преступления, если это указано в примечание к статьям Особенной части УК РФ.

С субъективной стороны добровольный отказ является умышленным деянием. Лицо при добровольном отказе осознает возможность доведения преступления до конца и, несмотря на это, прекращает начатое преступление. Решение об отказе от совершения преступления лицо должно принять осознанно, без какого-либо принуждения, по своей воле.

Мотивы добровольного отказа разнообразны, это может быть и боязнь разоблачения, жалость по отношению к жертве, они не имеют уголовно-правового значения.

Если рассматривать преступления с материальным составом, то отказ исключает уголовную ответственность, если он произошел до наступления общественно опасных последствий, при формальных составах — до окончания деяния. Пожалуй, это является главным отличием добровольного отказа и деятельного раскаяния, т.к. если первый возможен на стадиях приготовления или покушения, то при наличии окончательного преступления возможно деятельное раскаяние.

Сущность деятельного раскаяния заключается в признании субъектом преступления своей вины, а также его раскаянии в содеянном. Отказ же есть либо прекращение приготовления к преступлению, либо прекращение покушения на преступление [3, с. 81] (т.е. добровольный отказ возможен на стадии приготовления к преступлению и на стадии неоконченного покушения, что может заключаться и в активном, и в пассивном поведении, например, лицо уничтожает орудие, предназначенное для убийства, или прекращает действия, направленные на достижение преступной цели).

Еще одним существенным отличием является то, что добровольный отказ возможен лишь при умышленном преступном поведении, в то время как деятельное раскаяние возможно и после совершения неосторожного преступления [5, с. 155].

Статья 31 УК РФ предусматривает, что добровольный отказ от совершения преступления исключает привлечение виновного к уголовной ответственности за то, что оно намеревалось сделать. Однако если им до момента отказа от реализации основного преступления уже были совершены какие-либо общественно опасные действия, он должен нести за это соответствующую ответственность.

В свою очередь, деятельное раскаяние при определенных условиях может учитываться в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания (ст. 61 УК), а также служить одним из условий освобождения лица от уголовной ответственности (ст. 75 УК).

Добровольный отказ от действий лица, не совершившего преступления в силу объективной невозможности их продолжения, не может рассматриваться как добровольный отказ от совершения преступления.

Так, А. пытался изнасиловать О., однако последняя нанесла ему несколько болезненных ударов, после которых тот прекратил преступление. Суд не признал в действиях А. добровольного отказа. А. прекратил преступление по собственной воле, однако преступление прекращено из-за нежелания получить телесные повреждения в ходе его совершения и большой вероятности быть разоблаченным. При добровольном отказе от доведения преступления до конца лицу, начавшему совершать преступление, никакие внешние обстоятельства не мешают продолжить преступление [10].

Таким образом, для того, чтобы признать действия лица в качестве

добровольного отказа от совершения преступления необходимо установить наличие добровольного решения лица о прекращении преступной деятельности (активное предотвращение преступных последствий или воздержание от продолжения действий, образующих, по смыслу закона, уголовно наказуемое деяние) и констатировать его наличие.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что институт добровольного отказа от совершения преступления занимает важное место в уголовном праве.

В заключении автор также приходит к выводу, что было бы правильно изложить ч. 1 ст. 31 УК РФ следующим образом: «Добровольным отказом от преступления признается окончательное прекращение лицом по собственной воле создания

условий для совершения умышленного преступления либо действий (бездействий), непосредственно направленных на совершение умышленного преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.— 2009.— № 4.— Ст. 445.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 — ФЗ // Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 25.— Ст. 2954.
3. Жиров Р. М., Кештов М. А. Проблемные вопросы о стадиях преступления при добровольном отказе // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 3.— Пенза, 2017.— С. 80–82.
4. Иванов В. Д. Ответственность за покушение на совершение преступления по советскому уголовному праву: автореф. дис... канд. юрид. наук / В. Д. Иванов.— М., 1968.— 24 с.
5. Куликова с. В., Шахбазов Р. Ф. Добровольный отказ от преступления и деятельное раскаяние в российском уголовном праве // В сборнике: Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики. Сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции: в 2-х томах.— 2016.— С. 154–157.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова.— М.: Юрайт, 2009.— 239 с.
7. Караулов В. Ф. Уголовное право. Общая часть. М., 2018, с. 114.
8. Сизов А. А., Шахбазов Р. Ф., Андреева Н. А. Соисполнительство в российском уголовном праве // Инновации, качество и сервис в технике и технологиях Сборник научных трудов 6-й Международной научно-практической конференции. Горохов А. А. (отв. ред.).— 2016.— С. 259–261.
9. Шахбазов Р. Ф., Парьева В. Г. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от возраста // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты Ответственный редактор: Горохов А. А.— 2015.— С. 334–336.
10. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 22.03.2021 по делу N22–233/2021 // СПС «Консультант плюс».

Рецидив преступлений: проблемные вопросы

Кириченко Олег Артемович, студент

Научный руководитель: Миرونюк Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной исследовательской работе проанализированы наиболее актуальные проблемные вопросы назначения уголовного наказания при имеющемся рецидиве преступлений. Автором статьи рассматриваются общие и специальные правила назначения уголовного наказания, а также проводится исследование современной судебной практики, касающаяся рецидива преступления, и пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: рецидив преступлений, рецидивная преступность, опасный и особо-опасный рецидив преступлений, назначение наказания, судимость.

Общие и специальные правила применяются правоохранительными органами при назначении наказания за преступление при имеющемся рецидиве преступного деяния. Стоит отметить, что особые правила, которые применяются при установлении наказания при рецидиве, основной целью имеют установление повышенного уровня уголовной ответственности для лиц, которые совершили преступное деяние при наличии имеющейся судимости. Такие правила находят отражения в ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Согласно вышеуказанному нормативному документу, при назначении уголовного наказания совершенно при любом виде

рецидива преступного деяния необходимо учитывать некоторые факторы, а именно:

- характер и степень общественной опасности преступлений, которые совершались ранее;
- обстоятельства, на основании которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось не совсем эффективным;
- характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступных деяний.

В настоящее время в судебной практике существуют определенные особенности назначения наказания по совокупности приговоров, которые находят отражения в ст. 70 УК РФ [1].

Проводя анализ современной судебной практики назначения наказания лицу, у которого имеется непогашенная судимость, можно сделать вывод, что судебные органы в настоящее время не всегда правильно и рационально оценивают ситуацию, когда виновный совершает новое преступное деяние до вступления предыдущего приговора в законную силу.

В п. 56 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», установлено, что совершение нового преступного деяния до вступления приговора по совершенному до этого преступлению, не формирует рецидива преступлений [2].

Необходимо дополнить статью 18 УК РФ новой частью, которая вносит ясность в решение проблемы, обозначенной в данной правовой норме: «Рецидив преступлений не образуется вследствие совершения лицом новых преступлений до вступления приговора в законную силу» [1].

В соответствии с санкциями соответствующей статьи наиболее строгое наказание, предусмотренное за совершение преступления, должно быть назначено на срок не менее одной трети максимального [3, с. 22].

Как указывается в данной норме права, рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Но на практике, считают, что данное

определение также необходимо применять к неосторожной форме вины [4, с. 27].

Среди ученых и специалистов юридической литературы существует мнение, что определение рецидива, которое закреплено в доктрине уголовного права, по своему значению очень узкое [5, с. 57]. Также А. В. Васильев утверждает, что не стоит забывать об опасности преступных посягательств, которые совершаются по неосторожности. С позицией вышеуказанного автора соглашается большая часть современных ученых, которые считают, что в законодательную базу нужно включать рецидив, образуемый умышленными и неосторожными преступлениями [6, с. 405].

Итак, под рецидивом в настоящее время подразумевается многоаспектная социальная проблема, так как лица, совершающие преступления с рецидивом, наделены высокими организаторскими способностями, а также обладают качествами, с помощью которых они оказывают воздействие на других людей [7, с. 30].

Исследование судебной практики показывает нам, что в современном российском государстве судебные органы в большинстве случаев допускают ошибки на основании того, что институт рецидива преступлений не проработан до конца [8, с. 170]. Со стороны законодательства всего лишь установлен точный срок наказания в случае, когда лицо совершает преступления вновь при имеющейся непогашенной судимости. В современном обществе рецидив преступлений является одной из основных проблем, и поэтому необходимо установить четкие правила назначения наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. — М.: Просвет. — 2024. — 78 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
3. Абдурахманова, С. М. Понятие и правовая природа наказания / С. М. Абдурахманова // Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета. — Махачкала: Издательство: ООО «АЛЕФ», 2021. — С. 21–23.
4. Безверхов, А. Г. Понятие наказания в уголовном законодательстве России / А. Г. Безверхов // Юридический вестник Самарского университета. — 2022. — Т. 4. — № 2. — С. 24–28.
5. Готчина, Л. В. Понятие и цели наказания / Л. В. Готчина // Мир политики и социологии. — 2023. — № 5–6. С. 56–67.
6. Карамашев, С. Б. Сущность и характерные черты цели уголовного наказания за совершенное преступление, при имеющейся судимости / С. Б. Карамашев // человек: преступление и наказание. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 401–406.
7. Касаткин, С. Н. Рецидив: основные признаки / С. Н. Касаткин // Вестник Самарского юридического института. — 2022. — № 5 (31). — С. 27–32.
8. Князева, О. В. Основные направления развития наказания в русском законодательстве / О. В. Князева // Уголовно-исполнительная система и русская православная церковь, другие традиционные для России религиозные объединения — взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. — Рязань: Издательство: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. — С. 168–173.

Вопросы материально-технического обеспечения безопасности работников прокуратуры

Кокарев Данила Владиславович, студент

Научный руководитель: Егоров Олег Николаевич, кандидат медицинских наук, доцент

Челябинский государственный университет

В статье проанализирована нормативная основа и материально-техническое обеспечение безопасности прокуратуры сотрудников органов прокуратуры, приведены возможные средства, а также актуальность законодательства в рассматриваемых вопросах и их механизм реализации в настоящее время. Охарактеризована теоретическая и практическая сторона данной сферы. Сформулирован вывод о возможных изменениях законодательства в области безопасности сотрудников прокуратуры РФ.

Приведена нормативная база и сформулированы материально-технические средства обеспечения личной безопасности сотрудников органов прокуратуры и реализации этих средств. Дана оценка и перспектива нововведений в законодательстве.

Ключевые слова: прокуратура, безопасность, материально-техническое обеспечение, гарантии, обеспечение личной безопасности, бюджет.

Актуальность темы обусловлена тем что финансирование материально технического обеспечения осуществляется из федерального бюджета РФ и Законодатель в рамках вопроса о материально-техническом обеспечении личной безопасности сотрудников правоохранительных органов, а именно работников Прокуратуры РФ ввел соответствующие гарантии, закрепленные в ведомственных актах Генеральной Прокуратуры РФ и Федеральном Законодательстве.

Немного статистики: в рамках материально-технического обеспечения работников прокуратуры соответствующими средствами было выделено — всего 113596933100 (сто тринадцать миллиардов пятьсот девяносто шесть миллионов девятьсот тридцать три тысячи сто рублей ноль копеек), из этой суммы было исполнено — 111641422970,28 (сто одиннадцать миллиардов шестьсот сорок один миллион четыреста двадцать две тысячи девятьсот семьдесят рублей двадцать восемь копеек) в достаточной степени средства были направлены на: техническое обеспечение (компьютеры, ноутбуки, системные обеспечения, ремонт) и прочие закупки [1].

В работе будут использоваться такие методы, как эмпирический, теоретический и практический, также необходимо сформировать нормативные источники анализа информации по рассматриваемой теме, предлагается следующий перечень нормативных правовых актов:

«Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);

«О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1 Федеральный закон от 17.01.1992 (ред. от 05.12.2022);

«Об оружии» № 150-ФЗ от 13.12.1996 (ред. от 29.12.2022);

«О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» № 45-ФЗ от 20.04.1995 (в ред. от 1 июля 2021 г.);

Порядок выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите (утв. постановлением Правительства РФ от 17 июля 1996 г. № 831);

«Об утверждении Инструкции по организации учета, хранения и выдачи боевого ручного стрелкового оружия и патронов к нему в органах прокуратуры Российской Федерации» Приказ Генпрокуратуры России № 296 от 12.09.2011.

Анализ ФЗ О Прокуратуре РФ определяет правовые гарантии, установленные для сотрудников органов Прокуратуры РФ:

Статья 52. Финансовое и материально-техническое обеспечение органов и организаций прокуратуры.

Обеспечение деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, включая материально-техническое, финансовое обеспечение, а также гарантий и компенсаций работникам этих органов и организаций, установленных настоящим Федеральным законом, является расходным обязательством Российской Федерации. Достаточно ли в настоящее время сотрудники Прокуратуры оснащены и обеспечены соответствующими материально-техническими средствами.

Компетенция об установлении норм материально-технического обеспечения органов и организаций прокуратуры Российской Федерации за счет средств федерального бюджета, выделенных на эти цели прокуратуре Российской Федерации возложена на Генерального прокурора Российской Федерации в пределах его полномочий [2].

Основной проблемой данной работы является надлежащее оснащение материально-техническими средствами работников прокуратуры, поскольку данное оснащение является важнейшим условием деятельности прокуратуры, в связи с тем, что ее функционирование невозможно без в достаточной мере материально-технического обеспечения для эффективной реализации работниками прокуратуры РФ своих обязанностей, а также служат обеспечением личной безопасности как себя, так и своих близких, в том числе и иных лиц.

Материально-технические средства, которыми оснащены прокуратуры городов и районов, можно условно подразделить на четыре категории:

Средства, обеспечивающие необходимые условия работы (помещение, приборы освещения, средства связи, мебель); автоматизированные средства (множительные устройства и компьютерная техника, общесистемные программные средства, базы данных и т.д.); автотранспорт и его техническое обеспечение; криминалистическая техника.

Решение о материально-техническом обеспечении прокуратуры городов (районов) направляют в прокуратуру субъекта федерации письма (заявки), в которых излагают и обосновы-

вают свои соображения, касающиеся материально-технического обеспечения прокуратуры. Заявки направляются на имя прокурора субъекта федерации. После тщательного их рассмотрения прокурор субъекта федерации либо его заместитель принимает решение по материально-техническому обеспечению подчиненных ему прокуратур об удовлетворении, частичном удовлетворении заявки либо отказе.

Организация приемки, хранения и выдачи товарно-материальных ценностей, в том числе средств вычислительной техники и защиты информации, материальных запасов в части расходных материалов, запасных частей и принадлежностей к ним на складе Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В рассматриваемой теме будет дан анализ тем средствам, которые носят в своей направленности характер обеспечения личной безопасности сотрудников прокуратуры РФ. Законодатель определил лишь широкое значение материально-технических средств, это можно назвать пробелом и недостаточностью на уровне Закона. Ведомственные же акты регулируют вопросы различных средств, что касает обеспечения личной безопасности, то в данном случае необходимо рассмотреть вопросы и нормативную основу о выдаче огнестрельного оружия работников Прокуратуры РФ [3, с. 4].

Решение о выдаче оружия принимается и разрешение на хранение и ношение оружия дается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем, в ведении которого находятся вопросы оборота оружия, заместителями Генерального прокурора Российской Федерации, дислоцированными в федеральных округах, прокурорами субъектов Российской Федерации и приравненными к ним прокурорами специализированных прокуратур.

Основанием для выдачи оружия служит рапорт прокурора, поданный в установленном порядке. Решение о выдаче оружия принимается с учетом характера служебной деятельности и конкретной ситуации, личной дисциплинированности, состояния здоровья прокурора и только после сдачи зачетов по устройству оружия, знанию мер безопасности, правил ношения, хранения и применения, навыкам обращения с ним.

При выдаче прокурору оружия на постоянное хранение и ношение дополнительно проверяются условия его хранения по месту жительства прокурора. Занятия по правилам обращения с оружием и учебные стрельбы с прокурорами проводятся не реже одного раза в квартал наиболее подготовленными работниками органов прокуратуры либо инструкторами из других военизированных организаций.

Для получения оружия на постоянное хранение и ношение представляются: рапорт прокурора на имя руководителя органа прокуратуры, завизированный начальником подразделения, в котором проходит службу прокурор; лист с результатами обучения правилам обращения с оружием, оценкой знания настоящей Инструкции, требований ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» о порядке применения огнестрельного оружия, выполнения упражнений стрельб из оружия; медицинское заключение (форма № 046-1) о состоянии здоровья, кроме прокуроров, имеющих разрешение органов МВД России на право хранения охотничьего огнестрельного оружия [4].

Иными материально-техническими средствами обеспечения личной безопасности сотрудников Прокуратуры РФ являются:

Иные средства самообороны, направленные на пресечение и недопущение возможного посягательства как на работника Прокуратуры, его близких, так и иных лиц (средства спец. связи, автомобильное сопровождение, специальное оборудование, передатчики и т.д.) [5, с. 124]. В рассматриваемой теме необходимо сделать акцент на технической составляющей обеспечения личной безопасности Работников Прокуратуры.

Оборудование рабочих и личных средств связи (мобильных телефонов, ноутбуков и планшетов) соответствующим программным обеспечением, которое позволяет пресечь попытки и возможности злоумышленников на передачу служебных данных с техники прокуроров, которые в свою очередь могут составлять охраняемую законом государственную тайну.

Организация предоставления служебных помещений, размещение, материально-техническое оснащение служебных мест (компьютерной, организационной и бытовой техникой,) и участие в обеспечении безопасных условий работы прокуроров, федеральных государственных гражданских служащих, работников в зданиях Генеральной прокуратуры Российской Федерации с учетом технических регламентов и требований государственных стандартов, санитарных, противопожарных и других действующих нормативных документов [6].

Основной проблемой (проблемами) можно считать, в должном и достаточном ли объеме обеспечиваются прокуроры соответствующими материально-техническими средствами для обеспечения личной безопасности, сам порядок запроса в вышестоящую Прокуратуру о предоставлении указанных ранее средств, то есть имеется в виду адекватный запрос и отсутствие бюрократии [7].

На данный момент государство в отношении денежного содержания работников прокуратуры проводит политику многопланового стимулирования их деятельности, тем самым ориентируя их на добросовестный труд и эффективную работу, например, материально-техническое обеспечение подготовки и проведения в Генеральной прокуратуре Российской Федерации заседаний коллегии, совещаний и других мероприятий [8, с. 265].

По нашему мнению, говоря о каких-либо новшествах, можно и необходимо ввести новеллы в законодательстве и практике о Прокуратуре РФ следующие положения, которые наиболее эффективно и точно регламентируют материально-техническое обеспечение личной безопасности работников Прокуратуры РФ:

1. Ввести хотя бы примерный перечень материально-технических средств для работников Прокуратуры РФ в ФЗ;
2. Охарактеризовать и обеспечить точное исполнение и снабжение указанными выше средствами в соответствующем приказе Генеральной Прокуратуры РФ;
3. Проводить с сотрудниками обобщающую и профессиональную подготовку к применению тех материально-технических средств, с которыми они не были знакомы, но которые впоследствии обеспечат личную безопасность как самих работ-

ников, так и их близких, и иных лиц, на которых может быть совершено посягательство, которая будет осуществлять посредством издания и оснащения работников Прокуратуры методическими материалами, соответствующими инструкциями и видеоматериалами;

4. Возможное увеличение строки бюджета на соответствующие направления (увеличение затрат на материально-техническое обеспечение в тех направлениях и в те органы Прокуратуры, в которых они минимальны и в недостаточном количестве для нормального функционирования структуры)

В заключении проведенного исследования необходимо отметить, что действующая нормативная основа и практическая реализация обеспечения сотрудников материально-техническими средствами вполне достаточна и весьма широко реализуется на практике. Существует порядок, механизм реализации этого направления в рамках гарантий работников, действует и функционирует соответствующий отдел и компетенция Прокуроров (руководящих должностных лиц органов и организаций Прокуратуры РФ).

Конечно же, особое внимание в ходе анализа важно уделить именно нормативной основе, которая регламентирует порядок реализации, обеспечения, снабжения и т.д. материально-техническими средствами сотрудников соответствующего ведомства правоохранительной системы РФ, при этом необходимо отметить, что сама по себе служба в органах прокуратуры подразумевает постоянное обучение в связи с постоянными нововведениями в законодательстве и иных методических рекомендациях для сотрудников прокуратуры а также инструкции по делопроизводству и иных актов Генеральной прокуратуры

Обобщая вышеуказанное выводом, важно сделать акцент на совершенстве и эволюции гарантий обеспечения личной безопасности работников Прокуратуры посредством анализа всей нормативной базы и практических механизмов, в связи с тем, что нормативные правовые и соответствующие ведомственные акты постоянно дополняются, расширяются, конкретизируются и совершенствуются, ведь меняется общество и с ним меняется его структура, структура государства в лице органов Прокуратуры РФ.

Литература:

1. Генеральная Прокуратура РФ. Статистические данные о деятельности органов прокуратуры в части сведений об использовании выделяемых бюджетных средств по состоянию на 01.01.2022 г / Генеральная Прокуратура РФ. — Текст: электронный // epp.genproc.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/budget> (дата обращения: 19.04.2024).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024).
3. Долинко, В. И. Материально-техническое снабжение ОВД МВД России: принципы, процессы, субъекты и объекты / Долинко В. И. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2012. — № 1(53). — С. 1–4 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialno-tehnicheskoe-snabzhenie-ovd-mvd-rossii-printsipy-protssesy-subekty-i-obekty> (дата обращения: 19.04.2024).
4. «Об утверждении Инструкции по организации учета, хранения и выдачи боевого ручного стрелкового оружия и патронов к нему в органах прокуратуры Российской Федерации» Приказ Генпрокуратуры России № 296 от 12.09.2011.
5. Свечников, Н.И., Антошкина А. С., Личная профессиональная безопасность сотрудников органов прокуратуры / Свечников Н. И. — Текст: непосредственный // Наука. Общество. Государство. — 2019. — № 2 (26). — С. 119–127. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnaya-professionalnaya-bezopasnost-sotrudnikov-organov-prokuratury> (дата обращения: 19.04.2024).
6. «Положение о Главном управлении обеспечения деятельности органов и организаций прокуратуры Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (утв. Генпрокуратурой России 01.03.2018).
7. «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 830 от 27 ноября 2019 г.
8. Сыркина, Е.В. Материально-техническое обеспечение работников прокуратуры / Е.В. Сыркина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 11 (458). — С. 264–267. — URL: <https://moluch.ru/archive/458/100854/> (дата обращения: 19.04.2024)

Медиация и ее роль в защите прав наследников

Колесникова Екатерина Алексеевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В настоящей статье рассмотрена роль медиации как альтернативного способа защиты наследственных прав. Раскрыта эволюция медиации в Российской Федерации и зарубежных странах. Изучен практический пример использования медиации в наследственном споре. Обосновывается необходимость развития медиации в урегулировании наследственных споров.

Ключевые слова: медиация, наследование, процессы медиации, наследники, принципы медиации

Mediation and its role in protecting the rights of heirs

Kolesnikova Yekaterina Alekseevna, student master's degree
North-West Institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Vologda)

This article considers the role of mediation as an alternative way to protect inheritance rights. The evolution of mediation in the Russian Federation and foreign countries is revealed. The practical example of using mediation in an inheritance dispute is studied. The necessity of development of mediation in the settlement of inheritance disputes is substantiated.

Keywords: mediation, inheritance, mediation processes, heirs, mediation principles.

В современном обществе, где конфликты и споры в различных сферах жизни неизбежны, медиация выходит на передний план как эффективный инструмент разрешения конфликтов. Медиация представляет собой процесс урегулирования споров, основанный на диалоге и сотрудничестве, в котором независимое третье лицо, то есть, медиатор, помогает сторонам найти решение, которое будет приемлемо для обеих сторон, и в конечном итоге позволяет прийти к медиативному соглашению. Медиация — это древний инструмент международного права, который можно обнаружить в глубинах истории, там, где дальнейшее движение вперёд было невозможно без урегулирования разногласий или когда достижение обязательного решения было проще осуществить через переговоры, а не через установленные нормы или иерархические порядки [1, с. 15]. Например, завершение Тридцатилетней войны было достигнуто, благодаря медиации.

В статье упомянуты аспекты исторического развития и становления института медиации в Российском законодательстве.

Современная форма медиации возникла лишь во второй половине двадцатого века. Сначала она получила свое развитие в англосаксонских странах, затем в европейских правовых порядках [2, с. 80].

Поскольку споры имелись всегда и являются неотъемлемой частью человеческой природы, то с давних веков и времен существования первобытного общества присутствовали в разнообразных формах способы мирного урегулирования конфликтов. Для их разрешения прибегали как к переговорам между конфликтующими сторонами, так и к медиации, которую можно назвать особым видом переговоров, где ключом примирения выступала сторона, сохраняющая нейтралитет и способная помочь погасить конфликт сторон.

При анализе статистики за весь период применения процедуры медиации можно сделать вывод, что большинство примирительных процедур в зарубежных странах проходит с участием медиатора (более 80% споров), достигается положительный результат путем заключения соглашения об урегулировании спора.

Этот метод разрешения конфликтов стал востребованным в сфере предпринимательства, семейных отношениях, образовании и других областях. Касательно появления медиации в Российской Федерации, данный институт существует в России более 20 лет, а после вступления в силу 1 января 2011 года специального закона он вышел на новый уровень. Речь идет о Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3] (далее — Закон

о медиации). В соответствии с ним медиативным соглашением признается документ, в котором фиксируются достигнутые сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору договоренности сторон при успешной завершении процедуры медиации с целью достижения взаимопонимания и составления договора, разрешающего конфликтную ситуацию.

Рассматривая наследственные споры, можно сделать вывод о том, что подобные ситуации часто порождают не только юридический, но и эмоциональный конфликт, создавая сложные ситуации для всех заинтересованных сторон. Как известно, распределение наследства может стать источником конфликта и разногласий среди наследников, которые в большинстве случаев являются родственниками. По этой причине медиация имеет важное значение, потому как в этом вопросе следует не только разрешить наследственный спор, но и сохранить дружеские отношения между сторонами. Медиация предлагает эффективный метод разрешения конфликтов путем посредничества, обеспечивая участникам процесса возможность самостоятельно договориться о спорных вопросах без необходимости обращаться к суду. При этом стоит акцентировать внимание на том, что именно при разрешении споров, возникающих из наследственных правоотношений, примирительная процедура внесудебного урегулирования конфликтов, применяется реже, нежели чем при разрешении других видов споров.

Стоит уточнить, что есть несколько основных принципов медиации, которые указаны в Законе о медиации: добровольное участие, обеспечение конфиденциальности, совместная работа и равноправие, а также нейтральность и независимость медиатора. Их применение помогает сделать процессы медиации более эффективными.

Но бывает так, что стороны «застревают» в конфликтном взаимодействии. Тогда медиатор проводит процедуру кокуса. Кокус — это организованная индивидуальная встреча медиатора со стороной, которая проходит под условием обязательного сохранения конфиденциальности переговоров. Этот этап не является обязательным в медиации. Чаще всего это даже, скорее, исключение, чем правило. Он применяется в тех случаях, когда стороны не готовы дальше продолжать процесс урегулирования конфликта, а также проводить переговоры друг с другом.

Конечно, и у этой процедуры можно выделить свои плюсы и минусы. Выявление истинных интересов сторон, новых обстоятельств, приватность, рефлексия участников процесса — это несомненные плюсы кокуса. Но, а как же тогда основной принцип медиации? Ведь медиация в первую очередь про ком-

муникацию и прямое взаимодействие между спорящими сторонами, а не между лицом и посредником. Но, несмотря на это, стоит отметить, что все же главное в этой процедуре урегулирования конфликтов — прийти к общему решению, устраивающему обе стороны любым разумным способом.

На данный момент на всей территории Российской Федерации имеется довольно большое количество организаций, которые реализуют процедуру медиации, в их числе следующие учреждения: Служба медиации СПб ГБУ ГЦСП «Контакт» [4], некоммерческое партнерство «Лига медиаторов» [5], есть медиаторы, занимающиеся юридическими процессами самостоятельно.

Рассмотрим один пример медиации по наследственному спору, который был предоставлен медиатором Л. Русских, ведущей частную практику на территории Республики Удмуртия.

Вид медиации, примененной в данном случае, относится к категории семейной медиации, где центральным аспектом является разрешение семейных конфликтов и споров. В данной ситуации наследники обратились к медиатору с запросом о разрешении спора, связанного с определением порядка пользования жилым домом и прилегающим к нему земельным участком.

Участниками процесса были семь наследников, представленных кровным братом и тремя сестрами, дочерью умершего, сводной сестрой и женой умершего. Наследники имели напряженные отношения между друг другом в связи с проблемой определения порядка пользования домом, однако все стороны спора подписали соглашение о применении медиации. Кроме того, на медиации присутствовал муж младшей сестры, оказывавший влияние на ее решения.

Процесс медиации продолжался 5,5 часов в течение одного дня. Медиатор представил сторонам основные принципы медиации и объяснил процедуру, отметив ее добровольный характер. После обсуждения стороны приняли решение о применении медиации и подписали соответствующее соглашение.

Для более эффективного проведения процесса урегулирования спора наследники были разделены на две группы: первая группа включала кровного брата, трех сестер и дочери, а вторая группа состояла из сводной сестры и жены умершего.

В ходе медиации сторонами было предложено семь вариантов разрешения спора, включая варианты, связанные с перепланировкой дома, посещением дома по расписанию, предоставлением дополнительного пространства для двух наследников из второй группы и продажей их долей.

В результате медиации было достигнуто соглашение, по которому наследники второй группы продают свои доли младшей сестре. В соглашении были определены сумма и порядок оплаты. Кроме того, между участниками были восстановлены хорошие отношения, что является важным результатом медиации, учитывая их семейные и соседские связи [6].

Подводя итоги вышесказанного, стоит обратиться к определенным аналитическим исследованиям для того, чтобы определить роль медиации и сделать выводы касательно эф-

фективности и необходимости данного метода разрешения конфликтов. Так, в аналитическом отчете «О деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации» за период с 2021 по 2022 годы указана информация о том, что общее число случаев, которые были направлены в службы медиации было увеличено на 91 процент по сравнению с периодом с 2020 по 2021 годы. Общее число составило 181 523 случая, из которых положительно были завершены 109 935, что подтверждает эффективность данного метода [7, с. 4].

Касательно роли медиации в защите прав наследников, стоит подчеркнуть, что этот метод является эффективным, так как наследственные споры традиционно являются одними из самых сложных и длительных, а с помощью посредника стороны регулируют не только имущественные, но и личные отношения. Так, в примере, описанном ранее, наследственный спор с помощью медиации был решен за 5,5 часов, при обращении в суд этот процесс занял бы гораздо большее количество времени, а итоговый результат мог бы не принести должного удовлетворения для всех наследников.

В качестве возможного совершенствования Закона о медиации можно предложить сделать процедуру медиации одним из обязательных альтернативных аспектов в сфере наследственных споров. Этот вид гражданских конфликтов является одним из самых сложных и энергозатратных, а также вполне может продолжаться длительный отрезок времени. Чтобы наследство не стало камнем преткновения даже для хороших семейных взаимоотношений наследникам всегда будет полезно прибегнуть к помощи профессионала, который разъяснит тонкости и нюансы процесса, объективно разберется в вопросах спора и поможет найти взаимовыгодное решение.

В связи с этим будет целесообразно законодательно предусмотреть обязательное прохождение процедуры медиации по наследственным спорам. Чтобы сделать медиацию обязательной, не нарушая принцип добровольности, предлагается внести в ГК РФ, дополнив главу 64 «Приобретение наследства», статьей 1175.1, предусматривающей предварительное участие наследников в медиации перед передачей наследственного спора в суд.

Введение таких изменений в законодательство будет подразумевать медиативный процесс как аналог обязательного досудебного порядка урегулирования спора. То есть перед обращением в суд стороны обязаны обсудить вариант урегулирования конфликта миром с помощью медиации.

Отмечая принцип добровольности медиации, стоит отметить, что стороны не обязаны прийти к медиативному соглашению. Таким образом, стороны будут обязаны пройти процедуру, но они всегда сохраняют право отказаться от нее. Такой подход позволит сделать медиацию обязательной, но при этом сохранит принцип добровольности участия сторон.

Что касается правоприменительной практики, то заключение медиативного соглашения значительно упростило бы разрешение ситуаций, возникающих при наследовании.

Литература:

1. Сороколетова М. А. Медиация в России и опыт примирительных практик в некоторых зарубежных странах // Научные тенденции: Юриспруденция. — 2020. — год. — С. 15–16.

2. Дюкарева А. А. Эффективность института медиации и его основной вектор развития в современной России // Экономика. Право. Общество. рб — 2017. — (3) — С. 79–86.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс].— Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31539> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Служба медиации СПб ГБУ ГЦСП «Контакт» [Электронный ресурс].— Режим доступа: URL: <https://profcenter.spb.ru/медиация/>
5. Некоммерческое партнерство «Лига медиаторов» [Электронный ресурс].— Режим доступа: URL: <http://www.arbimed.ru/>
6. Юрист Русских Л. А.— Режим доступа: URL: yuristru@bk.ru
7. Аналитический отчет «Мониторинг деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации», подготовленный ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» [Электронный ресурс].— Режим доступа: URL: https://fcprc.ru/media/media/mediacia/Мониторинг_2021-22_года_pRaSvUs.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 17 (516) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 08.05.2024. Дата выхода в свет: 15.05.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.